GRANITE OF SCIENCE
SCIENTIFIC AND POPULAR JOURNAL
№7 2021

СУБКУЛЬТУРЫ ЗАВОЕВАЛИ ВЕСЬ МИР

МОДЕЛЬ «ПЕРЕВЕРНУТОГО ДРЕВА»
PROF. ФРИДРИХА ЛОУРЕНСА

МОТОСУБКУЛЬТУРА СО СЛОВ ЧЕМПИОНА
НИКА АЙНОЧА

НОВЫЙ БЕРЛИН
НЕОБЫЧНЫЙ, РАЗРУШИТЕЛЬНЫЙ И ОПАСНЫЙ

DR. ДЖЕРОМ КРЕЙС
О СИМВОЛИЧЕСКОМ ИНТЕРАКЦИОНИЗМЕ

РЕЛИГИЯ И СУБКУЛЬТУРА
ЧТО ПОСТАВЛЕНО НА КАРТУ?

ГЭВИН УОТСОН
ЖИЗНЬ И МЫШЛЕНИЕ СКИНХЕДОВ

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ
ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СУБКУЛЬТУРЫ

PROF. МАКСИМ ЛЕПСКИЙ
СУБКУЛЬТУРА КАК КОМПЕНСАЦИЯ

ГРАНИТ НАУКИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
О УКРАИНСКОЙ И МИРОВОЙ НАУКЕ

ОТ РЕДАКТОРА

Здравствуйте, уважаемые читатели «Гранита науки»!

Седьмым, летним номером журнала мы снова чествуем активность Европейской академии наук Украины, которая проводит невероятно актуальные и всецело достойные внимания научные конференции с признанными экспертами международного уровня. Тех, кто не знаком с ее деятельностью, отсылаем к предыдущему нашему номеру, объединенному темой **«Проблемы источниковедения в современной науке и сопряженных отраслях»**.

Конференция **«Нарисуй субкультуру»** стала первым в своем роде публичным обсуждением тематики, которую до сих пор принято было считать молодежной. Кому какое дело, казалось бы, до всех этих хиппи, панков, байкеров и стрейтэджеров? Пусть себе развлекаются, лишь бы не мешали взрослым серьезным людям делать свои дела. Однако доклады авторитетных экспертов из разных отраслей знания сделали очевидным тот факт, что субкультуры сегодня — как никогда прежде вовлечены в бизнес, политику и прочие «взрослые» вещи. Что, по факту, **«высший пилотаж» — это создать субкультуру… вокруг своего бизнеса**!

Все знания, которые вы почерпнете из этого номера, являются прикладными. Они полезны как для бизнесмена (о чем сказано выше), так и для ученых — востребованность исследований которых в этой тематике станет очевидной уже в ближайшие годы. Дается не только конкретный опыт научных изысканий конкретных ученых, но и сама методология исследования — и создания! — субкультур, отталкиваясь от модели «перевернутого древа», предложенной в применении к данной тематике британским профессором Лоуренсом и развитой другими участниками конференции.

Обсуждение велось целых 6 дней. Мы подготовили для вас текстовые версии докладов экспертов в переводе на русский язык, а видеозаписи каждой панели конференции всегда доступны на нашем Youtube-канале. Подписывайтесь на него — и продолжите для себя интеллектуальное пиршество духа, которым «угостили» нас такие зоркие к текущему моменту люди, как профессор Джером Крейс, доктор Массимо Интровинье, доктор Олег Мальцев, доктор Джеффри Уэст, профессор Михаил Минаков и другие выдающиеся умы человечества!

Дарья Тарусова

В НОМЕРЕ

1. К чему стремится человек 6
2. Введение 10
3. **PROF. ФРЕДЕРИК ЛОУРЕНС.** Модель перевернутого дерева для исследования субкультур 18
4. **DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ.** Подход к исследованию субкультуры 22
5. **«НАРИСУЙТЕ СУБКУЛЬТУРУ».** Методическое пособие 30
6. **DR. ДЖЕРОМ КРЕЙС.** Рассматривая «суб-» и прочие виды культур 34
7. **DR. ДУГЛАС КЕЛЛНЕР.** Размышления об исследовании и жизни в субкультурах 44
8. **НИК АЙНОЧ.** Субкультура моторизованного двухколесника (и как ее можно значительно улучшить и увеличить) 48
9. **DR. БЕРНАРДО АТТИАС.** Теория и практика исследования субкультур, их атрибутов и символов 52
10. **PROF. РОСС ХЭНФЛЕР.** Смыслы субкультуры: возникновение, расхождения и постоянство в “straight edge” 58
11. **САЙМОН МАКГРЕГОР-ВУД.** Tourist Trophy на острове Мэн: субкультура опасности 66
12. **КОНСТАНТИН СЛОБОДЯНЮК.** Рисунок Фридриха Лоуренса и теория построения субкультур 70
13. **PROF. МАКСИМ ЛЕПСКИЙ.** Субкультура как индивидуализированная мифологическая компенсация в современном обществе 74
14. **PH. D. МАРІЯ КУЛИК.** Соціологічні теорії ідентичності в поясненні механізмів самовизначення представників субкультур 80
15. **ЕДУАРД БОЙКО.** Субкультурні комунікації як неформальні інтеракції підлітків 82
16. **PH. D. КАПРІЦИН І. І.** Субкультура злодіїв в системі усвідомлення культури 86
17. **DR. ВЛАДИМИР СКВОРЕЦ.** Формирование субкультур как технология латентного социального управления 90
18. **PROF. ВИТАЛИЙ ЛУНЕВ.** Феномен субкультуры: глубиннопсихологические аспекты исследования проблемы «СУБ» 96
19. **DR. СТИВ ДЖЕННАРО.** Изучая молодежные субкультуры: подход, базирующийся на праве 100
20. **АВИ НАРДИЯ.** От мифологем к идеям как основополагающим элементам формирования субкультуры 108
21. **ДЕРЕК РИДЖЕРС.** Способы исследования атрибутов и символов субкультур 112
22. **ГЭВИН УОТСОН.** Жизнь и мышление скинхедов 118
23. **ФИЛ КОЭН.** Рамки молодежного жизненного курса 124
24. **PROF. МИХАИЛ МИНАКОВ.** Исследуя субкультуру сквозь линзу акторно-сетевой теории 128
25. **ИРИНА ЛОПАТЮК.** Атрибуты и символы в субкультурах: подходы к исследованию 132
26. **ПОЛ РОАДС. Г**лобальная техно-идеология как религия 136
27. **PROF. МЭТЬЮ УОРЛИ.** Модель перевернутого дерева профессора Ф. Лоуренса для изучения субкультур 142
28. **МАРКО АНДРЕАККИО И ЛЮСЬЕН УЛАБИБ.** Религия и субкультуры: что поставлено на карту 146
29. **ПОЛ ХОКЕНОС.** Новый Берлин: необычный, разрушительный и опасный 150
30. **САНДЖАЙ СОКХУ.** Боевые искусства как школа жизни 164
31. **ФЕДЕРИКО РОЗО.** «Эксперт в области безопасности» как представитель определенной субкультуры 168
32. **МАРКО ТРОВАТО.** Открытие настоящего континента 172
33. Резолюция 178

К ЧЕМУ СТРЕМИТСЯ ЧЕЛОВЕК?

В XXI веке человек еще может выбрать, и ему предлагается вариативный набор выгодных, удачных, удобных и даже просто красивых стилей жизни: **от «преступного богатства» до «блистательного образа жизни»** вольного путешественника, от тернистого пути бизнесмена до экстремального укротителя стихии. Однако что даёт каждый из этих стилей жизни? Всегда ли образ жизни отвечает истинным, тайным и сокровенным стремлениям человека?

Нередко проживая одну жизнь и достигая каких-то высот, например, в профессиональной деятельности, наличествует сила пустоты нереализованного стремления человека, находящегося в поиске чего-то иного. И часто он его находит. В том числе в сообществе не менее притязательных и деятельных единомышленников, в особой среде, именуемой **«СУБКУЛЬТУРА»**.

Сегодня тенденции таковы, что субкультуры настолько плотно вошли в повседневность современного человека, что стали чем-то неотъемлемым и обыкновенным. Семья, работа, сделки, переговоры — это одно, но, скажем, прыжки с парашютом или поездки на «верном» байке в компании таких же любителей мотоциклов и этого образа жизни — совсем иное, не менее важное. Положение вещей таково, что сегодня практически все, так или иначе, имеют причастность к какой-то субкультуре. Другое дело, когда естественность этого **занятия «для души» не всегда именуется «субкультурой»**, хотя суть от этого не меняется. По факту, человек может находиться даже не в одной, а в нескольких субкультурах — и ничего об этом не знать и не иметь представления к чему это может привести, каковы сценарии, цели и задачи этой среды. И порой даже самая привлекательная идея и «загадочно» сформулированная идея (например, как у хиппи — достичь нирваны), на деле остается чем-то запредельным для понимания (ибо что такое «нирвана» и как понять, что это состояние достигнуто). В идее не существует ни пояснений, ни критериев, ни параметров.

И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ ЧЕЛОВЕКА ЭТО НЕ ОСТАНАВЛИВАЕТ. МНОГИЕ ОХОТНО СТРЕМЯТСЯ К ТОМУ, О ЧЕМ ФАКТИЧЕСКИ НИЧЕГО НЕ ЗНАЮТ.

Чем же так привлекательны субкультуры? Почему они так притягательны как для исследователей, так, например, и для бизнесменов? И, что не менее важно, как это происходит, что субкультура закаляет и воспитывает, «затачивает» человека, прививая ему определённые навыки, взгляды и умения?

По факту, это удивительная среда, в которой люди самостоятельно (!), автономно, без внешнего на то побуждения, без гетерономной контрольно-регулирующей функции, объединяются вокруг некой идеи и со всей душой, исходя из собственных стремлений занимаются любимым делом. Если рассматривать субкультуру как некую среду, она и правда удивительна: в этой среде нет отбора — люди свободно, сами выбирают к какой субкультуре им принадлежать: хиппи, ролевики, неформалы, эмо, геймеры, граффитеры, металлисты, байкеры… этот перечень только растёт с каждым десятилетием.

ЧТО ЕСТЬ СУБКУЛЬТУРА? ЕДИНСТВА МНЕНИЙ ПО ЭТОМУ ВОПРОСУ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

ОДИН термин и МНОЖЕСТВО определений. Множество «масок» и множество «имён». Неужели субкультура так многолика, словно древнее божество, воплощающее разные вариации «сакральной» силы, с которой не совладать человечеству на пути познания? Что же такое «субкультура»? Система ценностей? Органическая часть «общей культуры»? Или продукт негативной интерпретации культуры традиционной — часть “контркультуры”?

На деле определений, данных академической наукой не пять, и не пятнадцать. Их гораздо больше, свыше полусотни существует только на русском языке. А если ещё обратиться к американским, испанским или немецким энциклопедиям и академическим трудам — определений будет на порядок больше.

Однако не в количестве же определений суть, а в качестве понимания и отображении сущности исследуемого понятия. Достаточно бы одного определения, но нет, почему-то не хватает, отчего-то плюрализм коснулся и такого понятия как «субкультура», осмысляемого как социологами и философами, так и этнографами и психологами.

Первое экспериментальное наблюдение, свидетелями которого мы являемся — это отсутствие единого академического представления о «субкультуре». Тем не менее, найти «единый знаменатель» в столь разрозненных представлениях и различных определениях — задача посильная.

ЧТО ИМЕННО МЫ ОПРЕДЕЛЯЕМ КАК «СУБКУЛЬТУРУ»?

Почему это определение не является только предметом исследования культуры, религиоведения, философии, других отдельных гуманитарных или социально-политических дисциплин, а требует целостности и междисциплинарности рассмотрения? Другими словами, предстоит выяснить, чем непосредственно «субкультура» отличается от прочих понятий. И в этом выявлении различий нам в помощь — существенные характеристики. У каждого явления всегда есть набор неотъемлемых признаков, по которым человек точно сможет отличить явление от всего прочего. Так или иначе, у каждого объекта, явления, категории существует характерная и только ей присущая система дифференцирующих признаков, дающих различение явлений одного от другого. Но каковы эти атрибуции, характеристики, признаки или параметры в субкультурах? Вопрос открыт. Равно как и открыт вопрос методологии и методики исследования этого явления, достойного комплексного междисциплинарного подхода.

Эти и многие другие вопросы сегодня открыты и буквально требуют новационных подходов и объективного диалога «на понятном» научном языке. К таковому диалогу были приглашены мировые эксперты, учёные, исследователи, практики и знатоки, которые готовы к проведению научной дискуссии в стремлении к истине и поиску научных закономерностей развития человека и общества.

СЕГОДНЯ СУБКУЛЬТУРЫ ЗАВОЕВАЛИ ВЕСЬ МИР. И НЕТ НИ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА В МИРЕ, КОТОРЫЙ БЫ НЕ ПРИНАДЛЕЖАЛ К ТОЙ ИЛИ ИНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ.

— ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Есть мнение, что субкультуры — это явление, которое появилось в XX в. практически из ниоткуда и давно уже исчезло как таковое. Однако, это явление не только продолжает существовать, развиваться, ретрансформироваться, но и приобретает глобальный характер. В современном мире буквально каждый человек прямо или косвенно, добровольно или по воле судьбы, а иногда даже неосознанно принадлежит к той или иной субкультуре. Кто-то занимается экстремальными видами спорта, кто-то ходит на рок-концерты, читает книги определенного жанра и т.д. Сейчас многие профессии, культуры и традиции превращаются в субкультуры, а человек неизбежно является их частью. Безусловно, это порождает приверженность человека к определенной философии, убеждениям, идеям, образу жизни, а в некоторых случаях кардинально изменяет жизнь и судьбу. Эта статья направлена на то, чтобы заложить фундамент в понимании что такое субкультуры и как они влияют на человека.

Интерес к изучению субкультур с каждым годом возрастает, в научном мире все больше и больше публикуется книг относительно этого феномена. Однако, по мере нарастания количественных показателей становится заметным расхождение во мнениях разных исследователей. В Оксфордском словаре субкультура определена как «группа, которая относится к определенной культуре, часто со своими собственными убеждениями или интересами, которые расходятся с общепринятыми, свойственными широкой культуре». Среди исследователей субкультур есть социологи, антропологи, философы, психологи, политологи, историки, культурологи и многие другие ученые, которые в том числе рассматривали их как отдельное явление, а также их влияние на человека и общество. Однако, стоит отметить важность именно научного подхода ряда ученых, которые для исследования этого феномена использовали различные специализированные методики и технологии. Тем не менее, анализ различной научной литературы свидетельствует о наличии значительных расхождений.

ЗДЕСЬ ВАЖНО ВЫДЕЛИТЬ НЕСКОЛЬКО ПРИЧИН ТАКИХ РАСХОЖДЕНИЙ:

- Во-первых, результаты исследования зависят от специализации и компетенции ученого. Так, социолог при изучении субкультуры получает одни результаты, а историк или психолог — другие.
- Во-вторых, к различным выводам приводит опора на различные источники и конкурирующие школы, особенно, когда изыскатели не проводят собственных полевых исследований, а опираются на недостоверную информацию.
- В-третьих, расхождения зависят от того, посвящено ли исследование специально субкультурам, или же они являются лишь частичным (косвенным) предметом.
- В-четвертых, специфика понимания субкультуры во многом зависит от сформированного мировоззрения и профессиональной позиции ученого, его апологетической, объективной или критической установки.

Для того, чтобы комплексно изучить вопрос субкультур необходимо ознакомится с рядом книг и научных работ по данной тематике. Основная проблема, с которой может столкнуться исследователь — большинство источников написаны на иностранном языке. Данный аспект значительно усложняет научно-исследовательскую работу.

Указанная проблема разности мнений и доводов относительно субкультур является основополагающей для точки зрения дальнейших разработок и исследований, так как закладывает исходный фундамент. На этой основе базируются дальнейшие работы в этих направлениях, а также концептуальная модель и методология. Независимо от того, какую методологию или подход использует ученый в своей работе, все гипотезы, выводы, результаты должны быть достоверными, доказанными фактами.

Исследование субкультур требует высокой профессиональной и психологической подготовки, а также навыков сбора информации, которыми должен обладать ученый для того, чтобы работать с источниками и сделать выводы. В том числе для него важно не стать приверженцем исследуемой субкультуры, так как практика показывает, что многие люди, которые начинают интересоваться какими-либо субкультурами подвергаются огромному риску начать разделять их философию и взгляды.

ПОЭТОМУ БЫЛО БЫ УМЕСТНО УКАЗАТЬ ОСНОВНЫЕ ОШИБКИ, КОТОРЫЕ МОГУТ БЫТЬ ДОПУЩЕНЫ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СУБКУЛЬТУР:

1. Использование анкет и вопросников для получения статистических данных при исследовании объектов, чьи приверженцы, как правило, не желают делиться достоверной информацией. В результате чего проделанная работа может быть абсолютно бесполезной.
2. Вероятность поставить под угрозу безопасность исследовательского аппарата при попытке проведения соцопроса или анкетирования в закрытых организациях (субкультурах), которые в некоторых случаях могут резко и даже негативно отреагировать на подобные методы исследования.
3. Использование социологических методов, которые подходят при исследовании одних объектов и совершенно не подходят для исследования других в силу ограничений доступа к данным. В этом случае существует большая вероятность получить недостоверные данные.
4. Использование определенных методов наблюдения, которые с одной стороны требуют специальной подготовки, а с другой стороны могут нарушать права и свободы членов организации, что может повлечь за собой проблемы с законом.
5. Попытка составления поведенческих карт без глубокого погружения в исследуемый объект (речь идет о закрытых группах, организациях).
6. При погружении в религию или субкультуру доверять ответам ее членов и на основании этой информации делать какие-либо окончательные выводы. Необходимо учитывать то, что вам могут предоставить ту информацию, которая выгодна для самой организации.
7. Применение метода ситуационного исследования в субкультурах, что дает большую вероятность лишь получить поверхностную статистику вместо того, чтобы получить четкий образ изучаемого объекта.
8. Получение информации путем интервью в случаях, когда эксперты обладают неполной или недостоверной информацией и предмете исследования.
9. При погружении в объект пропускать полученную информацию через призму своего мнения и убеждений, относительно исследуемого явления или организации. Другими словами, полагаться только на свои знания, интуицию и опыт, не используя инструментов и измерителей, позволяющих не допускать ошибок в выводах.
10. При исследовании поведенческих реакций членов той или иной структуры есть большая вероятность принять частные случаи за тенденцию и сделать неверные выводы.
11. Не придерживаться четкого плана исследования по конкретной методологии и полагаться на выпавший удачный случай, действуя по ситуации.
12. Использовать методологии, которые предлагают только способы исследова-

ния объектов и не дают четкого ответа на вопрос «как это сделать». Например, если к методологии не прилагается полное объяснение, то, соответственно, нет и понимания как ее применить на практике в определенном случае исследования.

13. Приступать к определенным этапам исследования без должной подготовки. Для того, чтобы получить закрытую достоверную информацию у людей, провести качественное интервью и т.д., необходимо обладать определенными навыками. При отсутствии таких навыков с вами, возможно, не захотят взаимодействовать или вы получите поверхностные и недостоверные данные.
14. Использовать всегда только научный подход к исследованию и не применять журналистских подходов, дающих немало привилегий в определенных ситуациях.
15. Неумение переключаться с журналистских методов исследования на научные и наоборот при необходимости. Это также может повлечь за собой некачественный сбор информации и неверные выводы.
16. Иметь четкую позицию и мнение относительно изучаемого объекта, что приведет к субъективности точек зрения и выводов.
17. Исследовать религию или традицию, будучи при этом активным членом этих или других организаций. В таком случае вы будете не объективны, подгоняя данные под выгодную для вас модель объекта. Во время исследования необходимо отстранится от изучаемого объекта или явления, не склоняясь на чью-либо сторону.
18. Проводить исследование только членов той или иной организации, упуская из виду саму субкультуру или религию (психологические аспекты методик, используемых внутри изучаемого объекта, философия, догматика и т.д.).
19. Исследовать объекты, «находясь в офисе», используя только данные из интернета и открытых источников.
20. Считать, что вам всегда будут предоставлять достоверную информацию, даже тогда, когда вы приехали на место расположения объекта и частично погрузились в него.

21. Отсутствие исследовательской группы в виде подготовленных людей, которые могут быть взаимозаменяемыми в случае ограничений по возрасту или полу при погружении в изучаемую группу людей. А также в случае нескольких точек расположения объекта необходимо отправлять людей в максимальное количество таких мест. В противном случае, есть большая вероятность получить неполные или однобокие данные.
22. Применять одни и те же методы исследования к традициям, субкультурам, религиям и особенно контркультурам, которые нередко носят преступный характер. Исследование таких организаций требует особой подготовки и обеспечения безопасности.
23. Получив доступ к определенной информации и завоевав доверие в организации, продолжать публиковать все полученные материалы. Сделав это, вы можете навсегда потерять доверие и возможность закончить исследование объекта.
24. Использовать в исследованиях только устные и письменные источники и не использовать, например фото и видео аппаратуру (в местах, где на это есть разрешение).
25. Использовать исторический анализ, досконально не разбираясь в предмете исследования. В противном случае вы не сможете отследить те или иные события, исторические периоды и этапы развития изучаемого объекта.
26. Использовать исторический анализ, не имея в группе исследователей переводчиков (в случае, если изучаемый объект располагается или формировался в иноязычной среде).
27. Начинать исследование, не сформировав бюджетные средства, которые неминуемо понадобятся при переездах из одного государства в другое (в случае, если изучаемый объект располагается в другом государстве), для посещении частных библиотек, покупки коллекционных книг, закрытой информации и т.д.
28. Проводить дискурс-анализ без специальной подготовки и умения работать с материалами. Не имея такую подготовку, вы не сможете правильно интерпретировать полученные материалы.

Более того, вас могут попытаться обмануть с целью сокрытия достоверной информации и без навыка работы с этим методом вы вероятно не сможете этого определить.

29. Использовать сравнительный анализ источников, досконально не разбираясь в предмете исследования и не имея специальных инструментов для подобного анализа. Существует большая вероятность допустить ошибки.
30. Полагаться на данные, полученные только от членов и приверженцев изучаемой группы и не получив информацию от представителей руководящего состава (в случае религии и субкультуры) или старейших, потомственных представителей той или иной традиции.
31. Применение провокационных методов в любой, по вашему мнению, подходящей ситуации. Подобные методы могут привести вас к проблемам, как с членами изучаемого объекта, так и с законом государства, в котором вы будите находиться. В группе должны быть люди, знающие местные законы, правила вакцинации перед поездкой, правила ввоза видеоаппаратуры и т.д.

Безусловно, это не весь список ошибок, с которыми может столкнуться исследователь или ученый при изучении субкультур, так как существует огромное количество других факторов, которые могут повлиять на ход исследования.

Несмотря на это, многие ученые проводят широкомасштабные исследования в области субкультур, с помощью применения специализированных технологий и методик получают достоверные результаты, на базе которых написаны многие труды. Эти результаты исследований повсеместно используются в различных сферах жизнедеятельности, включая политику, экономику, маркетинг и пр. Так как каждый человек по своей воле или по воле случая, воспитания, рождения, из-за работы, семьи, друзей прямо или косвенно является приверженцем той или иной (суб)культуры, значит он исповедует определенную философию или придерживается образа жизни и убеждений, которые полностью или в определенной части лежат в основе этой субкультуры. Следовательно, изучение субкультур не только помогает изучить себя, но и других людей, их логику, мышление, жизненные позиции и взгляды, что является незаменимым для взаимоотношений с людьми в любой сфере жизнедеятельности. Поэтому исследованиям субкультур уделяется такое пристальное внимание.

Для того, чтобы аккумулировать знания исследований различных субкультур в мире, представить новейшие научные результаты и наработки в этой области была организована **Международная междисциплинарная конференция «Нарисуй Субкультуру», которая состоялась 21–26 февраля 2021 года**.

В режиме онлайн-дискуссии ученые и эксперты со всего мира делились своей практикой, методологиями исследований и своими выводами относительно субкультур. На конференции обсуждались вопросы: как субкультуры влияют на формирование личности человека, что толкает человека присоединится к той или иной субкультуре, синтез идей в субкультуре, особенности исследовательского процесса и подходов к исследованию при работе с субкультурами и пр.

Также во время конференции участники из более 10-ти стран мира проанализировали инструмент **«Перевернутое древо субкультуры»**, который позволяет **«нарисовать» любую субкультуру** в мире, то есть быстро и качественно проводить исследования и находить ответы на различные вопросы по данной тематике.

КОНФЕРЕНЦИЯ ТРАНСЛИРОВАЛАСЬ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ НА СТРАНИЦЕ FACEBOOK НАШЕГО ЖУРНАЛА “ГРАНИТ НАУКИ”. НА ПРОТЯЖЕНИИ ШЕСТИ ДНЕЙ СВОЕЙ ПРАКТИКОЙ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБКУЛЬТУР ДЕЛИЛИСЬ ВЕДУЩИЕ ЭКСПЕРТЫ И УЧЕНЫЕ МИРА, КОТОРЫЕ ВНЕСЛИ ОГРОМНЫЙ ВКЛАД В ИССЛЕДОВАНИЕ И НАСЛЕДИЕ СУБКУЛЬТУР.

Сайт конференции — **https://subculture.euasu.org**

ПАНЕЛИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «НАРИСУЙТЕ СУБКУЛЬТУРУ»

СУБКУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИИ: ИХ ПРИЗНАКИ И ОТЛИЧИЯ МЕЖДУ СОБОЙ

- **Вопрос 1.** Субкультуры и религии: отличия. Какие элементы формируют каждый из институтов?
- **Вопрос 2.** Использование религии другими социальными институтами (бизнес, политика и др.) в своих целях. Трансформация религии: от божественного превосходства к универсальному обществу, основанному на техно-идеологических принципах.

Спикеры первой онлайн-панели:

- Dr. Массимо Интровинье
- Dr. Олег Мальцев
- Dr. Люсьен-Самир Улахбиб
- Prof. Людмила Филиппович
- Пол Роадс
- Prof. Виталий Лунев
- Prof. Марко Андреаккио

МЕТОДОЛОГИЯ И ПЛАН ИССЛЕДОВАНИЯ СУБКУЛЬТУР

- **Вопрос1.** Проблемы выбора подхода к исследованию субкультуры.
- **Вопрос 2.** План исследования субкультур: от идеи до завершения исследования, от мифологического и религиозного до научного и философского мировоззрения.

Спикеры второй онлайн-панели:

- Dr. Олег Мальцев (Украина)
- Dr. Дуглас Келлнер (США)
- Dr. Стив Дженнаро (Канада)
- Dr. Михаил Минаков (Италия)
- Фил Коэн (Британия)

МИФОЛОГЕМЫ, ЛЕЖАЩИЕ В ОСНОВЕ СУБКУЛЬТУР. ИЕРАРХИЯ И ПОДХОДЫ К ЕЕ ИЗУЧЕНИЮ

- **Вопрос1.** От мифологем — к идеям, как базовым элементам формирования субкультур. Особенности подхода к исследованию мифологем, лежащих в основе философии исследования субкультур.
- **Вопрос 2.** Подходы к изучению иерархии субкультур. Можем ли мы утверждать, что структура иерархии всех субкультур идентична?

Спикеры третьей онлайн-панели:

- Dr. Олег Мальцев (Украина)

DR. МАССИМО ИНТРОВИНЬЕ

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

НИК АЙНОЧ

DR. ЛЮСЬЕН-САМИР УЛАХБИБ

PROF. ЛЮДМИЛА ФИЛИППОВИЧ

ПОЛ РОАДС

PROF. ВИТАЛИЙ ЛУНЕВ

PROF. МАРКО АНДРЕАККИО

DR. ДУГЛАС КЕЛЛНЕР

DR. СТИВ ДЖЕННАРО

DR. МИХАИЛ МИНАКОВ

ФИЛ КОЭН

АВИ НАРДИА

- Prof. Росс Хэнфлер (США)
- Ави Нардиа (Сербия)
- Prof. Максим Лепский (Украина)

«СУБКУЛЬТУРА В СУБКУЛЬТУРЕ». ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ АТРИБУТИКИ И СИМВОЛОВ СУБКУЛЬТУР

- **Вопрос 1.** Особенности исследования атрибутики и символов субкультур.
- **Вопрос 2.** Явление «Субкультура в субкультуре» и особенности его исследования. Синтез идей в субкультуре, причины существования субкультур, невидимые внутренние механизмы поддержания ее существования.

Спикеры четвертой онлайн-панели:

- Ph. D. Олег Мальцев
- Пол Хоккенос
- Гэвин Уотсон
- Dr. Джером Крейс
- Дерек Риджерс
- Dr. Бернардо Аттиас
- Prof. Росс Хэнфлер

РИСУНОК ФРИДРИХА ЛОРЕНСА — "МОДЕЛЬ ПЕРЕВЕРНУТОГО ДЕРЕВА". ИДЕЯ СМЕРТИ В СУБКУЛЬТУРАХ

- **Вопрос 1.** Рисунок Фридриха Лоренса как цель исследования субкультуры. Можем ли мы считать субкультуру единой машиной, формирующей личность человека?
- **Вопрос 2.** Исследование идеи смерти и разновидность подходов субкультур к реализации этой идеи в повседневности.

Спикеры пятой онлайн-панели:

- Dr. Элизабет Хаас Эдершайм (США)
- Dr. Олег Мальцев (Украина)
- Ник Айноч (США)
- Саймон МакГрегор-Вуд (Великобритания)
- Prof. Максим Лепский (Украина)
- Доктор Аймар Вентсел (Эстония)

РИСУНОК ФРИДРИХА ЛОРЕНСА. ФАТАЛЬНЫЙ И УСПЕШНЫЙ ПУТЬ В СУБКУЛЬТУРЕ

- **Вопрос 1.** Рисунок Фридриха Лоренса, теория построения субкультур, применения метода прототипологизации для понимания явлений.
- **Вопрос 2.** Верно ли утверждение о том, что одна идея формирует субкультуру? Путь в субкультуре: фатальный и успешный.

Спикеры шестой онлайн-панели:

- Dr. Олег Мальцев
- Ник Айноч
- Dr. Атина Каратцоджианни
- Мэттью Уорли
- Константин Слободянюк

PROF. МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

ПОЛ ХОККЕНОС

ГЭВИН УОТСОН

DR. ДЖЕРОМ КРЕЙС

ДЕРЕК РИДЖЕРС

DR. БЕРНАРДО АТТИАС

PROF. РОСС ХЭНФЛЕР

DR. ЭЛИЗАБЕТ ХААС ЭДЕРШАЙМ

САЙМОН МАКГРЕГОР-ВУД

ДОКТОР АЙМАР ВЕНТСЕЛ

DR. АТИНА КАРАТЦОДЖИАННИ

МЭТТЬЮ УОРЛИ

КОНСТАНТИН СЛОБОДЯНЮК

МОДЕЛЬ «ПЕРЕВЕРНУТОГО ДЕРЕВА» В ИССЛЕДОВАНИИ СУБКУЛЬТУР

Начиная с конца Второй мировой войны в Европе, в США, а также в большинстве других стран происходит значительный скачок, знаменующийся появлением определенных групп, представители которой обладают собственным мировоззрением и, соответственно, культурой, часто противоречащей заявленной политике государства. Такие группы в социологии называются субкультурами. Субкультура как феномен не является статичной. С ходом времени в условиях изменяющейся среды субкультуры видоизменялись и ретрансформировались: некоторые исчезали, некоторые новые появлялись или синтезировались из ранее существующих.

Любое исследование социальных формаций прежде требует определенной модели, которая бы могла направить исследователя в его работе, выступить системой ориентирования в ходе осмысления. На мой взгляд, самой подходящей моделью для исследования субкультур является **модель перевернутого дерева**. Для начала отмечу историзм данного инструмента, поскольку сама идея не является новой.

Модель древа неоднократно использовалась философами и мыслителями, ещё с эпохи Средних веков. Например, модель прямостоящего (не перевернутого) дерева использовалась как наглядный переходник для демонстраций и объяснений. Такой подход был свойственен представителям криминальных структур юга Италии, норманнской культуры и пр. В соответствии с моделью, структура дерева может отражать как единое мироустройство, так и устройство организации и пр. Относительно более редкой модели перевернутого древа — когда корни дерева находятся вверху, а крона внизу — отметим, что таковая модель присуща тайной науке о Мироздании. С точки зрения происхождения исторически данная модель берёт корни в Европейском мистицизме.

На втором эшелоне Мистических объяснений, моделей и рисунков, на страницах европейских научных трудов и трактатов мы встречаем модели и прямого, и перевернутого дерева. Следует отметить, что многие ученые предпринимали попытки анализировать различные системные феномены, используя в качестве переходника к осмыслению **«прямое дерево»**. Известны и современные случаи применения данной модели к осмыслению и понимания особенностей и характеристик устройства бизнеса или компаний.

Дерево как символ неоднократно использовали, в частности, психологи-практики, например, преследуя цели описать память человека как систему запоминания; **символ «древа»** использовали как переходник для принятия решений и во множестве других случаях. На примере изучения научно-популярной литературы можно также заключить, что ранее предшественники в науке в собственных исследовательских проектах руководствовались моделью **«древа»** как прототипом к осмыслению разного рода явлений. Однако прежде я не сталкивался с тем, чтобы перевернутое древо использовалось для объяснения феномена субкультуры.

Модель перевернутого древа предполагает вертикальное построение истории. Сегодня довольно часто историю представ-

ляют в виде горизонтальной линии (в социологии так называемая «стрела времени», объединяющая понятия «прошлое-настоящее-будущее»), однако согласно **модели перевернутого древа** прошлое находится вверху, а настоящее внизу — в кроне. Логическая модель древа позволяет прийти к умозаключению, в частности, что субкультура может меняться, что по свойствам подобно дереву: крона вырастает, становится более объёмной; или ветви и листья опадают, крона становится редкой; или все листья исчезают, остаются одни ветви; а по весне впоследствие опять появляются ростки. Иными словами, само социальное тело постоянно находится в динамике. Такое древо способно описать динамику и движение в субкультуре, потому что корни субкультуры всегда лежат в прошлом и имеют тенденцию к ретрансформации. При рассмотрении периода начала становления субкультур, отметим следующее. Во-первых, число «корней» субкультур всегда ограниченно. «Корней» или истоков субкультур в общей сложности 10. Так, у современных субкультур наблюдается 5 корней постоянных и 5 переменных. Ствол представляет собой общее поле среды, а ветки субкультур выходят из одного ствола, то есть формирует общее информационное поле идей. Другими словами, поле среды может быть представлено, например, в виде дзен-буддизма, или идей **Монро**, **Карлоса Кастанеды**, и пр. Соответственно, при исследовании субкультур можно проанализировать, какая идея лежит в ее основе, откуда корни субкультурной формации, при этом стоит отметить, что идея может быть не единичной; нередко встречается и синтез идей. Посредством синтеза уже существующих идей возникают новые субкультуры, то есть на основе корней и информационного поля одного ствола возникают новые ветки. Где-то ветки расходятся, возникают направления субкультур. Такая же модель перевернутого древа может быть использована в анализе отдельной субкультуры. Так, у **каждой субкультуры существует корень** (один или, например, три); точно такое же поле среды; также внутри самой субкультуры могут появляться и расходиться новые ветви: таким образом, например, возникают радикальные течения. Они являются частью субкультуры, но не являются самой субкультурой. Новые течения или системы исповедуют несколько искаженную или, напротив, **«чистую субкультуру»**. Таковые радикальные системы представляют собой ответвления одной субкультуры — внутри таковой формации может насчитываться несколько разных линий или направлений. Практике известны и такие случаи, при которых даже радикальные объединения могут сформироваться внутри субкультуры.

Выстраивая **модель перевернутого древа**, исследователь может проследить историю развития субкультуры: откуда (с какой отправной точки) началось движение, что стало популярным, что в среде субкультуры считается адекватным, что сегодня считается востребованным, а также в результате анализа выявлять **«засохшие ветви»** — те линии в субкультуре, которые не получили признания в мире (**«отмершие ветви»**). Вместо прежних отмерших или опавших ветвей методом синтеза появляются новые ветки; опять-таки посредством синтезирования уже существующих идей, в самой субкультуре методом возникают новые идеи и формируются новые течения. Во многих субкультурах с течением времени естественным образом происходят различные изменения. Как сок циркулирует по дереву, так и в среде субкультуры свойства этого сока изменяются многократно, начиная с 70-х годов и заканчивая настоящим временем. Трансформации происходили как следствие развития нео-движений, литературы, кинематографа.

Данная модель **«древа субкультуры»** позволяет исследователю нарисовать субкультуру и выступает ориентиром, направляющим вектором в научном исследовании. Исследователь, в частности, проходит несколько этапов, осмысляя субкультуру на примере рисунка. Как метод осмысления самой субкультуры или группы субкультур, рекомендуется сначала уделять фокус исследовательского внимания корням древа, затем стволу как среде, затем — направлениям или разделениям, некой индивидуальности субкультуры, её специфических

характеристик. И в конце концов, исследователь приступает к анализу **«плодов»**, то есть, к тому, что сгенерировала эта субкультура.

ПЛОДЫ СУБКУЛЬТУРЫ ВЫРАЖАЮТСЯ В ТРЕХ КОМПОНЕНТАХ:

- в людях, которые принадлежат к этой субкультуре;
- в книгах, которые пишет эта субкультура, пытаясь донести свои идеи до мирового информационного сообщества;
- и поступки, которые совершают люди этой субкультуры.

Таковы три разновидности плодов, которые мы получаем. **Модель «перевернутого древа»** позволяет размышлять над устройством субкультуры, над ее становлением, стадиями развития, представляет наглядный масштаб мышления человека, организует человеческое сознание таким способом, что позволяет эффективно подойти к исследованию и произвести безошибочные выводы. Крайне важна наглядность результатов работы над субкультурой. Такой рисунок в виде перевернутого древа в конце исследования — гарантия того, что исследователь понимает субкультуру, которую он исследовал, он точно может объяснить ее корни, среду, синтез и внутреннюю структуру устройства, течение и плоды.

Исследователю, безусловно, не обязательно начинать с корней, он может в первую очередь приступить к анализу плодов и начать свое исследование с элемента **«плоды»**, затем поднимаясь к корням, или же начать исследование с элемента **«среда»**, а впоследствии продолжить движение вверх и вниз по дереву. Соответственно, модель также дает исследователю чёткое понимание, где и на каком этапе исследования он находится, и что еще необходимо сделать при выполнении научной задачи целостно нарисовать субкультуру. При практике становится просто держать данную модель в памяти, нет необходимости в рисунке на бумаге, исследователь способен мыслить без бумаги, логика модели ведет его, что позволяет быстро ориентироваться в своем исследовании. Также данная модель может быть использована в исследовании не только субкультур, но и многих других социальных формаций, например, религий. Это мощный философский инструмент, который позволяет исследовать любую организацию, но особенно эффективно — исследовать субкультурные объединения, потому что существует ряд других моделей, позволяющих исследовать организации от блочной модели, до модели динамической (определяющих взаимодействие систем и подсистем организаций), однако использование этих инструментов для исследования субкультур невозможно. С другой стороны, **модель древа** позволяет разрешить данную научную задачу.

Как уже отмечалось ранее, представленная к анализу модель древа не нова. С моей точки зрения, данная модель не приобрела особой популярности в силу того, что современным религиоведам, исследователям субкультур чужды методические основы и понимание параметров исследовательской работы. К сожалению, нередко учёные сегодня чаще всего не используют никаких инструментов исследования, будто таковые вовсе не нужны. Всё более широкой становится практика рутинного цитирования, и переписывания работ друг друга. Иными словами, учёные вместо реализации исследовательской научной деятельности синтезируют знания друг друга, при этом собственные исследования не проводят. Я смею утвердительно описывать данную тенденцию, поскольку если бы исследования действительно организовывались и проводились, учёным потребовались бы соответствующие инструменты, они бы нуждались в исследовательском и методическом аппарате с целью проведения востребованных изысканий. И поскольку разрешение научной задачи требует на начальном этапе осмысление и выведение исследовательской модели, рано или поздно при условии фактического и действительного научного изыскания искатели также пришли бы к модели перевернутого древа.

Перевод статьи Проф. Фридриха Лоуренса, опубликованной в Westernmorning News 17/02/2021

ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СУБКУЛЬТУРЫ

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Доклад академика УАН и ЕАНУ, доктора философии, руководителя «Экспедиционного корпуса» Института Памяти, криминолога, писателя

Относительно такого понятия как «субкультура» в научном мире существует плюрализм мнений. Субкультуры — предмет осмысления и научного интереса междисциплинарного порядка; так, субкультуры исследуют не только социологи, историки, психологи, антропологи и философы, но также маркетологи и бизнес-консультанты, в силу того, что влияние субкультур в XXI веке становится всё более всепроникающим и масштабным.

В рамках данного тезисного доклада предлагается рассмотреть ключевые методологические рекомендации, разработанные доктором Олегом Мальцевым и апробированные в ходе многолетних экспедиционных исследований научным департаментом «Экспедиционный корпус» Института Памяти.

С целью выявления, чем непосредственно «субкультура» отличается от прочих понятий и формаций (например, от религиозного движения), посредством прототипологического, сравнительно-сопоставительного, историко-дескриптивного анализа и прочих методов эмпирического исследования, было разработано 10 параметров, позволяющих исследовать субкультуры и делать обоснованные выводы о том, соответствует ли изучаемое явление категории «субкультура». Безусловно, у каждого объекта, явления, категории существует характерная и только ей присущая система дифференцирующих признаков, однако таковая система параметров, свойственная субкультурам, впервые была осмыслена и представлена в виде методологического исследовательского каркаса.

Итак, по каким признакам возможно распознать и отличить субкультуру от иных категорий? Ответ на данный вопрос — ключевой предмет исследования данного тезисного доклада.

ПАРАМЕТР № 1. ИДЕЯ

Любая субкультура имеет в своей основе идею. Причём данная идея всегда выражается одной простой формулировкой. Даже если на начальном этапе формирования субкультуры существует идея, а формы её выражения ещё не существует, сами последователи субкультуры облекут идею в простейшую форму. Формулировка такой идеи обычно занимает менее 60 секунд.

В качестве первого примера знакомства с идеей субкультуры рассмотрим кинофильм «На гребне волны» (2015 г. производства, режиссёр Эриксон Кор). Так, уже на плакатах и в подписях к трейлеру обозначена простая мысль или «слоган» ленты: «Найди свой предел» (‘Find your breaking point’). Идея объясняется изначально: некий «легендарный японский экстремал» Оно Озаки поставил перед миром экстремального спорта задачу пройти восемь крайне сложных испытаний. Тот, кто пройдёт восемь испытаний достигнет нирваны.

Идея понятна: достижение нирваны. Всё прочее — кинематографический антураж.

Во всех субкультурах идея выражена ярко и она понятна всем. Идея весьма простая, формулируется коротко, нередко в одно предложение.

ИДЕЯ — и есть **это первое отличие субкультур от прочих явлений**. Допустим, рассмотрим такую субкультуру как «хиппи». Какова идея хиппи? В 60–70-х гг прошлого столетия в США о ней знал, наверное, даже десятилетний школьник: «Make love, not war!», что означает: «Занимайтесь любовью, а не войной!».

Другими словами, да здравствует любовь, нет войне. Об этом ещё спели не раз: «All You Need Is Love!» — «Всё, что тебе нужно,— это любовь!» — так было у The Beatles; «Give Peace A Chance» — «Дайте миру шанс» — так пел Джон Леннон. Любовь превыше войны, пацифизм, свобода секса, и вообще, любая свобода — это величайшая драгоценность.

Пример с хиппи ещё раз демонстрирует, что первый признак, по которому вы легко сможете отличить субкультуру — это простая идея. Идея в любой субкультуре всегда выражена чётко. Нередко — в одном предложении, в одной истории, в одной легенде.

ПАРАМЕТР № 2. У СУБКУЛЬТУРЫ НЕТ СВЯЩЕННИКОВ

Священнослужителей не существует. Однако в субкультурах есть иерархия, и это — иерархия авторитетов.

По факту, в субкультурах нет «специально обученных» толкователей, учителей или интерпретаторов, нет отдельной касты. Вообще в субкультуре никто не ставит себе задачей кого-то «образумить и научить», напротив, никто ничего не объясняет и не навязывает.

В субкультуре практически всем всё равно, как или каким образом следует реализовывать главную идею субкультуры (у каждого представителя собственное понимание, восприятие и воззрение). В частности, если кто-то убеждён, что байкер — это тот, кто рулит на байке исключительно на переднем колесе,— он имеет на то право. В субкультуре никто никому ничего не должен доказывать, каждый выбирает и решает сам.

В субкультуре люди находятся, не потому что они грешны, или оттого, что им не хватает по жизни каких-то благ. Нет, в субкультуре люди потому, что у них, во-первых, есть собственные убеждения, а во-вторых, хочется находиться в кругу единомышленников. Поэтому байкер, например, в любой момент времени может сесть на мотоцикл и уехать, куда глаза глядят, когда ему заблагорассудится.

В субкультуре людям, по факту, всё равно. Никому нет дела, человек сам за себя отвечает, как и все. В субкультурах определённо существуют мнения, которые облают неким весом — и это мнения авторитетных людей данной субкультуры. Авторитетное мнение отличается полезностью — именно пользой, которую может извлечь из мнения каждый желающий участник субкультуры.

Так, **главный критерий «мнения» в субкультуре — полезность его сути для всех людей, находящихся в субкультуре**. И если мнение человека пользу приносит,— к такому прислушаются, если нет — то могут и спросить. В субкультурах практически не бывают ситуаций, когда кто-то что-то посоветовал просто так, например, «молись и всё будет хорошо!» И вот чудак шёл, молился, а его взяли и зарезали на пороге квартиры, ещё и ограбили. За такого рода «советы» в субкультуре спросят, в частности, вопросы зададут конкретные, и попробуй не ответь. Обещал, что в результате совета всё будет хорошо? Вот и где это «хорошо»? И не получится отговориться на манер «…а это всё мысли были неправильные, вот провидение и покарало!» — не стоит рассчитывать, что подобные формулировки сработают.

Суть принципа: мнения, приносящего пользу участникам субкультуры, и делают

автора такого мнения авторитетным человеком. Всё просто: если твои слова пользу приносят, всем, ты становишься авторитетом. Или, что лучше, если твои поступки пользу приносят — также становишься авторитетным человеком. А нет никакой пользы, значит, ты такой же как все. Следовательно, и обращать какое-то особое внимание на такого индивида — нет желания.

В субкультурах люди объединёны вокруг идеи. Идея выступает осью вращения этой группы лиц. Помимо того, что вокруг некой идеи объединено определённое число людей, все эти люди к чему-то стремятся, поскольку саму идею требуется как-то реализовывать. И по сути, мнения, догадки и представления, которые витают в субкультуре, относятся к тому, как реализовать главную идею наилучшим способом и образом.

В том же кинофильме «На гребне волны», в одной из ключевых сцен есть такая фраза:

> *«Может я к чему-то стремлюсь!».*

Агент Джонни Юта даже заявлял, что стремится к «восьмёрке» — завершить восемь экстремальных испытаний Оно Озаки. На что и получил ответ:

> *«Это легенда, миф…».*

Далее между героями завязывается диалог, суть которого — обмен мнениями лиц внутри одной и той же субкультуры. И заметим, неважно, что некая «восьмёрка» — это миф, ровным счётом невидимая идея. А вот мнение о том, как пройти восемь испытаний, как это сделать (важно в живых остаться) произрастает из уже известной практики. Так, **любая субкультура движется от практики к теоретизации**. Иными словами, в субкультуре разговаривают и рассуждают те, кто что-то сделал, кто добился чего-то выдающегося. Другие, даже если и высказываются, к их мнениям редко прислушиваются.

Например, если байкер на мотоцикле весь мир объехал, кругосветку совершил — это крайне интересно; у людей к нему появляются вопросы о том, какие особенности, с кем встретился, какой менталитет у людей, а может, какие проблемы были, будь то плохие дороги или несговорчивые сотрудники таможни. Итак, промежуточный вывод: в субкультуре движение выстраивается от практики к теории. То есть теоретизируется только нечто пережитое, пройденное, то, что может оказаться полезным впоследствии. Нет теории без практики.

ПАРАМЕТР № 3

Один из самых явных и ярко выраженных признаков, по которому вы всегда отличите субкультуру — это **отсутствие отбора**. Так, в субкультуры не «набирают» и не «отбирают». Человек сам, без посторонних лиц, **определяет, к какой субкультуре быть приверженным. Он сам решает, кто он: неформал, скейтер, толкиенист или гопник**.

Также не имеют значения расстояния, государственные границы и даже знакомства. Так, совершенно разные люди могут находиться в одной и той же субкультуре. Металлисты, эмо, байкеры — они живут и в Нью-Йорке, и в Киеве, живут и даже не знают друг друга, но при этом не перестают быть объединёнными вокруг одной центральной идеи.

ПАРАМЕТР № 4

Субкультуре больше **свойственны места, нежели здания**. Например, у байкеров — байкхаусы, у танцующих вог — дома, у ролевиков — от студий до конвентов. Речь идёт непосредственно о доме, а не храме. Храмы субкультурам не свойственны вовсе. Как они объясняют, что такое байкхаус? Это некая гостиница, какое-то помещение, дом, где можно сидеть за столом, жарить барбекю, спать, разбирать байк и т.д. И в таких домах люди собираются люди по интересам и занимаются чем-то простейшим, что к духовному чуду не имеет никакого отношения. Байкхаус — будто второй дом, в котором можно и поесть, и отдохнуть; аналогию можно провести с понятием «штаб». Великие храмы или мистические святилища, открывающие двери для прихожан раз в сто лет — это точно не про субкультуру.

Какой дом организовывать, стоит ли его обустраивать, с одной стороны — это личное дело каждого. С другой же стороны, не существует никаких контрольных учреждений, которые «надзирают за исполнением несуществующего приказания завести ДОМ». Итак, субкультурам свойственны некие места, но не свойственны храмы, и это ещё один отличительный признак.

ПАРАМЕТР № 5. СИМВОЛИКА И АТРИБУТЫ

Так или иначе, всем субкультурам, без исключения, присущ некий символизм. Символика в субкультуре богатейшая! В качестве примеров рассмотрим татуировки. Представители субкультур нередко выбирают символы по принципу «мне нравится, это круто/мощно выглядит!» В частности, богатейшее символьное наследие кельтов — от антропоморфных орнаментов из птиц, змей и деревьев, до накрест сложенных секир — сегодня в качестве тех же тату предпочитают набивать представители самых разных субкультур: от пацифистов до рейверов, от байкеров до сатанистов. Контроля за тем, чем и как в субкультуре формировать собственный образ просто не существует.

Пытаться анализировать символьную составляющую, отражённую во внешнем облике и антураже человека и искать в этом тайный, поддающийся логике смысл — занятие тщетное. В дебрях анализа можно «потеряться» в попытке распутать клубок, например, из тюремных наколок, вперемежку с индийскими или малазийскими символами. То есть, с чьей-то субъективной точки зрения в таком сочетании логики нет, просто абсурд. Но с точки зрения представителя субкультуры — это особая история, и логика в ней присутствует, его собственная.

Символы могут быть выбраны совершенно из разных культур и эпох. И норманнский волк может «сидеть» на правом плече того же байкера, а центрально-африканский тигр — на левом. Каждый представитель субкультуры имеет собственное представление об идее, к воплощению которой он стремится. И сопутствующий символизм и атрибуты — его личное выражение.

Итак, логика субкультуры обосновывает её центральную идею. **Отражают эту идею и обоснование атрибуты и символы, которые можно разделить на две категории**:

1. общие отличительные символы;
2. личные символы и атрибутика.

Допустим, существует байк-клуб. У этой субкультуры есть и идея, и атрибуты, и даже герб клуба, который они виде нашивок носят на куртках. Все приведённые в качестве примера атрибуты — общие, они позволяют Байк-клуб «А» отличить от байк-клуба «Б». Но каждый отдельный байкер этого же байк-клуба по-своему, особенным выражает идеи субкультуры посредством собственных атрибутов, которые присущи только ему (от кулонов до татуировок).

По факту, каждый из этих людей имеет и общие, то есть обязательные атрибуты — то, что его визуально подтверждает принадлежность к субкультуре; с с другой стороны у каждого представителя — своя собственная атрибутика, которая выражает вот некую идею с его личной точки зрения.

ПАРАМЕТР № 6. БЛОК-НАПРАВЛЕНИЯ

Субкультуре свойственны определённые внутренние направления или «блоки», и в отличие от религии — это обыденная и допустимая практика. То есть, если бы в религии появилось какое-то блок-направление, его бы моментально назвали «ересью».

В субкультуре может единовременно сосуществовать даже 30 направлений; какие идеи исповедовать — сугубо личное дело каждого представителя.

Как возникают или образуются блок-направления внутри субкультуры? Рассмотрим некую группу лиц в субкультуре. Допустим, среди них существует авторитет, который имеет мнение относительно ведущей идеи субкультуры. Ряд лиц разделяет данное мнение и считает его полезным и эффективным. Однако таким же способом в другой группе иное авторитетное лицо выдвигает другое мнение. Обе группы лиц, оба авторитета — части одной субкультуры. Но направлен-

ность авторитетных мнений относительно достижения и реализации центральной идеи — совершенно разная, что и определяет формирование разных блоков. И таких блоков внутри одной субкультуры может быть бесконечное множество.

ПАРАМЕТР № 7

92 процента субкультур — это результат синтеза. Смешение идей и концепций присуще этапу формирования и самоопределения субкультуры. Рассмотрим следующий пример: допустим, некий человек увлекается идеями Карлоса Кастанеды. Прочитав «Сказки о силе» или «Путешествие в Икстлан» (в общем, даже не все книги К. Кастанеды, а что-то выборочное), этот человек вдохновляется свежими идеями. При этом не меньше учения дона Хуана он любит мотоцикл. Далее в разуме данного человека удивительным способом сочетаются мотоцикл и идеи Карлоса Кастанеды, превращаясь в единое целое «свободного байкера, совершающего путешествие к ущелью Силы» — так и срабатывает синтез. Что не менее любопытно, такой человек непременно находит единомышленников, для которых «жизненное кредо» — это полет на мотоцикле в пропасть, который позволит обратиться в ворона и стать путешественником между мирами.

То есть, обычно, при исследовании субкультуры вывод таков: субкультура сформирована методом синтез нескольких концептов, соединённых вместе.

Однако, существует и 8% субкультур, которые не являются продуктами синтеза. Например, отдельная идея, как некий «саженец» (аналогия) переносится на новую почву (например, дельтапланеризм) без изменений, то есть, без синтеза.

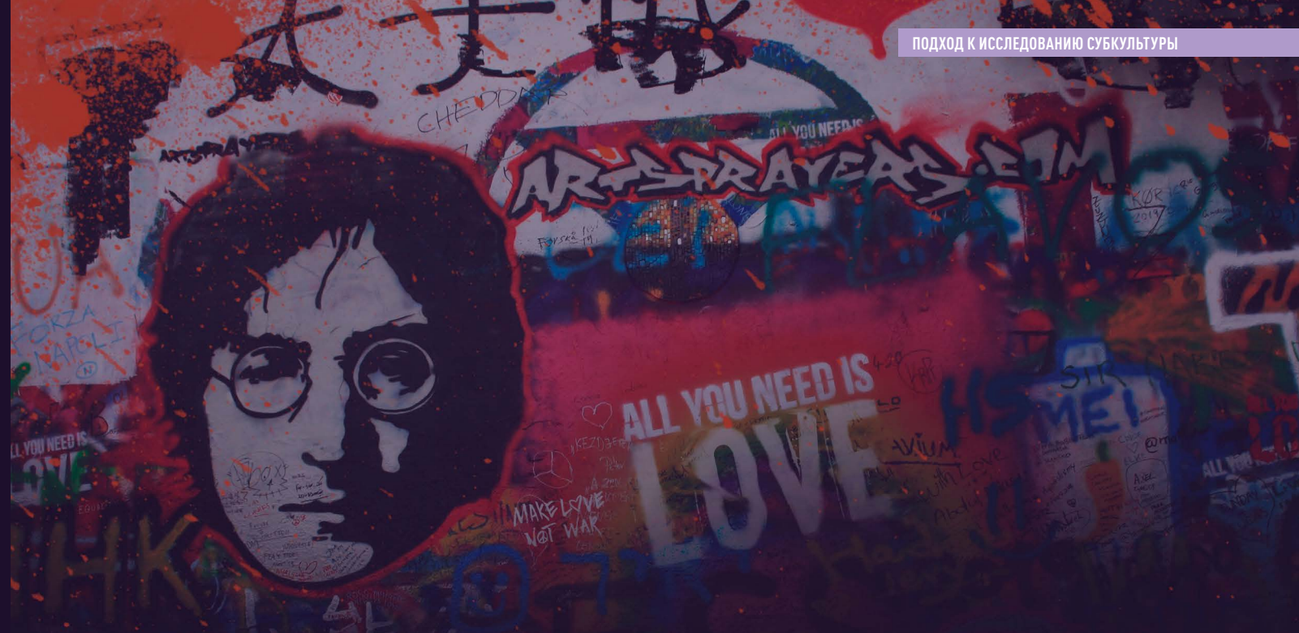
Так, обычно, всё начинается с поиска смысла жизни, и когда смысл жизни обретён (то есть, понят), это порождает метаморфозы в стиле жизни.

ПАРАМЕТР № 8. ИДЕЯ СМЕРТИ

Отношение к смерти определяет отношение к жизни. Большинство субкультур идеи смерти осмысливают как перевоплощение. Иные перевоплощаются в птиц, а затем обратно, в людей; иные выходят из сансары новым человеком; иные проникают в тайны реинкарнации. Обыкновенно наблюдается некий круг перевоплощения, состоящий из трёх блоков. Опять-таки обратимся к наглядному примеру хиппи. Они заявляли, что могут выбрать даже родителей, опираясь на идеи Бардо Тхёдол, книги Мёртвых. А значит, вопрос «когда они умрут» больше не имеет значения, потому что как только умрёшь, вскоре оживёшь, вернёшься обратно. Поэтому многие из хиппи не чурались наркотиков, беспорядочных половых связей, безалаберной праздности и так далее. И хотя немало представителей субкультуры хиппи с 1960–70 гг. умерли от передозировки или венерических заболеваний, от этого идеи хиппи не умерли и не исчезли. Лишь бы не было войны! По сути, идея о том, что человек может сам распоряжаться собственной смертью, была главной в субкультуре хиппи. И, конечно, хиппи в данном случае — один из примеров. Идея смерти в каждой субкультуре осмысляется так или иначе.

ПАРАМЕТР № 9. ПРИНЦИП ВЗАИМОСВЯЗИ СЛЕДУЮЩИХ ПОНЯТИЙ: «КРАЯ» — «НАСОС»

Пояснение начнём с проверяемых наблюдений. Пребывание в среде субкультуры, сам поиск подходов и способов реализации некоей центральной идеи требует финансирования. Вы байкер? На одном энтузиазме далеко не уедете. Вы обожаете парашютный спорт? Прыжки сами по себе требуют средств и денежных вливаний. Как минимум, топливо для самолета или вертолета тоже требует финансовых ресурсов. Что важно отметить: у субкультур так называемый люфт добывания тех самых финансовых ресурсов гораздо объемней и шире, чем совокупность каналов финансирования, чем, например, у любой религиозной структуры.



Если внутри субкультуры и существуют правила, они могут быть изменены и даже нарушены. Разные представители субкультур продумывают и изобретают новые каналы или «люфты», в том числе, противоречащие общим положениям этики и морали, даже букве закона. Так, члены субкультур нередко идут на преступления: занимаются преступным бизнесом, продают наркотики и оружие. Обналичивание денег может происходить посредством выращивания конопли и продажей запрещённых товаров и т.п. подобное. По факту, мы могли бы сравнить эту «добывающую» функцию внутри субкультуры с насосом, который постоянно требует денег, причем нередко быстрых денег. А «быстрых денег», как кроме как разными несвойственными законопослушному обществу способами, не заработаешь. Поэтому многие в субкультурах зарабатывают «как-то иначе». И нередко сама финансовая структура выступает главной тайной субкультуры.

Этико-морально-ценностных ограничений, на манер религиозных догматов «не убий, не укради, не прелюбодействуй» обычно в субкультурах нет. И напротив, обоснование, почему «можно» или «дозволено» перейти за черту закона,— в наличии. Нередко субкультура покоится на немалом числе оправданий, почему возможны те или иные поступки, противоречащие нормам государства и права. И, тем не менее, часто люди готовы к этим «крайностям». Таковая готовность при наличии заранее обеспеченного оправдания и люфтов добывающей функции и именуется «краями» — то есть, крайностями, на которые готовы последователи субкультур, чтобы обеспечить насосную функцию, «качающую» посредством помп тайной финансовой конфигурации необходимые ресурсы. Прекрасный пример реализации взаимосвязи «края-насос», в частности, показан в фильме «Затяжной прыжок», (англ. Cutaway) — американский боевик 2000 г., режиссёр Гай Манос.

В качестве вывода мы могли бы заключить следующее: ни одна структура в мире, не имеет объёма оправданий, равных субкультуре. В субкультуре генерируется целая система оправданий, почему «края» не только преемлемы, но и важны; причина тому или всему виной, ранее упомянутые «быстрые деньги». В частности, чем занимались хиппи? Многие торговали наркотиками (что не является секретом). Среди хиппи были наркодиллеры. Для хиппи работать на «прогнившее государство» — невозможно. Грабить и совершать насилие? Исключено в любом виде. Остаётся только одно: «торговать дурью».

Естественно, в других субкультурах всё может происходить по-иному: кто-то мотоциклы продаёт, кто-то пишет музыку. Однако

таковых «мирских» и общественно приемлемых занятий не всегда всем достаточно.

ПАРАМЕТР № 10

Финальный признак в исчерпывающем перечне признаков, посредством которых каждый сможет научиться в 100% случаев отличить субкультуру от любого формирования. Сама модель субкультуры. Любая субкультура в какие бы эпохи она ни процветала, всегда сравнима с деревом.

Итак, модель субкультуры — это ДЕРЕВО, у которого есть корни, ствол, ветви и так далее. Причём само по себе дерево растет кроной вниз: корни его вверху, а крона — внизу. Именно эта модель «перевернутого корнями вверх» дерева максимально отражает целостность структуры и причины формирования «субкультуры».

Сообразно рисунку, отражающего модель явления и его устройства, мы и можем заключить, что крона дерева — и есть субкультура. Корни — её истоки. Некий ствол соединяет субкультуру и её истоки. По аналогии модели, люди и есть тот самый «ствол», что соединяют субкультуру и её истоки.

Ещё раз сфокусируем внимание на завязке фильма 2015 г. «На гребне волны». Корни субкультуры, известной от Оно Озаки «растут» из Дзен-Буддизма. Сам экстремал Озаки уже вне субкультуры, поскольку этот человек умер. Он и есть тот самый некий «ствол», соединяющий субкультуру и исток. А сама субкультура — это люди, пытающиеся выполнить восьмёрку Озаки.

В кроне дерева субкультуры, словно яблоко в тени, скрывается некое радикальное звено, которое возглавляет некий Ботхи. Именно благодаря ему идеи Озаки были доведены до радикализма и крайности. Однако и это радикальное «блок-направление» является частью единой субкультуры экстремального спорта. Итак, любая субкультура устроена таким способом.

Модель дерева позволяет исследовать субкультуры, понимать её истоки, видеть те «непроявленные» характеристики и особенности истоки, о которых не смогут рассказать даже сами представители субкультур. У данного дерева также существует несколько корней, поскольку чаще всего, в 92% случаев мы имеем дело с синтезом как методом формирования субкультуры. Стержень или ствол субкультуры — люди, которые и реализовали синтез идей и смыслов и смогли его донести до других. Обычно такие авторитеты внутри субкультуры остаются героями, легендами, достойными примерами.

Итак, рассматривая подходы к исследованию этой мировой категории мы выявили 10 параметров или 10 признаков, отличающих субкультуру от любого иного явления. От центральной идеи, вокруг которой в формировании «закручивается» субкультура, мы проследовали до главного механизма построения этой системы, выраженной в виде модели — перевёрнутого дерева, корни которого — истоки субкультуры, ствол — особые люди, авторитеты и герои, синтезировавшее или внедрившие идеи субкультуры, а крона — то, что сформировалось в конечном итоге — самоё субкультура во всей её полноте, динамике и многообразии, как явного, так и тайного.

Олег Мальцев

НАРИСУЙТЕ СУБКУЛЬТУРУ. МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

АННОТАЦИЯ:

Перед вами — методическое пособие или «методичка» о том, как изучать субкультуры. Представленная методология, проверенная в экспедиционных исследованиях на вопрос достоверности, надёжности и эффективности, — это совокупность общих способов и подходов к исследованию, некий конструктор, с помощью которого каждый человек выберёт в соответствии с собственными целями те принципы и инструменты, которые позволят ему выстроить свою методику исследования конкретной субкультуры.

10 параметров, позволяющие подлинно отличить субкультуру от формации иного порядка (будь то религиозное течение или философское учение) — словно 10 дверей, за которыми — не только неизведанный мир притягательной субкультуры, но настоящая тайна Власти.

Это пособие — иной взгляд на феномен власти, который позволит читателю ответить, в том числе, на многие вопросы личного порядка: от смысла жизни и **«к чему достойно человеку стремиться»** — до того, можно ли стать неуязвимым Властителем собственной судьбы.

Полное название:
Методическое пособие по исследованию субкультуры «Нарисуй субкультуру»

Автор: Мальцев О.В

Формат: pdf
Количество страниц: 130 стр.

Издательство: ЧП «Издательский дом «Патриот», Одесса
Год издания: 2021
ISBN: 978-617-95051-1-9

В «экватор» Международной междисциплинарной конференции Европейской академии наук Украины на тему субкультур академик Олег Викторович представил написанное им на основании всего своего обширного научного опыта методическое пособие по исследованию субкультур.

«Нарисуйте субкультуру» — так оно называется. Оказывается, если понимать устройство, то это действительно выполнимая задача! И на вопрос, «разве можно создать искусственную субкультуру?» вы дадите сами себе неожиданный ответ:

все субкультуры созданы искусственно.

Академик Мальцев занимается исследованием субкультур не одно десятилетие. От мира американского профессионального бокса до числовых банд Кейптауна, от криминальных субкультур юга Италии до рыцарских орденов средневековой Европы. На сегодняшний день, когда все люди живут к какой-то субкультуре (хоть и не все способны себе в этом признаться), даже в научных кругах это явление совершенно не исследовано: нет четкого определения, что это такое, нет никаких параметров, ничего, кроме самого слова.

Написал данную работу академик Мальцев в хорватской научной экспедиции в декабре 2020, уникальную в своем роде книгу. Это методическое пособие написано в доступной форме для любого человека. Идея методички в том, чтобы каждый мог сделать для себя лично методику исследования. Методология от методики тем и отличаются, что методология — это общие способы подходов к исследованию, это конструктор, с которого каждый человек берёт себе те вещи, которые даны, и выстраивает свою методику исследования конкретной субкультуры в конкретный момент времени.

«Заходить» можно в любые двери, но нужно будет пройти 10 пунктов, разобраться в них и понять для того, чтобы в итоге нарисовать субкультуру. Не получится понять субкультуру, ее историю, корни, если не пройти все 10 пунктов, которые и описаны в этом методическом пособии.

Эта книга будет полезна тем, кто хочет понять, как сегодня бизнес пытается использовать субкультуры на базе их дополнительной функции; кто хочет разобраться в этапах формирования субкультур; кому важно понять их «насосную» функцию… В целом эта книга незаменима для менеджера, для того, чтобы разобраться в своей

компании, чтобы не нанимать в свои компании непонятно кого, просто людей с улицы.

> *«Руководство компаний чаще всего даже не догадывается, что в голове их подчиненных. Руководители компаний не являются учеными или религиоведами. А мы в Экспедиционном корпусе постоянно сталкиваемся и исследуем религии, всякого рода учения, новые религиозные движения, глубоко исследуем европейский мистицизм и мы точно знаем, что с человеком, только увидев на его руке красную нить. Это объекты исследования философского направления религиоведения. Многие руководители даже не задаются вопросом, почему их сотрудники верят в такого Бога, а не в другого? Почему они используют некую мистическую систему? Как люди верят в Бога, почему это возникает и многое другое. В нашем распоряжении много инструментов социологии религии для получения точных ответов на вопросы. Вы спросите почему я об этом говорю? А вы задавались когда-нибудь вопросом почему одни организации живут веками, а другие распадаются через 5 лет? Это пособие — взгляд на власть с другой стороны»,— говорит Олег Мальцев о книге.*

Необходимо отметить, что книга связана с исследованием ученого о **Вайтаха**, старинном механизме венецианской цивилизации, с помощью которого люди в определенных городах вырастают именно такими, как было задумано создателями данного механизма. По сути, в субкультуре тоже выбирается станок, который вас будет точить — и вы должны четко понимать, что из этого получится, как вас будет «точить» данная субкультура.

Представленная методология, проверенная в экспедиционных исследованиях на вопрос достоверности, надёжности и эффективности,— это совокупность общих способов и подходов к исследованию, некий конструктор, с помощью которого каждый человек выберет в соответствии с собственными целями те принципы и инструменты, которые позволят ему не только выстроить свою методику исследования конкретной субкультуры, но и ответить на вопрос, можно ли стать неуязвимым Властителем собственной судьбы.

СОСТОИТ МЕТОДИЧКА ИЗ 12 ГЛАВ. ОНА ПОМОЖЕТ ИССЛЕДОВАТЬ ЛЮБЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ.

1. Ступая на путь исследования субкультур.
2. Подход к исследованию субкультуры.
3. Иерархия авторитетов.
4. О местах, свойственных субкультурам.
5. Блок-направления.
6. Атрибуты и символы.
7. Идея. Особенности исследования.
8. Блок синтеза и преобразований.
9. Знакомство с понятием «Вайтаха».
10. «Края» и «насос». Поиск стиля жизни.
11. Вайтаха — второе имя.
12. Нарисуйте субкультуру.

Книга доступна любому человеку. Она выложена ученым в свободный доступ на его официальном сайте.

Скачать книгу можно по ссылке **https://oleg-maltsev.com/ru/library/books/narisuj-subkulturu-metodicheskoe-posobie/**

РАССМАТРИВАЯ «СУБ-» И ПРОЧИЕ ВИДЫ КУЛЬТУР

DR. ДЖЕРОМ КРЕЙС

(США), президент Европейской академии наук Украины, заслуженный профессор социологии, профессор Школы гуманитарных и социальных наук Murray Koppelman, эксперт в области джентрификации.

Недавно я участвовал в интригующей виртуальной встрече умов под названием **«Нарисуй субкультуру»**, на которой положение вещей было представлено следующим образом:

> *Текущий век предлагает людям разнообразный набор захватывающих, выгодных, успешных, удобных и даже просто красивых образов жизни: от «криминального богатства» до «великолепного образа жизни» свободного путешественника, от тернистого пути бизнесмена до экстремального укротитель сил природы. Но что предлагает каждый из этих образов жизни? Всегда ли образ жизни соответствует реальным и сокровенным чаяниям человека? Часто, пережив одну жизнь и достигнув определенных высот, скажем, в профессиональном плане, все еще остается пустота нереализованного стремления, и человек продолжает искать удовлетворения. Люди часто находят то, что искали, в виде сообщества не менее привлекательных и активных единомышленников — в особой среде, называемой «СУБКУЛЬТУРА».*

Интенсивная и, на мой взгляд, поучительная дискуссия проходила в режиме онлайн в течение недели и включала шесть групп участников с самым разным опытом и еще более разнообразными художественными, научными, гуманитарными и практическими точками зрения. Я присоединился к четвертой панели конференции, участникам которой было поручено обсудить:

1. Способы изучения атрибутов и символов субкультур.
2. Феномен **«Субкультура в субкультуре»** и особенности его изучения. Синтез идей в субкультуре, причины существования субкультур, невидимые внутренние механизмы, поддерживающие их существование.

В ходе программы я многому научился у других спикеров, некоторые идеи которых будут представлены здесь в моем рефлексивном эссе после встречи. Прежде чем начать, я должен выразить огромную признательность другим выступающим — Олегу Мальцеву, Бернардо Аттиасу, Полу Хокеносу, Гэвину Уотсону, Россу Хенфлеру и Дереку Риджерсу,— а также терпеливому модератору Ирине Лопатюк. Их презентации сильно повлияли на мои мысли по этому поводу. Я также должен отметить, что как визуально ориентированный социолог, я буду придерживаться визуальной точки зрения и подчеркну, что, хотя я делаю много фотографий и использую их в своих исследованиях и письмах, я не считаю себя «фотографом». Стремления художников преследуют другие, более эстетические цели, в отличие от моих более научных целей, и это, в свою очередь, по-разному влияет на наши взаимно видимые продукты и произведения. Для меня каждая социальная научная концепция имеет визуальное / видимое выражение, поэтому независимо от того, как определяются культуры и субкультуры, их можно увидеть.

Я из тех «динозавров» в социальной науке, традиция которых в настоящее время называется классической. Мой факультет назывался «социологии и антропологии», это были 1950–60-е годы. В настоящее время наш взгляд — Чикагской школы городской социологии (где как раз и возникла идея «субкультур») и структурной антропологии — может показаться старомодным. Как академический динозавр, я должен позволить себе здесь некоторый педантизм, поскольку для меня имеет смысл именно старомодное структурное определение, что такое субкультура.

Поскольку социальные науки имеют склонность к дихотомии, на моем факультете социологии / антропологии (или это была антропология / социология?) в Университете Индианы я узнал, что Общество (с большой буквы) разделено на его зеркальную социальную структуру и культуру. Они были просто переведены на Цели (ценности) общества и Пути (нормы) достижения Целей. Учитывая обычный акцент в социальных и гуманитарных науках на морали, это, конечно, были «подходящие» (законные) цели и способы их достижения, на основании которых социализировались члены общества. Поскольку американское общество было чрезмерно материалистичным, а также якобы ориентированным на достижения, социологи были нацелены на изучение того, как его члены выполняли или не выполняли требования Общества к ним. Всеобъемлющими теоретическими точками зрения социальных наук были, по крайней мере для меня, более или менее политически реакционный / консервативный Структурный функционализм Эмиля Дюркгейма (и «Культурный функционализм» Бронислава Малиновского) против более или менее либерального / радикального Конфликта или Политико-экономического подхода, вытекающего из работ Карла Маркса. На протяжении десятилетий эти общие подразделения сохранялись, но с множеством вариаций их тем.

Культура, согласно нашему определению **— это правила и способы достижения приемлемых целей в обществе**. Субкультуры появились именно из этого определения. Была доминирующая социальная структура — и были этнические, демографические, половые и т.д. меньшинства, которые имели меньше силы в обществе. Когда стали думать об этих меньшинствах, «субкультура» стала отличным концептом. Они — в терминах структурного функционализма антрополога Бронислава Малиновского — не работали на то, чтобы поддерживать доминирующую структуру, и не были особенно заинтересованы в том, чтобы перенимать ценности общества, следуя его правилам. Это вызывало стигматизацию данных групп и, закономерно, дальнейшее отдаление их от основного общества, которое потребовало термина «девиантность». Я редко обращаюсь к понятию «субкультура», потому что для меня приставка «суб-» имеет оттенок меньшинства, подчинённого или отклонения — особенно странный в наш век постмодернизма, деконструировавшего само восприятие чего-то как «большинство».

Субкультуры, как правило, рассматривались как происходящие из доминирующего культурного гегемона или противостоящие ему. Это подчинение часто также упоминалось в терминах большинства и меньшинства; имея в виду не только относительную демографию, но и социально-экономическую и, следовательно, политическую власть. Другим распространенным подходом к социальной реальности множества субкультур было научное создание других взаимосвязанных дихотомий, таких как социальная дезорганизация

и социальная организация, с доминирующей культурой, конечно, носящей ценный ярлык «организации». Только позже микросоциальные ученые с помощью подробно описанной этнографии сообщили нам, что субкультуры были формами социальной организации, а не просто социологическими мизантропами. Я должен добавить влияние постмодернистской критики приписывания относительной ценности различным социальным реальностям.

Родственный термин, который также был полностью запрещен в академической среде, но не в обществе,— это термин «девиация» и другие его предвзятые итерации дурной / дискредитированной общественной жизни. Обратите внимание, что такие метки присваиваются властью, и, хотя поведение может не измениться, метка может. Лучшим и самым последним примером этого является декриминализация употребления марихуаны в рекреационных целях, а также исторические и расистские корни демонизации курильщиков марихуаны первым (1930) директором Федерального бюро по борьбе с наркотиками Гарри Дж. Эйнслингером и фильмом **Reefer Madness** (**«Косяковое безумие», 1936**).

Здесь необходимо упоминание нескольких классических теоретиков девиантных или других субкультур, на которых я вырос в академическом плане, которые, как я полагаю, не требуют дальнейшего обсуждения, таких как Роберт К. Мертон, Луи Вирт, Эрвинг Гоффман, Ричард Клоуард и Ллойд. Олин, Ховард С. Беккер, Дэвид Маца и Эдвин Сазерленд.

Теперь мы перейдем к моим исследованиям символических атрибутов субкультур. В дисциплине социологии структурализм по-прежнему прочно укоренился; даже его нынешние пост-варианты в виде отважных попыток сделать иерархию более разнообразной, а не разрушить ее. Я обсуждал это во многих местах относительно того, почему и как дисциплинарная иерархия сохраняется, несмотря на объявление о ее неизбежном упадке. Хотя в прошлом я был приверженцем структуралистской практики социальных наук, сегодня я в основном занимаюсь этнографией того или иного рода и счастлив быть «городским культурологом», по определению Майкла Иэна Борера

> *«… кто изучает символическое отношения между людьми и местами и то, как люди придают этим местам смысл и ценность, чтобы понять смысл своего мира». (Борер 2006, стр. 180)*

В этой перспективе **Борер отмечает шесть областей исследования**:

1. изображения и изображения города;
2. Городское сообщество и гражданская культура;
3. географические мифы, рассказы и коллективные воспоминания;
4. Настроение и значение мест и мест;
5. Городская идентичность и образ жизни;
6. Места и практики взаимодействия. (там же.)

Хотя я должен был помнить о важности вклада Флориана Знанецкого в социологию культуры, Гюнтер Люшен только недавно обратил на это мое внимание. (2007) Для Знанецкого культура была центральным элементом организации человеческих дел, но не исключала структурные силы. Хотя я был знаком с «Польским крестьянином в Европе и Америке», написанным совместно с В. И. Томасом, я должен согласиться, как и Люшен, с выводом Петра Штомпки о том, что «самое прочное наследие социологии Знанецкого» … (входит) … в его философию социальных наук » (1986), продолжая, что« не польский крестьянин внес большой вклад в социологию. Скорее, это его постоянная забота о методологии и его понимание социологии как культуры на протяжении всей своей работы и в его «Культурной реальности» (1919 г.), «Методе социологии» (1934 г.) и «Культурологии» (1952 г.) ». (Sztompka in Lueschen 2007: 209–10) Кроме того, Знанецки внес большой вклад в развитие метода аналитической индукции для социологического изучения культуры, метода, которому я научился у своего наставника Альфреда Линдесмита. (Krase 2018a)

Самая широкая структура моего подхода будет называться символическим интеракционизмом, который был рожден Джорджем Гербертом Мидом и Чарльзом Хортоном Кули, связан с прагматизмом Джона Дьюи и поддержан Гербертом Блумером. Поскольку символические интеракционисты, как и я, утверждают, что общество построено из знаков и символов, изучение атрибутов и символов субкультур — это то, чем мы занимаемся за жизнь. Символический интеракционизм — важная часть взаимосвязи связанных феноменологических, этнометодологических, социальных конструкционистских теорий и теорий коммуникации. Комбинируя эти подходы, мы утверждаем, что люди действуют в соответствии с вещами, основываясь на их интерпретации значений этих вещей, которые передаются им через широкий спектр естественных и условных знаков и символов. Наибольший интерес для нас представляют условные знаки, значение которых определяется общественным консенсусом. Я должен признать, что склонен упрощать почти все. Например, что касается лингвистической структурной семиотики Фердинанда де Соссюра, **«означающее» — это форма знака, а «означаемое» — это понятие или то, что оно представляет**. Соссюр, как и многие другие формальные семиотики, подчеркивал слова / язык, в то время как я подчеркивал визуальные знаки (которые могут включать слова / язык, а также о которых «говорят» / о них). Другие, кто играет важную роль в моей смутно визуальной семиотической работе,— это Жан Бодрийяр, Пьер Бурдье, Мишель Де Серто, Клиффорд Гирц, Анри Лефевр, Кевин Линч и Ансельм Штраус.

Хотя внимание ученых и художников к необычному дает наибольшую отдачу, я по-прежнему привержен социальному семиотическому изучению обычной повседневной жизни, которая становится более или менее интересной для ученых в зависимости от того, кто или что изучается. В целом, меня интересуют социальные практики, характерные для различных культур и сообществ, и нахожу значения этих практик как для инсайдеров, так и для посторонних. (Лемке 2010, Беземер и Джевитт 2009, Брюс и др. 2015)

Как отметила Лин Лофланд, визуальные исследования городской жизни усиливаются символикой, демонстрируя, как люди общаются через искусственную среду; например, рассматривая поселения как символы. (2003: 938–939). Она также утверждала, что:

> *«Город из-за своего размера является средоточием особой социальной ситуации; люди, находящиеся в его границах в любой данный момент, ничего лично не знают о подавляющем большинстве других, с которыми они делят это пространство».*

Добавив, что «городская жизнь стала возможной благодаря «упорядочению» городского населения с точки зрения внешнего вида и пространственного расположения, так что жители города могли много узнать друг о друге, просто глядя» (1985: 22).

Хотя большая часть моих толстых описаний носит чисто визуальный характер, они представлены неподвижными фотографиями, которые я часто делаю, прогуливаясь по интересным местам и местам. (Krase 2014, 2015) Я также занимаюсь множеством других этнографий, например цифровой этнографией. (Krase 2018b) Я определяю данные **«визуальной культуры»** как видимые выражения социальных норм и ценностей. Конечно, есть и другие чувственные аспекты социальных структур и культур, которые можно зафиксировать другими методами, такими как «чувственная ходьба», при которой оцениваются все пять чувств. (Брюс и др., 2015) Большая часть моих визуальных работ была особенно сосредоточена на народных ландшафтах как выражениях этнических, расовых, религиозных, классовых, гендерных, жизненных стилей и других (суб) культур; включая надписи на стенах местных молодежных банд. (Krase 2020)

По мнению **Джона Б. Джексона**:

> *«… Народный ландшафт лежит внизу, под символами постоянной власти, выраженными в Политическом ландшафте».*

Он гибкий, без общего плана и содержит пространства, которые организованы и используются традиционным образом. Многое из этого «засчитано»; дом сделан с использованием местных технологий, местных материалов, с учетом местной окружающей среды. Здесь я использую термин «сельский» агеографически, поскольку даже в урбанизированных местах местные ландшафты являются частью жизни сообществ, которые управляются обычаями и держатся вместе личными отношениями.

> *«Их… невозможно постичь, если мы не воспринимаем это как организацию пространства; если только мы не спросим себя, кому принадлежат эти пространства, как они были созданы и как меняются» (1984: 6, см. также: Krase и др., 2020).*

Мы можем спорить, что выражения (суб) культур и наши ответы на них, основанные на наших интерпретациях, создают наши социальные реальности. Однако фиксация внешнего вида символа или знака с помощью любого метода сбора данных не означает, что вы знаете, что правильно интерпретируете его.

В этом отношении я часто привожу цитату из своей книги **«Видеть изменения в городах: местная культура и класс»**:

> *Проходя через городские пространства, такие как жилые кварталы, которые мы раньше не посещали, мы похожи на туристов, которые используют глаза, чтобы расшифровать подсказки и подсказки, которые громко и тихо окружают нас. Мы можем спросить себя: это безопасное или опасное место? Могу ли я здесь уйти или мне нужно уйти, пока не стало слишком поздно? Что это за район? Люди, которые здесь живут, богаты или бедны? Какая у них раса, этническая принадлежность или религия и какое (или почему) это имеет значение? Некоторые вещи легко сказать на улице, например, есть ли что-то на продажу. Законные торговцы делают очевидным, что они ищут клиентов с помощью знаков, которые конкурируют за внимание, но при продаже незаконных товаров знаки, которые выставляют продавцы, более тонкие. И все же кажется, что для знающего покупателя они на виду. Это прочтение, так сказать, «уличных знаков» — не просто эстетическое упражнение. То, что мы видим, влияет на то, как мы реагируем на места и людей, с которыми мы встречаемся в нашей все более сложной и меняющейся городской среде. (2017, с. 1.)*

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ

Наш опыт «видения» не всегда нагляден; много видящего метафорично, как в слове «я вижу», даже когда вы этого не делаете. Однажды я был членом комитета по защите докторских диссертаций, где работал талантливый молодой человек, который был продуктом смешанного в культурном отношении афро-карибского и афро-американского брака. Он изучал конкурентные политические отношения между двумя группами в спорном многонациональном районе Бруклина. Я объяснил, что, поскольку члены его комитета, как и я, были продуктами культур Маленького или Безцветного, ему придется перевести свое этнографическое повествование, чтобы мы его поняли; и в процессе иронически напоминая ему утверждение Макса Вебера о том, что дисциплина социологии опирается на метод verstehen. Кроме того, современная социологическая практика предполагает, что с точки зрения социологического понимания структурно-количественные данные могут эффективно заменить глубокие полевые исследования; чего не может. Демография района была одинаковой для всех, кто смотрел на нее, но это давало мало понимания сложных социальных отношений между двумя группами. Кроме того, чтобы поставить себя на место другого, вы должны хотя бы минимально изучить культуру.

СОЗДАНИЕ СМЫСЛА

Во время нашей панельной дискуссии Росс Хэнфлер говорил о том, что видел пугающее распространение субкультур неонацистов и скинхедов в Германии, чей антисемитизм, исламофобия и вообще антииммигрантский суперанационализм выражались в визуальных символах, таких как свастики и другие нацистские символы. Однако такие условные знаки для разных людей означают разное, поскольку сами по себе ничего не передают. В таком случае; свастики для неонацистов в отличие от евреев.

Это напомнило мне о невозможности адекватно передать огромное горе знаков и символов шести миллионов евреев, которые составили наибольшее число невинных жертв нацистской машины уничтожения. В своей колонке «Следы» я рассказал о своем посещении Освенцима (Освенцима) с двумя дочерями, во время которого я решил НЕ фотографировать, так как чувствовал, что создам дополнительные признаки и, следовательно, усугублю преступление.

Рисунок 1. ***Shoes!*** *Credit: Jerry Krase*

> *… Во время той же Второй мировой войны в Европе союзники заявили, что они не бомбили немецкие концентрационные лагеря из-за проблемы потенциального «дополнительного» ущерба, что, кстати, позволило мне и двум моим дочерям испытать «совершенно сохранился »Освенцим, когда прошлой весной они приехали ко мне в гости в Польшу. Я ждал, когда Кристин и Карен приедут в Краков, потому что боялся ехать один. Мы пошли отдать дань уважения семьям слишком многих наших друзей, которые потеряли частичку себя в Холокосте.*
>
> *Моя связь с Холокостом — это нееврейское взросление в Бруклине, и я помню, как совсем еще маленьким просил маму объяснить «это» после того, как наткнулся на фотографии жертв концлагерей в журнале, и когда был подростком, доставлявшим заказы людям с синими татуировками на запястьях или предплечьях. В Бруклине нельзя избежать последствий «этого»; как Макс и Хелен, оставшиеся в живых из Бухенвальда, владевшие кофейней, в которую я часто заходил, которые всегда нервничали из-за моих детей, когда я приводил их с собой, чтобы разделить мой «Особый завтрак».*
>
> *Дело в том, что когда мы добрались до Освенцима и прошли через портал Arbeit Macht Frei, я попытался найти что-то достаточно маленькое, чтобы понять. Вещицу, которую можно медленно добавлять к миллионам, позволяя мне вспоминать, не будучи полностью подавленным горем и стыдом из-за того, что я принадлежу к человеческой расе.*
>
> *Я нашел «это» в куче обуви за стеклом выставки «личных вещей», взятых у людей до того, как они были отравлены газом, а их тела сожжены. Я достал свой блокнот и быстро нарисовал одну обувку, которая привлекла мое внимание. Красно-белые кожаные туфли с открытым носком для молодой девушки и слегка приподнятым каблуком на танкетке. Это были туфли, которые мы с женой могли бы купить для*

наших дочерей, чтобы они надели их на выпускной в средней школе и на которые они бы жаловались, что это «не в моде». Я представил, что эта босоногая девочка и ее мать провели последние минуты вместе в одной комнате, в которую позже я вошел — а потом вышел — с моими собственными детьми. Обувь!

(«Воспоминание о евреях прошлого, но никогда не утраченных», Следы. http://bloggers.iitaly.org/bloggers/6498/remembrance-jews-past- Never-lost)

ОБНАРУЖЕНИЕ СМЫСЛА

Вот еще один пример интерпретации символов и субкультур, взятый из одной из моих фотоэкскурсий по Берлину через район Кройцберг. Опираясь на Якобсона, Тимоти Шортелл и я отмечаем, что визуальные маркеры коллективной идентичности, обычно встречающиеся в городских кварталах, представляют собой два разных типа знаков. **Выразительные знаки** — это преднамеренные разыгрывания некоторых аспектов личности человека с целью сообщить об этой идентичности другим, независимо от того, разделяют они ее или нет, например, национальные флаги. Напротив, фатические признаки коллективной идентичности возникают в повседневной деятельности сообщества. Религиозная одежда, например, является фатическим знаком, потому что она предназначена для установления общей культуры сообщества. Хотя эти фатические знаки сигнализируют о коллективной идентичности для членов как внутренней, так и внешней группы, создание фатических знаков в первую очередь не связано с рекламной идентичностью. Таким образом, основное различие между выразительными и фатическими знаками аналогично различию, которое делает Эрвинг Гоффман, противопоставляя **«выражение, которое он дает, и выражение, которое он дает»**. Первое — это намеренное общение, а второе — это интерпретация, которую делают наблюдатели. (Krase and Shortell, 2017, стр.25)

Пеший маршрут к Коттбуссер Тор проходит через этнически смешанные районы.

Рисунок 2. Курдская мечеть Саладина, Кройцберг, Берлин. 2008 г., Фото: Джерри Крейс

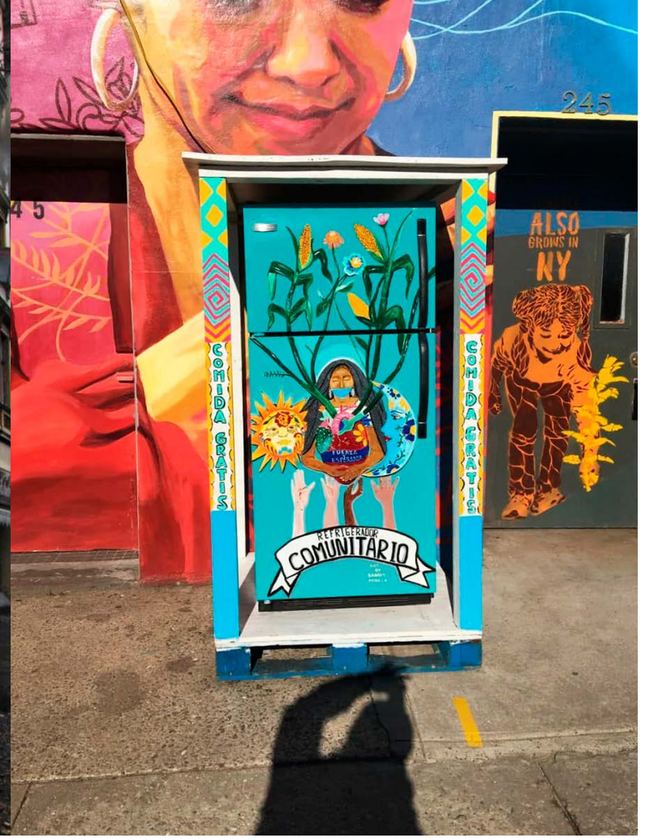


Рисунок 3. Латиноамериканский холодильник, Бруклин, Нью-Йорк, 2021 г. Фото: Джерри Крейс

Вначале немногие магазины обслуживают только турок, и вывески магазинов на турецком языке не являются доминирующими. Женская одежда, однако, является важным фатическим индикатором ислама, который особенно контрастирует со стилем одежды молодых берлинцев, и в магазинах одежды вдоль маршрута представлены платки и длинные платья, выставленные на скромных манекенах. Кроме того, турецкие и другие мусульманские пешеходы остаются разделенными по признаку пола, если они собираются группами на улицах.

В отличие от многих магазинов Doner Kabep, оформленных в красно-белых тонах и украшенных турецкими флагами, другие фатические признаки турецкости ненавязчивы, например, большее количество спутниковых тарелок для приема телевизионных трансляций из дома за окнами квартир ближе к центру Кройцберга. Гораздо более загадочная, но выразительная вывеска над дверным проемом здания, прилегающего к Fleischerei Kasap Ziya, содержит три выцветших, написанных от руки слова: «HEREKETA ISLAMIYA KURDISTAN», то есть Курдское исламское движение на юге Турции. На втором этаже того же здания, рядом со спутниковой тарелкой, размещены надпись «MIZGEFTA SELAHADDINE EYYUBI» и рисунок большой купольной мечети с двумя минаретами, вывеска мечети Селахадине Эйюби, названной в честь более известного генерала курдского происхождения. как Саладин. В Германии небольшие исламские культовые сооружения обычно были спрятаны в районах проживания иммигрантов. Точно так же Исламский центр Машари, одна из крупнейших мечетей Германии, открытая в Кройцберге в 2010 году, был спроектирован так, чтобы его нельзя было отличить от современных офисных зданий на уровне улицы. Тем не менее, многие коренные немцы не только считают эти фатические религиозные знаки коллективной идентичности выразительными, но также иногда приписывают им гнусные мотивы. (Крейс и Шортелл, 2017: 29–30)

БРЕНДИРУЯ ЗНАЧЕНИЕ

Многие жители потеряли работу или значительно снизили доходы во время различных карантинных мероприятий из-за пандемии Covid-19 в Бруклине, штат Нью-Йорк. В ответ большое количество общественных организаций открыли продовольственные банки для бедных. Соответствующим ответом на местные чрезвычайные ситуации с продовольствием стало размещение холодильников, которые время от времени пополнялись скоропортящимися продуктами, где нуждающиеся люди могли брать эти продукты. На некоторых холодильниках были таблички, подтверждающие спонсорскую организацию. Этот холодильник на фотографии был оформлен таким образом, чтобы также символизировать этнический состав района.

ССЫЛКИ И БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Беземер, Джефф и Кэри, Джевитт. 2009. Социальная семиотика. Ян-Ола Остман, Джеф Вершуерен и Элин Верслуис (ред.), Справочник по прагматике 2009 г. Амстердам: Джон Бенджаминс: 1–13.
2. Борер, Майкл И. 2006. «Местоположение культуры: городская культурная перспектива», Город и страна (5) 2: 173–97.
3. Брюс, Нил и др. 2015. «Анализ обонятельных и слуховых ощущений в английских городах: сенсорное ожидание и восприятие городской среды», Ambiances / Varia https://journals.openedition.org/ambiances/560. Доступно с 6 марта 2021 г.
4. Чендлер, Дэниел. Семиотика для начинающих, http://visual-memory.co.uk/daniel//Documents/S4B/sem13.html#Saussure_1974.
5. де Соссюр, Фердинанд. 1966. Курс общего языкознания. Ред. Чарльз Балли и Альберт Сешайе в сотрудничестве с Альбертом Ридлингером. Пер. Уэйд Баскин, Нью-Йорк: Макгроу-Хилл.
6. Гоффман, Ирвинг. 1959. Представление себя в повседневной жизни. Нью-Йорк: Anchor Books.
7. Джексон, Джон Б. 1984. Открытие народного пейзажа. Нью-Хейвен: издательство Йельского университета.

8. Якобсон, Роман. 1960. «Заключительное слово: лингвистика и поэтика», В Т. А. Себеок, (ред.), Стиль в языке. Кембридж, Массачусетс: MIT Press: 350–77.
9. Крейс, Джером, Бальеста, Жорди и де Ларминат, Элейн. 2020. «Визуальная социология народного городского пейзажа: интервью с Джеромом Крейсом», Les manières de faire vernaculaires: Народные методы, интерфейсы: изображение, текст, язык, 44, 2020. https://journals.openedition.org/interfaces/1437
10. Krase, Джером. 2017. Видя, как города меняются: местная культура и класс. Олдершот, Великобритания: Ashgate / Routledge.
11. Krase, Джером. 2014. «В поисках мигрантов по городам Европы». Тимоти Шортелл и Эврик Браун (ред.), Прогулка по европейскому городу. Олдершот, Великобритания: Ashgate: 2014: 153–72.
12. Krase, Джером. 2015. «Видеть инклюзивность и право на жизнь города». В Wolf-D. Буков, Мелани Беренс, Карин Чудак и Кристоф Штрюк (редакторы), Inclusive City — Überlegungen zum Verhältnis von Mobilität und Diversität zur Stadtgesellschaft. B. C. Верлаг, 2015: 23–42.
13. Krase, Джером. 2018a. «Этнография: преодоление качественно-количественного разрыва». В Итало Пардо, Джулиана Б. Прато и Вальтер Кальтенбахер (ред.), Размещение городской антропологии: производство эмпирических знаний и их значение для общества. Диоген. Мудрец. 2018. Впервые в сети: DOI: 10.1177 / 0392192117740027
14. Krase, Джером. 2018b. «Разнообразие подходов к городской этнографии: благословение или проклятие?» В Итало Пардо и Джулиана Б. Прато (ред.), Справочник Пэлгрейва по городской этнографии. Пэлгрейв-Макмиллан: 71–91.
15. Крейс Джером и Шортелл, Тимоти. 2017, «Визуальное влияние ислама: особое внимание к турецкой миграции в США и Европу», Urbanities, 7 (1): 22–41. http://www.anthrojournal-urbanities.com/wp-content/uploads / 2017/05/4-Jerome-Krase-Timothy-Shortell.pdf
16. Krase, Джером. 2002. «Навигация по этническим местным ландшафтам тогда и сейчас», журнал исследований архитектуры и планирования. 19 (94): 274–281.
17. Krase, Джером. 1993. «Следы дома». Места: Ежеквартальный журнал экологического дизайна 8 (4): 46–55.
18. Krase, Джером. 2012a. Видя, как меняются города: местная культура и класс. Олдершот, Великобритания: Ashgate.
19. Krase, Джером. 2012b. «Аргумент в пользу видения в городских социальных науках», Urbanities 2. (1): 18–29.
20. Краз, Джером и Шортелл, Тимоти. 2011. «О пространственной семиотике народных ландшафтов глобальных городов». Визуальная коммуникация 10 (3): 371–404.
21. Лемке, Джей Л. «Постмодернизм и критическая теория». Онлайн: www.personal.umich.edu / ~ jaylemke / theories.htm # Постмодернизм% 20and% 20Critical% 20Theory. По состоянию на 10 января 2010 г.
22. Люшен, Гюнтер. 2007. «Социология / как культура: незаконченная методология Флориана Знанецкого», Польский социологический обзор, 2 (158): 209–21.
23. Шортелл, Тимоти и Крейс, Джером. 2013. «О визуальной семиотике коллективной идентичности в городских пространствах». В Деннис Зуев и Регев Натансон (ред.), Социология визуальной сферы. Лондон: Рутледж: 108–128.
24. Штомпка, Петр. 1986. «Некоторые аспекты философии социальных наук Флориана Знанецкого». В: З. Дульчевский (ред.), Памятная книга в честь Флориана Знанецкого. Познань: Wydawnictwo Uniwersytetu im. Адама Мицкевича: 257–274.
25. Знанецки, Флориан. 1934. Метод социологии. Нью-Йорк: Фаррар и Райнхарт. Octagon Books.
26. Знанецкий, Флориан. 1919. Культурная реальность. Чикаго: Издательство Чикагского университета.
27. Знанецкий, Флориан. 1952 г. Культурология. Чикаго: Издательство Иллинойсского университета.

Dr. Джером Крейс

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ И ЖИЗНИ В СУБКУЛЬТУРАХ

ДУГЛАС КЕЛЛНЕР

(США), заслуженный профессор факультетов образования, гендерных исследований и германских языков Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, академик Европейской академии наук Украины, автор страницы по Жану Бодрийяра в Стэнфордской онлайн-энциклопедии.

Выбирая путь исследования при изучении субкультуры, я бы посоветовал задействовать знакомые субкультуры, как в случае с первой книгой о субкультуре **Дика Хебдиге 1979 года «Субкультура: значение стиля»**. Хебдиге участвовал в молодежных и панк-субкультурах Великобритании в 1970-х годах и писал свои книги, исходя из собственного опыта. Хебдиге утверждал, что **субкультура — это форма оппозиции доминирующей культуре и, следовательно, форма подрывной деятельности и сопротивления основной культуре**. Соответственно, субкультуры воспринимались доминирующим обществом как негативные из-за их критики и противостояния гегемонистской культуре, обществу и образу жизни.

Более того, **Хебдиге утверждал, что субкультуры объединяют единомышленников, которые чувствуют себя угнетенными социальными стандартами**, и позволяют им развивать чувство идентичности, часто основанное на стиле, как в субкультуре панк, которая определялась ее бунтарской музыкой и стилем, который был характерен долгое время: ирокезы, кольца в отверстиях лица, а также одежда и поведение, противоречащие мейнстримной моде.

Кроме того, работу Хебдиге о субкультуре следует читать и интерпретировать в контексте работы Бирмингемского CCCS (Центра современных культурных исследований), который первоначально сосредоточил свою исследовательскую программу на молодежной культуре, а затем на медиакультуре, позже развивая британские культурологические исследования (Kellner 1995; 2020). Члены этой группы, такие как Стюарт Холл, Тони Джефферсон, Анджела Робби, Пол Гилрой и другие, связанные с Бирмингемским CCCS, утверждали, что субкультуры включают формы сопротивления господствующей, господствующей культуре. Для британской CS общество рассматривается как разделенное на матрицы классов, расы, пола и других форм власти. С их точки зрения, разные социальные классы, такие как рабочий класс и доминирующие средний и высший классы, имеют свою собственную классовую культуру, причем культура среднего класса доминирует.

Субкультуры ослабляют идентичность с доминирующими классами и затем представляют собой новые формы коллективной идентификации, выражающие символическое сопротивление господствующей культуре и формирующие мятежные контркультурные идентичности. Для Хебдиге субкультурная идентичность и сопротивление выражаются в развитии особого стиля, в котором используются такие товары культурной индустрии, как мода, прически, музыка и общественное поведение, чтобы общаться и выражать свое несогласие с основной культурой. Тем не менее, культурная индустрия часто способна повторно впитать компоненты такого стиля и снова превратить их в потребительские товары и моду. В то же время средства массовой информации, участвуя в создании субкультур, транслируя и распространяя свои образы, также ослабляют их, лишая их подрывного содержания, нормализуя их, или распространяя стигматизированный образ субкультур, например ассоциируя панк-культуру с наркотиками и насилием.

Я задавался вопросом, можно ли рассматривать академическую жизнь, в которой я участвовал в качестве профессора университета в течение последних 50 лет (около 25 лет в Техасском университете в Остине и 25 лет в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе) как субкультуру, и пришел к выводу, что нет. Скорее, это была профессиональная культура, встроенная в мейнстримную, поскольку как культура она не была подрывной или оппозиционной, служа для обучения студентов мэйнстриму американской культуры. Какими бы важными ни были наши личные мнения, политика, преподавание и писательство, мы все же были частью академической профессиональной культуры. Однако контркультура новых левых 1960-х, в которой я участвовал, воспринимала себя и воспринималась в свою очередь средствами массовой информации и истеблишментом как подрывная и оппозиционная субкультура. Если бы я собирался исследовать знакомую мне субкультуру, это, вероятно, была бы антивоенная культура новых левых и оппозиционная студенческая культура 1960-х годов, в которой я участвовал, когда был аспирантом Колумбийского университета в Нью-Йорке.

Исследование должно быть автобиографическим и представлять собой некую этнологическую перспективу, в которой автор участвует в субкультуре и описывает собственный опыт. Отмечу, что это лишь один из методов изучения субкультур, который оказался достаточно эффективным. Существуют и другие этносоциологические исследования субкультур, в которых, как и антропологи, исследователь изучает чуждые ему культуры. В руках такого гения, как **Маргарет Мид**, великого американского антрополога, у которой я учился в Колумбийском университете в 1960-х годах, это могло создать блестящие идеи: она имела настоящий талант уловить особенности культуры, которые люди, живущие в обществе, не воспринимали и не формулировали.

В целом, для изучения субкультуры необходимо некоторое в нее погружение, особенно если она является подрывной и оппозиционной, поскольку такая субкультура будет дружественна только своим участникам и позволит им войти. Прежде чем начать обсуждение контркультуры 1960-х годов, я должен заметить, что не все субкультуры прогрессивны или полезны для общества. Существуют также правые оппозиционные субкультуры, такие как Ку-клукс-клан, неонацисты или группы, которые процветали при Трампе и нападали и оккупировали столицу США, такие как **Proud Boys («Гордые мальчики»), Oath Takers («Присягнувшие»)** и другие расистские, антисемитские и совершенно достойные сожаления группы, так что я не хочу, чтобы люди думали, что я романтизирую субкультуры.

Антивоенная и контркультурная субкультура 1960-х, в которой я участвовал, может быть описана как группа людей внутри американской культуры, которые отличались от родительской и основной культуры, в которой мы выросли. Оппозиционная субкультура, такая как радикализм 1960-х, выработала свои собственные нормы, а также ценности, стиль и поведение в отношении культурных, политических и сексуальных вопросов. Мы выступали против милитаристской политической культуры страны, которая в то время уносила наше поколение во Вьетнам и Юго-Восточную Азию и застав-

ляла нас вести войны, к которым мы не хотели иметь никакого отношения и которые, как мы думали, не служат интересам США, но являются частью Холодной войны. В военном соревнование с советским блоком, против которого мы выступали, мы были за мир и разрядку.

Я был частью сегмента SDS субкультуры новых левых, которые идентифицировали себя как **«Студенты для демократического общества» (SDS)** и **выступали против как американского империализма, так и российского империализма**, вместо этого поддерживая радикальную демократию и форму демократического социализма, которую сегодня поддерживает Берни Сандерс в обществе США. Я стал социалистом за пару лет до этого и участвовал в социалистических субкультурах после года в Копенгагенском университете (1963–64), где я открыл для себя социализм в клубе иностранных студентов (там мои попытки защитить американский капитализм и демократию были сильно разбиты студентами, критикующими расизм, неравенство и империализм в США, и я вскоре принял эту критику).

Находясь в Копенгагене, грипп и бесплатная медицина научили меня рациональности социализированной медицины; бесплатное образование в колледже в Дании убедило меня в том, что социализм был полностью рациональным и полезным; а датская семья, с которой я жил, финансировалась за счет государственной пенсии для отца семьи из рабочего класса. Хотя по американским стандартам семья была бы отнесена к низшему среднему классу, у них был приличный уровень жизни, небольшой садовый домик на выходные и ежегодные каникулы, и они постоянно превозносили мне достоинства своего социалистического общества. Я также узнал об освободительных возможностях свободной любви в Дании, когда впервые пригласил датчанку, и после просмотра **«Молчания» Бергмана** и пары кружек пива она объяснила, что хотела бы переспать со мной, но устала и ей нужно рано вставать на уроки, так что я должен прийти к ней домой на следующий день ранним вечером. С тех пор я был сторонником социализма, освобождения, свободной любви и рациональных отношений.

Фактически, популярная характеристика американской контркультуры заключалась в том, что она определялась сексом, наркотиками и рок-н-роллом, и я не стал бы отрицать ни одно из этих измерений, хотя для моей когорты в субкультуре это также предполагало участие в антивоенном движение, движении за гражданские права, а затем феминистическое движение и движения геев и лесбиянок. Конечно, были как политические, так и аполитичные крылья контркультурной сцены США, и хотя я был аспирантом философии и членом Новых левых, моя когорта также была погружена в музыкальную культуру рок-н-ролла, секс и наркотики. Хотя я тяготел к фолк-сцене с Бобом Диланом, Джоан Баез, Питом Сигером и другими и, таким образом, поддерживал мир, любовь и ненасилие, которые противопоставляли нас другим сегментам субкультуры новых левых, таким как **Weather Underground**, которые были сформированы в Колумбийском университете из отделов SDS и других групп, которые выступали за вооруженную борьбу и насильственное ниспровержение существующего общества.

В 1968 году я готовился к своим комплексным экзаменам по философии и преподавал на первом курсе, когда вспыхнуло студенческое восстание: радикалы SDS заняли офис президента, в то время как черные радикалы заняли другое здание кампуса. Серия протестов 1968 года вылилась в драматическое занятие студентами ключевых зданий Колумбийского университета. Активист организации «Студенты за демократическое общество» Боб Фельдман обнаружил документы, свидетельствующие об институциональной аффилированности университета с Институтом оборонного анализа (IDA), а также было обнаружено, что профессора Колумбийского университета проводили исследования для ЦРУ и участвовали в войне во Вьетнаме.

Поскольку оккупация последовала непосредственно за убийством Мартина Лютера Кинга, которое привело к беспорядкам по всей стране, включая Нью-Йорк, администрация сначала неохотно применяла силу для выселения студентов, после чего последовало драматическое противостояние

и цирк в СМИ. Grateful Dead приехали в кампус, чтобы дать нам бесплатный концерт, и **однажды Стокли Кармайкл, Р. Рэп Браун, Элдридж Кливер и другие радикальные лидеры черных пришли к нам в кампус, чтобы сказать нам, что нам нужно стать серьезными и присоединиться к черным, чтобы провести настоящую революцию, а не просто закрыть кампус.** В эйфории от нарастающих протестов 1968 года у нас было ощущение, что мы находимся в эпицентре революционных потрясений в США и во всем мире. Оглядываясь назад, можно сказать, что это предвосхитило движение Occupy 2011 года.

Субкультуры участвуют в основных культурах, в которые они встроены, и часто объединяются, поглощаются и возвращаются в основную культуру, в которой они участвовали. Дик Хебдиге прошел путь от представителя мятежной панк-культуры Великобритании до профессора и даже главы художественных школ в США, а теперь он профессор медиа и культурных исследований в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре.

Широко обсуждалось, как мейнстримная культура впитала стиль контркультуры 1960-х, когда бизнесмены и женщины отращивали длинные волосы, курили наркотики и принимали другие наркотики, слушали Боба Дилана, Grateful Dead и Rolling Stones и ходили на их концерты, как и я и мои друзья. **Голливуд поглотил «новую волну» и радикальное кино, а музыкальная индустрия нажила состояния, продвигая самую радикальную и бунтарскую музыку.** Даже реклама и телевидение впитали контркультурные мотивы, поэтому к 1980-м годам контркультура США стала частью основной культуры, так же как я стал профессором Техасского университета в Остине.

Хотя мне нравится верить, что те из нас, кто участвовал в контркультуре 1960-х и сумел выжить, продолжают развиваться, жить и учить ее наиболее прогрессивным ценности и продолжать противостоять войне, милитаризму и репрессиям во всех их проявлениях, защищая гражданские свободы для всех и ценности прогрессивного демократического общества и государственного устройства.

ССЫЛКИ:

1. Бурдье, Пьер (1984). Различие. Нью-Йорк и Лондон: Рутледж.
2. Балмер, Мартин (1984) Чикагская школа социологии: институционализация, разнообразие и рост социологических исследований. Издательство Чикагского университета.
3. Кронин, Пол, редактор (2018) A Time to Stir: Columbia ’68. Нью-Йорк: издательство Колумбийского университета.
4. Файн, Гэри Алан и Шерил Клейнман (1979). «Переосмысление субкультуры: интеракционистский анализ». Американский журнал социологии. 85 (1): 1–20.
5. Холл, Стюарт, Тони Джефферсон и др. (1993) Сопротивление посредством ритуалов: молодежные субкультуры в послевоенной Британии. Routledge.
6. Хебдиге, Дик (1979). Субкультура: смысл стиля. Лондон: Рутледж.
7. Келлнер, Дуглас (2020) Медиа-культура. Второе издание (полностью переработанное), Нью-Йорк и Лондон, Рутледж.
8. Курц, Лестер Р. (1984) Оценка социологии Чикаго: Путеводитель по литературе с аннотированной библиографией. Издательство Чикагского университета
9. Латур, Бруно (2005) Повторная сборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Оксфорд.
10. Маффесоли, Мишель (1996). Время племен: упадок индивидуализма в массовом обществе. Лондон: Sage Publications.
11. Маккей, Джордж (1996) Бессмысленные акты красоты: культуры сопротивления с шестидесятых годов. Лондон: Verso.
12. Сингер, Питер (1999) Дарвиновский левый. Нью-Хейвен: издательство Йельского университета.

Дуглас Келлнер

СУБКУЛЬТУРА МОТОРИЗОВАННОГО ДВУХКОЛЕСНИКА (И КАК ЕЕ МОЖНО ЗНАЧИТЕЛЬНО УЛУЧШИТЬ И УВЕЛИЧИТЬ)

НИК АЙНОЧ (IENATSCH)

Американский мотогонщик, автор книг «Техника спортивной езды» и «Гонщики на ранчо Хилл», основатель, генеральный директор и ведущий инструктор школы езды на мотоцикле Yamaha Champions Riding School (США). Он был участником нескольких классов Американской ассоциации шоссейных гонок, гонок на мотоциклах Гран-при и в классе Гран-при AMA 250. В течение 12 лет Ник Айнич был ведущим инструктором в школе езды на мотоцикле Фредди Спенсера.

Можем ли мы рассматривать субкультуры как машины, которые формируют личность? Это несомненно так в случае мотокультуры. Мотоциклы затягивают нас в определенный круг суровых людей. Они такие, поскольку ошибки стоят нам слишком дорого. Ветераны, вернувшиеся с Первой мировой войны, поняли, что мотодвижение — это единственная достойная замена их товариществу и рискованным испытаниям на войне. С их приходом мотодвижение значительно расширилось и окрепло. Другое дело, что в наши дни оно разбивается на огромное количество «ветвей», следуя модели Лоренса. Чуть ли на каждую модель мотоцикла организовывается своя субкультура.

Веселье. Свобода. Транспорт. Острые ощущения. Терапия. Конкуренция… всего несколько причин, по которым мы присоединяемся к субкультуре мотоциклистов. Причины различны для каждого гонщика… и даже для каждой поездки. Мотоцикл может быть практичным и недорогим решением повседневной транспортировки в виде скутеров или гоночного класса мирового уровня в виде байков MotoGP за миллион долларов. Между самокатами и мотоциклами GP есть тысячи вариаций на тему двухколесного транспорта, призванных привлечь внимание гонщиков и будущих гонщиков, независимо от того, по какой причине они ездят.

ВОЗРАСТАЮЩИЙ РИСК

За каждым поводом для езды скрывается риск. Не риск попасть в сетку теннисным мячом или промахнуться по воротам… риск серьезной или смертельной травмы. В среднем **за последние пять лет в Америке погибло около 4900 мотоциклистов** (Источник: Министерство транспорта США, Национальное управление безопасности дорожного движения; Федеральное управление автомобильных дорог). Об этом риске знают большинство водителей, и этот риск превращает мотоциклы в относительно уникальную субкультуру по нескольким причинам.

1. Мотоцикл нестабилен по своей природе и может упасть, если на него не обратят внимание человек, стена, подножка и т.д. После того, как мотоцикл оседлан, бремя безопасности почти полностью ложится на гонщика.
2. Чем быстрее едет мотоцикл, тем выше риски. Расстояние преодолевается быстрее, и нагрузка на шины становится выше и приближается к предельному сцеплению шин: край сцепления становится уже.
3. Внешнее влияние плохой / невнимательной езды на четырехколесном транспортном средстве сильно влияет на уровень риска для уличных мотоциклистов. Когда автомобиль и мотоцикл сталкиваются, мотоциклист почти всегда получает значительно больше травм.

БАЙК И ЕЗДОК ПЛОХО СОЧЕТАЮТСЯ

Риск водителя значительно снижается за счет технологий, имеющихся в современном мотоцикле. Существующие байки можно приобрести с антиблокировочной системой торможения (ABS), контролем тяги, контролем на колесиках и различными режимами мощности, регулируемыми на руле.

По мере того, как эти технологии расширяются и улучшаются… ABS, например, в поворотах… логично ожидать уменьшения количества травм и смертей гонщиков.

Но мы не видим этого логического спада, потому что навыки и подходы гонщиков не поспевают за технологиями. Большинство райдеров учатся у члена семьи или друга. Многие школы новичков представляют теории и подходы, которые доказуемо ошибочны и становятся все более и более ошибочными со скоростью. Даже некоторые крупные школы езды следуют подходам к езде, которые значительно отличаются от привычек экспертного уровня. Во всех этих сценариях от гонщика к гонщику передается плохая информация.

Да, мотоциклы постоянно совершенствуются, но обучение гонщиков не успевает за ними. Даже самый лучший инструмент непригоден для работы, если с ним обращаться неправильно. **Мотоциклы — отличный инструмент для удовлетворения всех причин, по которым мы ездим**, но риск остается высоким, потому что уровень знаний и мастерства остается на низком уровне. Ответ не в том, чтобы повышать уровень образования гонщиков; **ответ — улучшить образование гонщиков**. Плохая информация, которую преподают большему количеству людей, не снизит риски при езде.

СУБКУЛЬТУРА ТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ РАДОСТИ

При правильном исполнении езду на мотоцикле на уровне энтузиастов описывают как **helmet therapy — «лечение в шлеме»**. Гонщик одинок, изолирован и защищен от мира с помощью высокотехнологичного снаряжения, вовлечен во всепоглощающую страсть, сочетающую в себе физические действия с подобной лазеру умственной сосредоточенностью.

Осознание риска усиливает фокус. Задача управления мощной и по своей природе нестабильной машиной с точностью до миллиметра от выбранного пути оставляет гонщика с наркотическим эффектом в конце поездки. Удовольствие от управления скоростью и направлением с помощью дроссельной заслонки, тормозов и рулевого управления увлекает нас, как немногие виды спорта. Круг общения энтузиастов-райдеров тесен и оптимистичен, они разделяют радость и вызовы от путешествия на двухколесном транспорте. Это одна из величайших субкультур в жизни, но ее нужно прожить.

МОЕ ЛИЧНОЕ ГОРЕ

Стрит-байк в Америке не растет. Продажи уличных байков остаются на прежнем уровне или сокращаются. Эксперты сбивают с толку и обвиняют детей в нежелании рисковать, обсуждают старение нынешних гонщиков, слишком высокие затраты на мотоцикл и страховку, а также факт, что в выставочных залах не хватает байков для новичков.

Я согласен с этими аргументами, но добавлю еще одну точку зрения, которую я могу доказать за 10 минут с помощью мотоцикла и некоторого пространства для езды. Все дело в том, что многие гонщики неправильно понимают динамику управления мотоциклом, и это недоразумение либо преподается, либо распространяется в нашей отрасли. Два основных места, где гонщики умирают или получают травмы — разгоняются в поворотах и сталкиваются с другими транспортными средствами на перекрестках — напрямую связаны с недоразумениями, которые пронизывают американское сообщество гонщиков.

Кто этот всезнайка? вы можете спросить. Я могу предоставить биографию, но знаю одно: я парень, который очень расстроен тем, что происходит с моей страстью, моим заработком и моим социальным миром. Для меня мотоциклы — это моя работа, любовь (я встретил свою жену на треке), друзья, невероятно приятный «побег» из повседневности (у нас существует выражение helmet therapy: закрыть шлем и побыть наедине с собой) и ещё много-много других вещей в жизни. Но я вполне понимаю, что для кого-то это просто удобный инструмент съездить за покупками, в условиях выросших цен на топливо! Хотя, отправляясь за покупками на той же простейшей «Веспе», которую в 1949 году словно бы для этого и придумали, получить удовольствие ничто не мешает…

Мотогонщики — это личности, которые я люблю. Не важно, сколько ты треплешься о себе, ты не победишь без интеллекта и надлежащей технической тренировки. Это мой бизнес, я инструктор. Мне не нужен медленный мотоцикл. Это мой индивидуализм, моя терапия, мое соревнование. Мой отец был в этой субкультуре, даже моя мать получила права на вождение мотоцикла в свои 53! Мне было 12, когда я впервые сел на байк. Я тогда не понимал ещё, что я уже в субкультуре.

Она основана вокруг машин, которые опасны. Даже скутер в Малайзии, на котором ты ездишь на работу, может убить тебя. Невероятный кайф от езды — это терапия, да. Но как-то глупо получать терапию, чтобы убиться! Думаю, что мы должны повысить нашу способность соответствовать машинам. Потому что машины невероятны, а все остальное — это человеческий фактор. Доктор Мальцев тоже помог мне понять, как студенты обучаются. Мотоцикл как бы предупреждает:

> «Я НЕ БЕЗОПАСНАЯ МАШИНА, ТОЛЬКО ТЫ, ОПЕРАТОР, МОЖЕШЬ СДЕЛАТЬ МЕНЯ БЕЗОПАСНОЙ».

Мы не можем надеяться сохранить новых членов в нашей субкультуре, если эти новые члены причиняют себе вред и убивают себя. Поскольку наша субкультура сопряжена со значительным риском, шаги к успеху должны быть правильными, иначе мы продолжим стагнировать. Поскольку наша субкультура становится все более рискованной со скоростью, шаги к успеху должны быть точными с того момента, как райдер решает покататься.

Изначально мотоциклы заменили лошадей, в войну — где количество мотоциклов доходило до полумиллиона — с их помощью поддерживалась коммуникация. В Америке **в 1959 году вышел фильм TheWild One с Марлоном Брандо в главной роли**, и мотодвижение стали идентифицировать как субкультуру свободы и индивидуальности. Позже **«Хонда»** запустила рекламную кампанию **«You meet the nicest people on Honda»** («Вы встречаете самых симпатичных людей на «Хонде»): это были плакаты с улыбающимися семьями, или пин-ап девушками и так далее — то есть,

Мотоцикл таким образом превращался из инструмента в атрибут энтузиазма.

В середине 1970-х Kawasaki выпустили модель KZ100, и тут речь уже зашла об удовольствии от скорости. Скоро был сделан второй мотоцикл с подобными характеристиками и возможностями, между ними началось соревнование — и пошло-поехало…

Смерть не является частью нашей ментальности, вовсе нет. Эмоциональный ездок, седлая байк, скажет: **«Я надеюсь, что сегодня со мной ничего не случится»** — тогда как технический, сфокусированный на том, чтобы не допускать ошибок, действительно для этого что-то сделает.

Сейчас 16-летний подросток может прийти в магазин и купить мотоцикл, который развивает скорость до 200 км/ч. Одно это обстоятельство обязывает нас делать всё, чтобы развивать культуру вождения! Почему мы продолжаем это делать? Потому что мы фаталисты? Потому что полагаемся на свои навыки? Решаем не водить пьяными? Выбираем лучшее снаряжение?

Моя страсть очень проста: ничто так не удовлетворяет меня в жизни, как ездить на мотоцикле, особенно на скорости. А **смерть — это естественное следствие сделанных ошибок**. Как, впрочем, и в любом другом человеческом занятии.

Необходимые изменения для улучшения и увеличения нашей субкультуры ясны, объяснимы и осуществимы. Можно задаться вопросом, почему этого не происходит.

На фото: инструкторы Champions Riding School «за работой»…

Ник Айноч (Ienatsch)

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СУБКУЛЬТУР, ИХ АТРИБУТОВ И СИМВОЛОВ

Д-Р БЕРНАРДО АТТИАС

Профессор кафедры коммуникационных исследований CSUN (Калифорнийского государственного университета Northridge)

Для меня самая богатая теоретическая и методологическая работа, как правило, возникает из критических встреч, а не наоборот. Другими словами, я склонен находить научную работу более привлекательной, когда методы адаптированы к конкретному критическому взаимодействию с явлением, а не тогда, когда ученый начинает с теоретического подхода, а затем применяет этот подход к явлению. Я считаю это особенно актуальным в области исследований субкультур.

Поэтому я попытаюсь осветить заявленный в заглавии статьи теоретический / методологический вопрос с точки зрения конкретных субкультурных мест взаимодействия (в частности, ди-джеев, исследований секс-работы и теории заговора). В общем, я думаю, что ученый должен выбрать методы, которые лучше всего подходят объекту исследования, а не наоборот.

Я обучаюсь коммуникативным исследованиям; с точки зрения методологии, мои основные подходы уходят корнями в риторические исследования, культурологические исследования и исследования производительности. Я попытаюсь проиллюстрировать, как каждый метод работает для меня применительно к каждому взаимодействию.

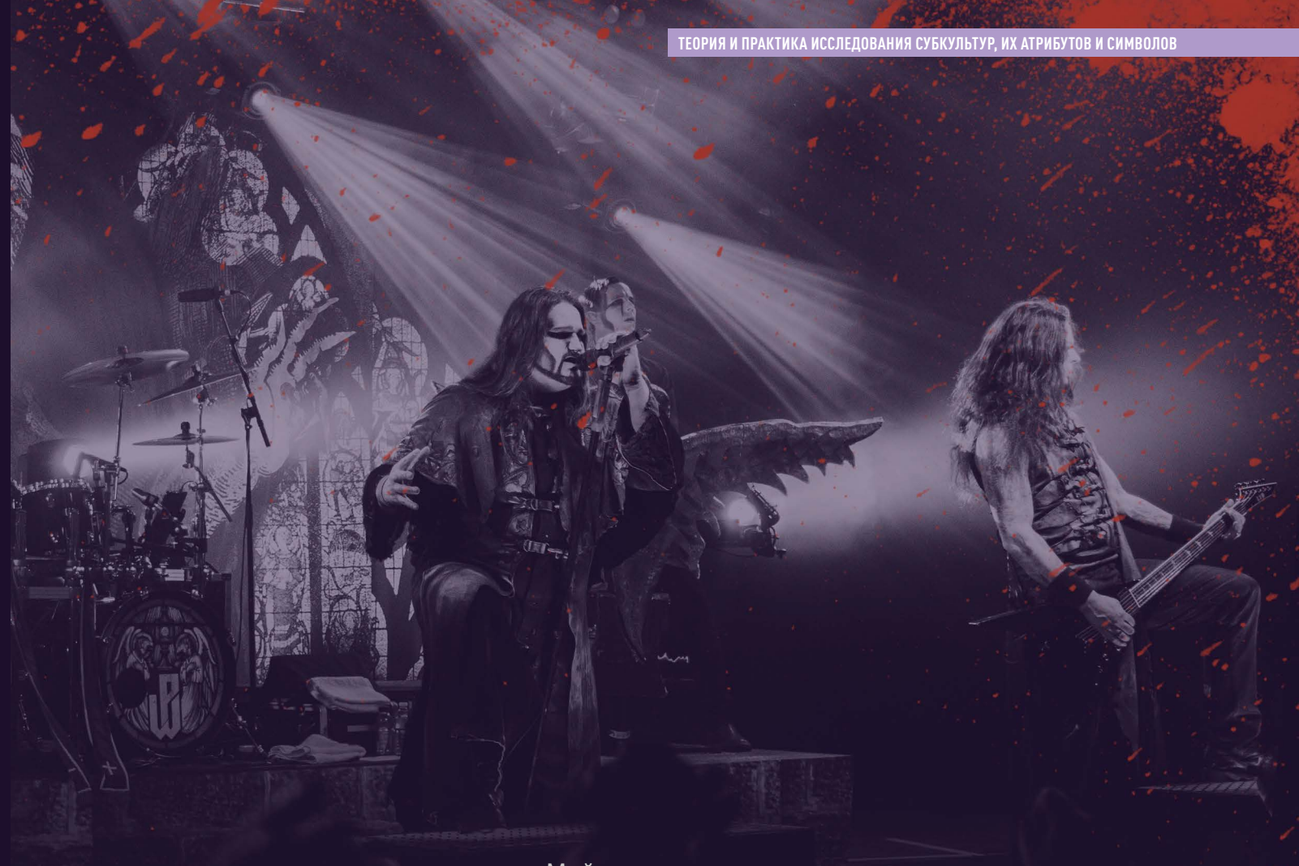
Проще говоря, риторические исследования включают изучение убеждения и идентификации. Эта область уходит корнями в древнюю историю изучения убедительных публичных выступлений, но методы, извлеченные из этой практики, были применены в современной риторической науке ко всем формам коммуникационных средств и символической коммуникации. Моя собственная работа часто оживляется анализом текста и анализом аргументов. Так, например, моя работа над субкультурами заговора была сосредоточена конкретно на движении QAnon в политике США. Группа QAnon действует во многом как политический культ, следуя образцу религиозных культов, а также насильственных экстремистов, и нет никаких сомнений в том, что последователей можно понимать как субкультуру (хотя, конечно, это зависит от того, как субкультура определяется; подробнее об этом позже).

Текстовый анализ позволяет ученому «читать» речь или общение ключевых фигур в таком движении. Так, например, определенные выступления генерала Майкла Флинна или конгрессмена Марджори Тейлор Грин будут рассматриваться как ключевые тексты движения. Твиты президента США или ключевых влиятельных лиц в субкультуре QAnon или «Q-drop» самих QAnon также можно интерпретировать с помощью тех же инструментов, которые ученые могут использовать для интерпретации политических выступлений. Текстовый анализ может помочь ученому лучше понять, например, способ, которым QAnon устанавливает и консолидирует это с помощью убедительных методов, таких как кодирование тайны и секретных знаний с использованием трип-кода для проверки их личности. Или то, как определенные лозунги и ключевые фразы, часто выражаемые в хэштегах, которые пишут в Твиттере последователи, помогают сообществу создать коллективную субкультурную идентичность: «Доверяй плану»; «Следуй за белым кроликом»; «WWG1WGA», также известное как «куда мы идем, мы идем все».

В своих классических формах анализ основных аргументов может быть полезен просто для изучения структуры аргументов сторонников QAnon, но для меня этот тип анализа обосновал особый подход, который включает в себя анализ риторики Кеннета Берка как теории не только убеждения, но и теории идентификации. В данном случае меня интересуют психологические аспекты удовлетворения аргументации, а также структура аргументации. В качестве примера я изучаю способ, которым приверженцы QAnon используют удовольствие от текстового анализа как своего рода доказательство.

ВСЕ Q-ДЕКОДИРОВАНИЯ СТАНОВЯТСЯ СПОСОБОМ ВОВЛЕЧЕНИЯ ПРИВЕРЖЕНЦА В ГЛУБОКУЮ ГЕРМЕНЕВТИКУ, КОТОРАЯ СРАВНИВАЕТ УДОВОЛЬСТВИЕ ОТ САМОЙ ИГРЫ С УБЕЖДЕННОСТЬЮ. ДРУГИМИ СЛОВАМИ, ВОЗБУЖДЕНИЕ (И ЭНДОРФИНЫ), ВЫСВОБОЖДАЕМОЕ В ПРОЦЕССЕ ВЫЯСНЕНИЯ ПРИЧУДЛИВЫХ (И БЕССМЫСЛЕННЫХ) СВЯЗЕЙ МЕЖДУ ТОЧНОЙ СЕКУНДОЙ ПУБЛИКАЦИИ ТВИТА ТРАМПА И КОЛИЧЕСТВОМ Q-DROP, НАПРИМЕР, ВОСПРИНИМАЕТСЯ ПРИВЕРЖЕНЦЕМ КАК САМО ПО СЕБЕ СВОЕОБРАЗНОЕ «ДОКАЗАТЕЛЬСТВО» ИСТИННОСТИ ЗАГОВОРА.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ СУБКУЛЬТУР, ИХ АТРИБУТОВ И СИМВОЛОВ



Обращаясь к культурологическим исследованиям, обычно используемым методом является анализ исторического дискурса, подобный тому, который вы можете найти в классической работе Policing the Crisis. Моя работа над культурой секс-работы подходит к субкультуре с этой точки зрения, хотя, как и в случае с субкультурой грабителей, я в первую очередь фокусируюсь не на субкультурах азиатских секс-работников в Северной Америке как таковых, а скорее на **дискурсивных ограничениях**, в которых они действуют (и, в частности, то, как эти ограничения делают их гораздо более уязвимыми для насилия и эксплуатации). Анализ дискурса позволяет ученому «читать» не только конкретные дискурсы активистов или политических деятелей, заинтересованных в субкультуре секс-работников (правоохранительные органы, средства массовой информации и «индустрия спасения секс-трафика»); это также позволяет ученому исследовать то, как общий дискурсивный климат вокруг таких терминов, как «секс-трафик» или «спасение», объединяет в данном случае более широкий дискурс о превосходстве белых, который рассматривает реальных секс-работников — мигрантов как пешек.

Наконец, методология исследования перформанса сыграла важную роль, особенно в моей работе над диджейской культурой. Исследования производительности, по крайней мере, в исследованиях коммуникации, частично уходят корнями в антропологию. Следовательно, этнография и исследования участников / наблюдателей, как правило, являются основным подходом в исследованиях эффективности. Для меня активное участие в субкультуре в качестве участника позволило поделиться своими наблюдениями о субкультуре. В частности, меня **интересовали отношения между технологиями, географией и идентичностью**. Меня интересовало, каким образом ди-джеи и фанаты создают и основывают свою идентичность во многих отношениях на технологиях, которые используют ди-джеи; были ли они ди-джеем на виниле, или CD-ди-джеем, или компьютерным ди-джеем, было очень важно как для ди-джеев, так и для фанатов, часто даже до такой степени, что создавало дихотомию «мы против них».

В равной степени меня интересовало, как географическое положение действует аналогичным образом; в качестве участника / наблюдателя я некоторое время ходил на музыкальные фестивали и привлекал танцоров, фанатов и ди-джеев. Честно говоря, я начал это исследование с набора вопросов, которые планировал задать всем, с кем общался, но я почти сразу же отбросил подготовленные вопросы и просто вовлек людей — в этом случае больше как участник, чем наблюдатель,— потому что так разговоры были более органичными и естественными. Это позволило мне вести себя более честно и искренне.

Меня также интересовало, каким образом география проявляется в музыке. Например, в случае с Детройтским техно у поклонников этой музыки есть сильное чувство самобытности и приверженности городу. Это очень интересно, потому что если вы слушаете музыку ради звуковой сигнатуры, которая символизирует Детройт (*в самом деле, есть даже отличный лейбл звукозаписи в стиле техно в Детройте под названием **Sound Signature**), вы найдете ее как в берлинском техно, так и в детройтском техно, и наоборот. И на самом деле между этими конкретными городами и появлением техно в то время есть некоторые реальные обмены и взаимодействия. Но суть **«детройтского техно»** на самом деле оказывается не столько в звуковой сигнатуре, сколько в чувстве общности и идентичности, которое формируется вокруг звука. (Здесь поучительна работа Сары Торнтон, развивающая понятие «аутентификация». Мне, чтобы понять это чувство идентичности, эта этнографическая работа действительно помогла.) Я обнаружил похожую ситуацию, когда брал интервью у кубинских техно-диджеев в Гаване. Хотя во всем мире может быть меньше понимания существования идентичности «гаванского техно» по разным причинам (в том числе из-за того, что техно затмевает огромное историческое богатство

других музыкальных форм на острове), явно существует сильное чувство идентификации среди самих ди-джеев и фанатов, которое укрепляется не только их чувством общности и близости, но и их общими отношениями со специфическими ограничениями участия в международной форме искусства, такой как техно, в условиях экономической блокады США, ограничений на поездки, и т.п.

Есть по крайней мере три ключевых термина, которые окружают термин «субкультура», и я думаю, что их стоит изучить: сопротивление, коммодификация и присвоение. Безусловно, исследования субкультуры имели тенденцию идентифицировать работу по субкультурам в связи с текстом **Хебдиге «Субкультура. Значение стиля»**, который сам коренится в понятии «культура» как особого «образа жизни народа», основанном на британских культурных исследованиях. Группа становится культурой, когда у них формируется четкий образ жизни и когда они выражают этот образец через какую-то идентифицируемую символическую форму. Хебдиге использует семиотический подход к субкультуре, считывая ее через знаки — он утверждает, что **группы становятся «культурами»** в тот момент, когда они «развивают различные модели жизни» и придают своему опыту «выразительную форму». Что делает культуру субкультурой, так это не только то, что она представляет собой меньшую часть культуры; в особенности это сопротивление господствующим культурным нормам. Именно такая реакция на доминирующие культурные нормы и диалог между субкультурами и этими нормами помогает укрепить его идентичность как специфически субкультурную.

Для субкультур эти пережитые противоречия и возражения против господствующих идеологий выражаются через стиль. Это то, что мы называем **«стилем жизни»**, и на самом деле существуют исследования, которые идентифицируют себя как «исследования образа жизни», хотя эта работа, как правило, сосредоточена на более доминирующих культурах. (Я также хотел бы упомянуть, что термин «стиль» имеет определенный набор значений в моей области и в риторической традиции в частности, и я думаю, что было сделано недостаточно работы по включению древнегреческих и римских обсуждений ораторского стиля в субкультурные исследования).

Таким образом, ключевым вопросом в исследованиях субкультур является вопрос о том, как субкультуры обрабатывают то, что Хебдиге назвал **«сырьем социального существования»** — другими словами, с точки зрения исследований производительности, то, как группа использует доступные для этого средства. это артикуляция и реализация (субкультурной) групповой идентичности. Конечно, термин «сырье» вводит в заблуждение. Как писал Маркс,

> «Л ЮДИ СОЗДАЮТ СВОЮ СОБСТВЕННУЮ ИСТОРИЮ, НО ОНИ НЕ ДЕЛАЮТ ЕЕ ТАК, КАК ИМ ЗАБЛАГОРАССУДИТСЯ, ОНИ ДЕЛАЮТ ЕЕ НЕ В УСЛОВИЯХ, ВЫБРАННЫХ ИМИ САМИМИ, А В ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, НЕПОСРЕДСТВЕННО ВСТРЕЧЕННЫХ, ДАННЫХ И ПЕРЕДАННЫХ ИЗ ПРОШЛОГО».

Таким образом, социальные отношения и набор символов, доступных субкультуре, никогда не бывает по-настоящему «сырым»; они опосредованы (и являются символической реакцией на) конкретных историй и идеологий. То, как символ присваивается и используется субкультурой, придает значение, и это значение может быть очень различным для субкультуры и для доминирующей культуры.

Конечно, это работает не со всеми символами. У присвоения есть свои пределы. И здесь я даже не говорю о культурных последствиях присвоения как «кражи идентичности» или чего-то подобного. Свастика: все мы знаем, что крючковатый крест имеет долгую и богатую историю в различных культурах задолго до того, как он был принят нацистской партией. Но, возможно, нацисты затруднили, если не сделали невозможным, по крайней мере в европейском и американском контекстах, использование этого символа любым способом, не означа-

ющим расизм, антисемитизм или геноцид. В конце 1970-х, конечно, панк-рокеры думали, что могут сделать с ним что-то другое, присвоив символ, чтобы выразить то, что Хебдиге назвал «опустошением» смысла. Они не хотели использовать свастику как расистский символ; они хотели, чтобы это был символ, который бы оскорбил всех и выразил определенный нигилизм и различие, но это был слишком значимый символ для господствующего общества, что на самом деле он не работал. Итак, у вас был, например, момент, когда Сиукси (из Siouxsie and the Banshees) пришлось извиняться за использование символа, говоря, что мы действительно не имели в виду это, и, конечно, это действительно истощает силу того, на что они надеялись. общайтесь с символом в первую очередь. В Лондоне 1970-х годов не было возможности отделить значение символа от его связи с нацистской Германией.

Таким образом, образ жизни развивается, по крайней мере, частично, в связи с доминирующими культурными нормами (и в качестве реакции на них). Означает ли это, что субкультуры «антикультуры»? Нисколько. Фактически, тема, которая возникает во многих исследованиях субкультур, начиная с 1950-х годов, показала, что многие субкультуры, которые, казалось, развивались вопреки доминирующей культуре (например, уличные банды), фактически разделяли и даже укрепляли системы ценностей этих доминирующих культур. То, что кажется андеграундными системами ценностей, по крайней мере в символическом выражении, часто вполне поддерживает доминирующую систему ценностей. Именно здесь, я думаю, многомерный подход к субкультурам может помочь выявить вещи, которые не так очевидны на поверхности.

В этом свете многие ученые оставляют термин **«контркультура»** для субкультур, сопротивление которых доминирующим культурным знаковым системам принимает гораздо более явно политическую и идеологическую форму. Можно утверждать, что даже такие контркультуры узаконивают и поддерживают доминирующие культурные идеологии через свою явную оппозицию. В этом свете особенно поучительным является исследование Коэна **«моральной паники»** и огромное количество научных исследований в области субкультур, на которые оно повлияло, включая, конечно же, работу Хебдиге: Хебдиге отметил, что моральная паника, окружавшая панк-рок, помогла его коммерциализировать и приглушить его «угрожающую» или сопротивляющуюся силу.

В этом свете некоторые из моих собственных работ по субкультурам были сосредоточены на том, как субкультуры через стиль проявляют идеологии, которые одновременно бросают вызов и подтверждают доминирующие системы. Меня также интересует, как субкультуры используют доступное им сырье в форме культурного присвоения, иногда из других субкультур. В этом свете история, которую Гэвин Уотсон рассказывал о скинхедах и присвоении ими черной музыки, особенно поучительна; вы заканчиваете тем, что эти расистские группы скинхедов присваивают субкультуру скинхедов, включая музыку, и развивают расистские нарративы, возможно, даже не осознавая, что сама музыка, которую они присваивают, была заимствована из культур карибских / западно-индийских черных, тех самых культур, которыми они были призывает к высылке из Лондона. В этот момент они ведут своего рода диалог с черной культурой, не осознавая этого.

В то время как модель культурного присвоения имеет тенденцию изучаться с бинарной точки зрения — рассматривая присвоение либо как признание, либо как коммерциализацию и тривиализацию культуры, которую оно присваивает, — я пытаюсь разработать подход к такому присвоению, как культурный диалог. Этот диалог ведется не между «аутентичными» культурами как таковыми, а скорее в пространствах между воображаемыми культурами, которые аутентифицируются не через ссылку на какую-то культурную сущность, а скорее через перформанс. В таком исполнении решающую роль играют динамика и методы курирования — еще один термин, с которым я работал в связи с диджейской культурой, которая очень специфическим образом развивалась в определенных музыкальных стилях.

Поэтому в своей работе я пытаюсь понять некоторые диджейские субкультуры как культуры курирования. Акт курирования — сбор, отбор, организация и совместное использование (будь то искусство в музее или ди-джей, собирающий музыкальный сет) — рассматривается как повествовательное мероприятие, в котором ди-джей рассказывает историю и участвует в режиме выступления. посредством которых обсуждаются культурные смыслы и идентичности. В настоящее время я стремлюсь исследовать эту взаимосвязь с помощью двух тематических исследований: во-первых, ямайский дэнсхолл, присвоение британской рок-музыки в чрезвычайно популярном риддиме «Сленг Тенг» (который журналисты определили как исходящий из предварительно запрограммированная электронная клавиатура, в которой использовалась британская рок-песня 1970-х годов); и, во-вторых, рост гибридных стилей электронной танцевальной музыки, иногда сардонически называемых «глобальным геттотехом», на примере поп-звезд, которые сами по себе являются гибридными в культурном отношении, но которые вышли из Контексты европейских танцполов (например, MIA, Jahcoozi и Sevdaliza; это артисты, которые присвоили различные глобальные музыкальные элементы, которые они идентифицируют, для различных градусов, чтобы создать определенный звук танцпола). Понятие «курирование», и в частности кураторское исполнение, может помочь ученым лучше понять возникновение этих гибридных стилей и практик. Такие артисты создают свои собственные музыкальные коллекции (или даже свои коллекции лакомых кусочков записанного звука), чтобы выразить себя по отношению к определенному субкультурному сообществу. Для меня это присвоение может означать культурный диалог, а не «воровство».

РЕКОМЕНДАЦИИ:

1. Аттиас, Бернардо Александр и др., Редакторы. DJ-культура в миксе: сила, технологии и социальные изменения в электронной танцевальной музыке. Индианаполис: Bloomsbury Academic, 2013.
2. Берк, Кеннет. Риторика мотивов. Беркли: издательство Калифорнийского университета, 1969.
3. Коэн, Стэнли. Народные дьяволы и моральная паника. Лондон: Рутледж, 2011.
4. Холл, Стюарт и др. Полицейский кризис: ограбление, государство и закон и порядок. Издание 2013 г. Лондон: Red Globe Press, 2013.
5. Хебдиге, Дик. Субкультура: смысл стиля. Лондон: Рутледж, 1979.
6. Маркс, Карл. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. International Publishers Co, 1994.
7. Торнтон, Сара. Клубные культуры: музыка, медиа и субкультурный капитал. Мидлтаун, Коннектикут: издательство Уэслианского университета, 1996.

Д-р Бернардо Аттиас

СУБКУЛЬТУРНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАСХОЖДЕНИЯ И ПОСТОЯНСТВО В “STRAIGHT EDGE”

РОСС ХЭНФЛЕР

Профессор социологии Гриннелл-колледжа в Гриннелле, штат Айова, автор книг о субкультурах

Когда в 1981 году в Вашингтоне, округ Колумбия, хардкор-панк-группа выпустила песню **«Straight Edge»**, они не могли ожидать, что это породит глобальную субкультуру, которая сохранится сорок лет спустя. 46-секундная панк-песня, написанная неизвестным 19-летним парнем из малоизвестной группы и предназначенная для крошечной сцены, продолжает вдохновлять людей воздерживаться от алкоголя, наркотиков, табака и секса «побеждать». Коллектив **«Minor Threat»** не пользовался (и не хотел!) поддержки и продвижения крупного лейбла; вокалист Ян Маккей и барабанщик **Джефф Нельсон** управляли лейблом **Dischord Records** вне рынка, почти не понимая, что они делают; они были **DIY («сделай сам»)** из-за необходимости в большей или большей степени, чем из-за каких-то идеологических обязательств. Первый тираж составил 1000 записей, а первые четыре — 5000. Радио-ди-джеи не выстраивались в очередь, чтобы поставить **«Straight Edge»**, и даже если бы группа сняла музыкальное видео для недавно появившегося MTV, канал не транслировал бы его. Пластинка вышла за десять лет до широкого распространения Интернета, когда панки все еще писали друг другу письма и покупали журналы, пластинки и кассеты по почте. И стрейтэдж осмелился поставить под сомнение употребление алкоголя, наркотиков и секс — предполагаемые признаки молодежного бунта. Тем не менее, каким-то образом музыка и послание распространились, находили отклик и сохранялись по всему миру. **«Straight edge»** давно вышла за рамки своего происхождения как панк-песня с американской сцены, с участниками в Бразилии и Аргентине, Швеции и Германии, Израиле и России, Японии и Корее, Австралии и Новой Зеландии и почти во всех других странах.

«Прямой край» — так переводится название трека — поднимает множество вопросов, связанных с созданием субкультурного смысла: как субкультуры возникают и формулируют идеи в ответ на что-то, чего не хватает или что-то неудовлетворительное в их культурном контексте? После появления (которое само по себе является процессом, а не моментом), как новые значения расходятся с первоначальным

пониманием? Другими словами, как участники оспаривают и переосмысливают ранние значения, нарушая исходную историю сцены, поскольку они реагируют на новые обстоятельства? И, наконец, учитывая расхождения во времени и месте, как одни субкультуры сохраняются со временем, а другие уходят в тень?

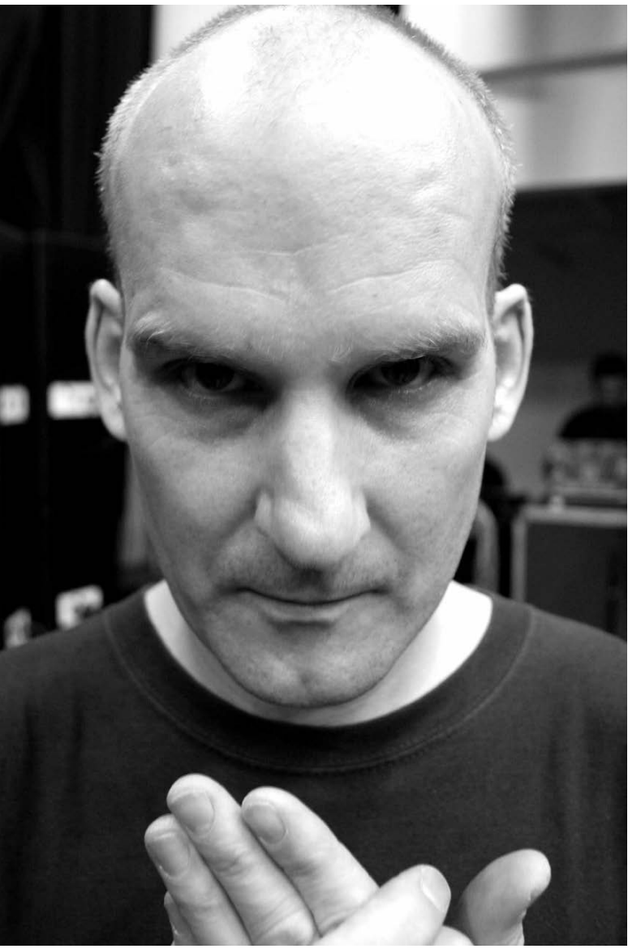
Я изучал **стрейт-эдж** в различных контекстах с 1996 года в качестве участника-наблюдателя (**Haenfler 2006**). За это время я провел десятки подробных интервью, прослушал сотни записей, просмотрел тексты песен и посетил более 100 хардкор-шоу с участием стрейт-эдж-групп. Кроме того, я **провел опрос примерно 900 стрейтэджеров и создал архив сообщений в социальных сетях**. Таким образом, мой подход — это многосторонняя этнография, включая цифровую этнографию, с помощью которой я пытаюсь понять возникающие значения и опыт с точки зрения участников. Я кодировал и анализировал данные, используя подход обоснованной теории (**Charmaz 2014**), руководствуясь символическим интеракционистским пониманием создания смысла. Значение (цель), понимание вещи — возникает из того, как мы реагируем на эту вещь или используем ее (**Mead 1934**). Другими словами, **значения социальных объектов, практик и текстов не являются ни врожденными, ни фиксированными, а создаются людьми во взаимодействии. Люди действуют по отношению к вещам на основе их сконструированных значений, а не пассивно воспринимают мир «таким, какой он есть»** (**Blumer 1969**). Точно так же значения меняются в процессе интерпретации; значения бывают социальными, изученными, оспариваемыми, модифицированными и всегда множественными. Как давняя глобальная субкультура, **Straight Edge** представляет собой идеальный пример для изучения смыслообразования.

> «(Я) НЕ КУРЮ, (Я) НЕ ПЬЮ, (Я) НЕ ТРАХАЮСЬ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ, Я МОГУ ДУМАТЬ».

ВОЗНИКНОВЕНИЕ — ИСТОРИИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Если **«Straight Edge»** дала название субкультуре, то песня **«Out of Step»** (1983) обеспечила ее кредо:

Маккей устал от непрекращающегося общественного давления, требующего выпивки, в том числе от сверстников-панков, которые выступали против «основного» общества. **Для Маккея «натуральность» — воздержание от наркотиков и алкоголя — давала ему «преимущество» перед людьми**, которые прожили жизнь в состоянии алкогольного опьянения; **чистый образ жизни позволяет людям достигать своих целей, не отвлекаясь. Воздержание было личным выбором и утверждением автономии**. **Знак «X»**, который станет символом движения, возник в результате того, что владельцы заведений отмечают руки несовершеннолетних значком X, чтобы показать барменам, чтобы они не подавали им алкоголь. Тем не менее, вскоре панки помети-



ли свои руки знаком «X», чтобы показать свое неповиновение алкогольной культуре и свою приверженность стрейт-эдж-идентичности. Этот символ получил дальнейшую известность благодаря изображению панка с крестиками на руках на обложке записи предыдущей группы Маккея **«Teen Idles»**.

Даже если Маккей и его товарищи не собирались создавать субкультуру, представление о том, что можно быть панком без интоксикантов, быстро закрепилось в сценах по всей территории США (Рино, Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Бостон и вскорости всего мира. Бостонская группа SSD, а затем и **«Молодежь сегодняшнего дня в Нью-Йорке» превратили стрейтэдж из личного выбора в движение**, активно демонстрируя икс и воспевая достоинства жизни без наркотиков. Со временем сторонники **«строгой обрезки»** представили воздержание как сопротивление алкогольным и табачным компаниям, которые наживаются на страданиях людей, часто преднамеренно нацеливаясь на несовершеннолетних. Многие натуралы имели негативный личный или семейный опыт употребления алкоголя или наркотиков, поэтому они использовали свою идентичность, чтобы подчеркнуть личный и социальный вред употребления психоактивных веществ и злоупотребления ими. Другие считали, что **алкогольная культура притупляет более широкое сопротивление статусу-кво**. Обманчиво простой слоган, который можно найти на футболках и в песне, гласил:

> «НЕ ПИТЬ — ЭТО НОРМАЛЬНО».

К середине 1980-х гг. Сформировалось широко распространенное значение «стрейт эдж», и многие практикующие считали, что решение «заявить о себе» означало пожизненное обязательство воздерживаться и что любое нарушение, даже один глоток алкоголя, лишает всяких претензий на идентичность. Даже выпить в честь дня рождения или в честь Нового года. Настойчивые приверженцы называли тех, кто начал употреблять, «продавцами», которые **«сломали край» (broke edge)**. Сохранение «верности» идентичности занимало **«прямых обрезателей»**, поскольку некоторые из их предшественников уходили. Группа **Chain of Strength** задалась вопросом в песне **«True Till Death» (1989)**: «Неужели края потускнели?» (“Has the edge gone dull?”). Это резкое, без исключений отношение, по-видимому, обеспечивало общую, ясную и неоспоримую систему ценностей, несмотря на заявление Маккея о перезаписи «Out of Step» о том, что «это [прямолинейный край] не является набором правил».

Но даже тогда стрейт эдж начал приобретать значение в дополнение к воздержанию. Для многих стрейт-эдж стал частью более общего сопротивления предполагаемым доминирующим нормам (Haenfler, 2006). Это сопротивление подразумевало, что на многих уровнях есть общие для многих субкультурологов значения: **есть внешние силы, вынуждающие нас жить нездоровым образом, как для нас самих, так и для наших сообществ; и то, что мы делаем как личности, имеет значение для нас самих и для наших больших социальных миров**. Наш выбор может иметь значение, как это показано в песне **Инстеда «We'll Make the Difference» (1989)**.

Straight edge демонстрирует, что субкультуры возникают не в один момент и не в одном месте, совершенно оригинальные и полностью сформированные. В то время как Straight Edge получил свое название от песни, опубликованной в определенный момент времени, субкультура объединилась в течение нескольких лет и в нескольких местах, опираясь на ранее установившийся дух панка и хардкора. Более того, значения и практики, связанные с идентичностью, хотя для многих кажутся ясными и неприкосновенными, различны (Wood 2006). По мере того, как эра «молодежной команды» 80-х и начала 90-х годов подходила к концу, эти **значения расходились во многих направлениях, показывая, что «единство» было скорее стремлением, чем реальностью**.

ДИВЕРГЕНЦИЯ — СОРЕВНУЮЩИЕСЯ ЗНАЧЕНИЯ

Многие современные стрейтэджеры настаивают на том, что значения «прямолинейного края» ясны, последовательны и даже очевидны, что унаследовано от предыдущего поколения, для которого воздержание было абсолютным и (якобы) пожизненным обязательством. Однако значения всегда оспариваются, даже те, которые на первый взгляд кажутся бесспорными и широко распространенными. Ранние стрейтэджеры зачастую были менее жесткими в своем понимании идентичности, менее озабоченными «продажей» и установлением границ. **Сначала они были панком, а уже потом — эджером**, и многие с подозрением относились к морализаторскому оттенку стрейт-эджа. Однако новые субкультурные и исторические обстоятельства вызвали корректировки, и харизматические субкультурные предприниматели открыли новые перспективы, как и в случае любой существующей субкультуры.

В начале 90-х стрейт-эдж-группы все чаще включали политику в свою музыку (Peterson 2007). Эта тенденция продолжалась до середины десятилетия, когда трио групп на Victory Records — Strife, Snapcase и Earth Crisis — стали чрезвычайно популярными своим звучанием под влиянием хэви-метала. Earth Crisis, в частности, приобрел легендарный статус, **пропагандируя бескомпромиссное послание веганства и освобождения животных,** упакованное в банданы, камуфляжные брюки и майки спортивных команд. Все больше и больше «прямых обрезчиков» стали веганами; к концу 2010-х более половины придерживались вегетарианской или веганской диеты (Haenfler n.d.). Однако, даже когда «Земной Кризис» (как переводится название группы) оживил политическое сознание, возник разрыв между «позитивным» и так называемым «воинствующим» прямым краем. Первые придерживались принципа невмешательства, подавая пример, а вторые были более конфронтационными. Воинствующий край имел, несомненно, сверхмаскулинный тон, привлекая множество мускулистых **«крутых парней»**, которые напоминали стереотип атлетического «спортсмена», который раньше презирали панки (Mullaney 2012). **«Бригады» — группы, состоящие в основном из мужчин-натуралов, которые выражали свою преданность друг другу с помощью татуировок и других общих символов**,— стали известны своим устрашающим присутствием на шоу и, иногда, своим насилием (Пурхла 2011). Этот грубый раскол между позитивными и воинствующими прямыми краями выявил разногласия в тусовке, побудив некоторых участников отказаться от идентичности, если не всегда от образа жизни, в то же время привлекая других к сверхмаскулинному образу.

Тем не менее, субкультурные значения никогда не бывают статичными, и так же, как **Earth Crisis** распалась (временно) в 2001 году, новое поколение групп

оставило свой след в линейке. С 2002 по 2009 год группа Have Heart из Массачусетса привнесла интроспективное и гостеприимное отношение к строгому хардкору, оказав огромное влияние на мировую арену. К 2010-м годам повсеместное распространение социальных сетей сделало идентичность более доступной, что позволило людям еще легче находить новые возможности и общаться с единомышленниками. Однако эти платформы также позволили возобновить дебаты о значениях стрейт-эджа.

Один из пунктов ожесточенных споров заключается в том, нужно ли связывать стрейт-эдж с хардкором. Все чаще участники принимают этот лейбл или навязывают его себе, не зная, что его корни лежат в панке и хардкоре. В Facebook и Instagram бушуют дебаты между пуристами, твердо верящими, что стрейт эдж неотделим от панка, и прагматиками, которые отмечают, что их идентичность распространилась за пределы сцены. Например, популярный стрейт-эдж профессиональный рестлер **CM Punk** представляет приверженцев этой идеи.

В то время как хардкор был и остается основными воротами в стрейт-эдж для большинства участников, самобытность — или, по крайней мере, термин — давно вышла за рамки панка. **«Straight edge»** все чаще становится синонимом «трезвости», к большому огорчению приверженцев хардкора. Некоторые люди, не имевшие отношения к хардкору, утверждали, что это часть своего выздоровления от зависимости. Почти все стрейт-эджеры отмечают трезвость и выздоровление других, но большинство также стремятся провести четкое разграничение между стрейтэджером и «свободой от наркотиков». Опять же, эта дискуссия поднимает вопросы о значении (–ях) прямолинейности; является ли стрейт эдж просто прилагательным, описывающим любого, кто не пьет, не курит и не употребляет наркотики, или это субкультура с контркультурными мотивами? Множество моих участников сообщали о том, что они не употребляли наркотики, прежде чем заявлять о себе, иногда даже до того, как узнали о существовании субкультуры. Другие люди могут применить к ним ярлык, побудив их самостоятельно исследовать субкультуру.

Также обсуждается вопрос о том, является ли стрейт-эдж шансом на всю жизнь. Могут ли люди промахнуться, сделать ошибку или начать пить какое-то время после того, как заявили о своем преимуществе, а затем «повторно заявить» о своем преимуществе, когда они снова остановятся? Старый лозунг стрейт-эджа свидетельствует:

СУБКУЛЬТУРНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ, РАСХОЖДЕНИЯ И ПОСТОЯНСТВО В «STRAIGHT EDGE»

«ЕСЛИ ТЫ НЕ СЕЙЧАС, ТЫ НИКОГДА НЕ БЫЛ».

Но не все с этим согласны. Неоднократные притязания и «ломка» могут быть осуждены почти повсеместно, но некоторые участники могут рационализировать одноразовый «перерыв», в то время как другие не могут. Неужели строгое соблюдение кодекса важнее, чем практический результат того, что кто-то не употребляет алкоголь и хочет претендовать на личность?

Растущая легализация лекарственного каннабиса в Соединенных Штатах вызывает дополнительные вопросы. На просьбу объяснить принцип «отсутствия наркотиков» в стрейтэдже большинство участников ответили бы, что в данном случае наркотики являются запрещенными наркотиками, используемыми в рекреационных целях. Каннабис, кокаин, героин, МДМА / экстази, опиоиды и так далее. Но можно ли по-прежнему утверждать, что употребление лекарственных продуктов каннабиса по назначению врача является прямым преимуществом? Или псилоцибин, галлюциногенный компонент волшебных грибов, для лечения психических заболеваний под наблюдением специалиста по психическому здоровью? Мнения разные.

Так что же поставлено на карту? Хотя эти споры о значении могут показаться сторонним наблюдателям тривиальными или чрезмерно частными для линейных, они подчеркивают конфликты, присутствующие во многих, если не в большинстве субкультур. Кому принадлежит? Что нужно делать, чтобы принадлежать? Кто настоящий участник, кто позер? Каковы границы идентичности? Если что-то удастся и нет единого определения ситуации, субкультура не может быть субкультурой. Если субкультуры станут жестким применением правил, они рискуют стать еще более эксклюзивными и неприветливыми, отражая те самые институты, которым они намерены противостоять. По мере того, как стрейт-эдж сохранился, а знания о субкультуре распространились, эти продолжающиеся дебаты демонстрируют создание смысла в текущем процессе.

НАСТОЙЧИВОСТЬ — НЕПРЕХОДЯЩЕЕ ЗНАЧЕНИЕ

Несмотря на очень реальные конфликты по поводу значения **«стрейт эдж»**, сила сообщества, которое празднует жизнь без наркотиков, продолжает говорить с новыми поколениями молодых людей по всему миру. Более того, многие стрейтэджеры дожили до пятидесяти и шестидесяти, показывая, что участники не обязательно вырастают и уходят со сцены. Несколько факторов способствуют сохранению «прямолинейности» как смысловой системы, факторы, которые могут более или менее присутствовать в других субкультурах.

Как я только что упомянул, стрейт-эдж превратился в субкультуру, передающуюся из поколения в поколение. Хотя многие, возможно, даже большинство молодых приверженцев, в конечном итоге отходят от идентичности, но они проявляют достаточно упорства, чтобы иметь возможность делиться знаниями, опытом и ресурсами с новыми участниками. Хотя эти взаимодействия не лишены конфликта, узы, выкованные внутри и между когортами, на локальных, глобальных и виртуальных сценах, поддерживают субкультурные смыслы. Старшие стрейтэджеры владеют звукозаписывающими лейблами, книжными площадками, модернизируют группы в социальных сетях и в некоторых случаях продолжают играть в группах. Все это способствует развитию культурной инфраструктуры стрейтэджа как смысловой системы.

«Прямой край» говорит о мощном контркультурном желании, но также во многих отношениях совместим с доминирующими значениями. Воздержание и самоконтроль имеют сильные религиозные корни во многих культурах. Это наиболее последовательное послание стрейтэджеров ставит под сомнение более вредные аспекты наркотиков

и алкоголя, что может побудить некоторых авторитетов отказаться от татуировок, резкой музыки и связей с радикальной политикой (Linnemann and McClanahan, 2016). В то время как прямой край может означать **«радикальную трезвость» (Kuhn, 2019)**, он может показаться довольно безобидным или приземленным по сравнению с более стигматизированными субкультурами (хотя многие стрейтэджеры сообщают, что сталкиваются со стигматизацией за свой выбор).

Комбинация гибких и жестких значений, о которых я говорил выше, также способствует долголетию идентичности. Приверженцы могут включать в себя другие проблемы и интересы (например, права животных, активизм, антифашизм и т. Д.) И адаптировать линейку к своим местным условиям, при этом разделяя коллективную систему смысла. То, что участники видят некоторую степень ясности в значении «прямолинейного» слова «без наркотиков» — даже если они переоценивают консенсус — обеспечивает относительную стабильность.

Наконец, **стрейт-эдж и многие другие музыкальные субкультуры обеспечивают мощное сочетание музыки, послания и сообщества**. Живые выступления, в частности, создают коллективное возбуждение (Durkheim, 1912), мощное, коллективное, воплощенное чувство единства, которое напоминает людям об их связи с чем-то большим, чем они сами. **«Прямой край» воплощен, вплетен в повседневную жизнь, совмещая самореализацию с социальной трансформацией**. Это может быть центральный ориентир в самоощущении приверженцев или второстепенный выбор, который заключается в том, **«кто я есть»**. В любом случае музыка и сообщение объединяют людей в воплощенном, виртуальном и воображаемом сообществе.

ВЫВОДЫ

В этой статье я использовал стрейт-эдж, чтобы продемонстрировать силу субкультур в предоставлении линзы, через которую участники интерпретируют мир. Я показал, что создание смысла — это непрерывный процесс взаимодействия; даже когда участники выражают уверенность в основных или существенных субкультурных значениях, на практике эти значения всегда обсуждаются и оспариваются. Субкультурная линза не стандартизирует и не унифицирует видение участников, но обеспечивает некоторую основу для общего смысла.

Учет разнообразия смыслов в любой субкультуре требует методов исследования, которые фиксируют внутреннее (эмическое) понимание с точки зрения участников. В этом отношении мне хорошо послужили этнографические, включенные наблюдения. Объединение данных интервью, наблюдений и текстовых данных позволяет осуществлять постоянную перекрестную проверку, поскольку я сравниваю то, что люди говорят, с тем, что они делают. По возможности, лонгитюдное исследование позволяет увидеть, как субкультурные значения меняются и меняются, особенно с возрастом участников. В будущем решающее значение будут иметь исследования социальных сетей, равно как и сравнительная работа по изучению различных мест.

ССЫЛКИ

1. Блумер, Герберт. 1969. Символический интеракционизм: перспективы и методы. Энглвуд Клиффс, Нью-Джерси: Prentice Hall.
2. Чармаз, Кэти. 2014. Построение обоснованной теории, 2-е изд. Таузенд-Оук, Калифорния: Sage Publications.

3. Дюркгейм, Эмиль. 1912 [2008]. Элементарные формы религиозной жизни, переведенный Кэрол Косман. Оксфорд, Великобритания: Издательство Оксфордского университета.
4. Haenfler, Росс. 2006. Straight Edge: чистая жизнь молодежи, хардкор-панк и социальные изменения. Нью-Брансуик, Нью-Джерси: Издательство Университета Рутгерса.
5. Кун, Габриэль. 2019. X: Straight Edge и расовая трезвость. Окленд, Калифорния: PM Press.
6. Линнеманн, Трэвис и Билл МакКлананхан. 2016. «От «грязи» и «безумия» до «мирных сторожевых псов»: полиция, средства массовой информации и ярлык банд». Преступность, СМИ, культура 13 (3): 1–19.
7. Мид, Джордж Герберт. 1934. Разум, Я и общество с точки зрения социального бихевиориста. Издательство Чикагского университета: Чикаго.
8. Маллани, Джейми. 2007. «Единство достойно восхищения, но к нему не обязательно обращать внимание: повышение темпов роста и гендерные границы на музыкальной сцене Straight Edge Hardcore». Гендер и общество 31 (3): 384–408.
9. Петерсон, Брайан. 2007. Burning Fight: Жесткая революция девяностых в этике, политике, духе и звуке. Хантингтон-Бич, Калифорния: Revelation Records.
10. Пурчла, Джефф. 2011. «Сильные силы: процессы управления в« Crew Scene Hardcore »». Этнография 12 (2): 198–223.
11. Вуд, Роберт Т. 2006. Молодежь стрейтэджинга: сложность и противоречия субкультуры. Сиракузы, Нью-Йорк: Издательство Сиракузского университета.

Росс Хэнфлер

TOURIST TROPHY НА ОСТРОВЕ МЭН: СУБКУЛЬТУРА ОПАСНОСТИ

САЙМОН МАКГРЕГОР-ВУД

(Великобритания), телекорреспондент и ведущий с 30-летним опытом работы в самых разных должностях на ABC News, Reuters и Al Jazeera English. В 2015 году он присоединился к лондонскому бюро TRT World в качестве европейского корреспондента. Будучи с детства поклонником мотоспорта, Мак-Грегор-Вуд снял часовой документальный фильм о гонках TT на острове Мэн в 2012 году: «TT, опасная зависимость». Саймон и сам ездит на мотоцикле много лет.

Я мотоциклист и журналист. В 2012 году мне удалось совместить свою страсть к культуре мотоспорта с моей страстью к рассказыванию историй, сняв фильм о гонках TT на острове Мэн. Он назывался **«Остров Мэн TT: Пристрастие к опасности»**. По журналистской привилегии я смог вплотную посмотреть на субкультуру, в которой люди находят «высокооктановый» способ выразить себя и отличиться от «корневой культуры», пользуясь выражением Лоренса. **Люди горды тем, что они отличаются — как племя.** Невероятно захватывающе видеть, как они развивают себя в то, чем хотят быть, оформляют некое специализированное выражение своей личности.

Впервые я начал заниматься мотоциклом, когда мне было чуть больше двадцати. Я не начинал с зацикленности на скорости или опасности или даже на культуре езды на мотоцикле. Мне просто нужен был лучший способ добраться на работу. Но вскоре все изменилось. Вскоре я научился ездить на гоночных трассах, и скорость стала самым важным делом. Затем последовало несколько лет любительских гонок, большая часть из которых была посередине группы, со случайными сбоями и нулевыми трофеями. Но это была одна из самых захватывающих вещей, которые я когда-либо делал.

Сегодня я придерживаюсь организованных трек-дней. Прокатиться на байке с десятками других энтузиастов, чтобы пережить моменты молодости — что может быть лучше. Прилив адреналина может быть меньше, но для человека за пятьдесят этого более чем достаточно.

Так что да, я провел несколько десятилетий, погрузившись в мир мотоциклов, в культуру мотоциклов. Я носил одежду, читал журналы, смотрел гонки, у меня были свои герои и злодеи, я разговаривал и отождествлял себя с другими байкерами. Во время воскресной дневной поездки мы кивали друг другу, проезжая мимо. Если с байком возникала проблема, то всегда помогал байкер.

Затем однажды я приоткрыл крышу над субкультурой мотоциклистов, о существовании которой я даже не подозревал. Мне попалось видео о людях, мчащихся по дорогам в Великобритании. В частности, одна дорога. 37-мильный участок общественного шоссе на острове Мэн, небольшом довольно старомодном месте на море между Англией и Ирландией. Каждый год они проводят серию гонок под названием **Isle of Man TT**. TT означает Tourist Trophy, и все началось, вы не поверите, еще в 1907 году.

Я был немедленно очарован и знал, что хочу знать больше. Я ничего не знал об этой мотоциклетной культуре. Очевидно, у него была своя богатая история, свои традиции и личности. Был образ жизни и, с точки зрения гонок, совершенно другой подход. В 2012 году мы отправились снимать об этих мотивированных людях фильм для «Аль-Джазиры».

Моя карьера выражена скорее невероятными поражениями, чем победами. Меня притянуло к очень радикальной субкультуре, которая устраивала гонки не на треке, а на обычных общественных дорогах.

Храм, наивысший алтарь этой культуры находится на острове Мэн между Британией и республикой Ирландии. Они взяли опасную гонщицкую субкультуру и смогли радикализировать ее и сделать даже более опасной. Вначале это привлекало молодежь как часть рок-н-рольного движения. Когда я изучал, это было привлекательно в качестве практики контролировать опасность. Иметь дело со своим страхом. Новички приходили туда, даже когда гибли их друзья и отцы, а скорее, именно из-за этого. Они гордились от того, на какой риск идут. Смерти лишь распаляли их, они были топливом для этой субкультуры. Они чувствовали себя как особые люди, отличные от остальной мотокультуры. Умереть во время гонки в любом случае лучше, чем умереть от рака на больничной койке, заявляли они.

Представители данной субкультуры — в основном рабочий класс северной Британии: это те, кто голосовали за Брексит, это консерваторы. **Здесь строится личность**. Гордость, товарищество и комфорт от того, что ты можешь отличить себя от других — основные «кирпичи» этой стройки. Для меня было захватывающим опытом изучать их. И я думаю, что представитель мейнстрима уже может поднять голову, чтобы посмотреть на них, и подумать:

> «ЭТИ ЛЮДИ РАДИКАЛЬНЫ, НО МОЖЕТ, ОНИ В ЧЁМ-ТО ПРАВЫ».

Любая субкультура, как по мне, имеет циркулярные отношения с мейнстримом: то, что сперва всем казалось головокружительным экспериментом, через 40 лет возвращается в «стволовой» мейнстрим как отличная идея, которую каждому было бы хорошо перенять.

TT часто называют «самой опасной гонкой в мире». Большинство лет люди умирают, участвуя в ней. И никто не застра-

хован от роковой ошибки. Опыт и знание каждого поворота и поворота схемы — преимущество, но оно не останавливает ошибки. На острове Мэн ошибки обычно фатальны. Речь идет о фонарных столбах и каменных стенах, стенах домов или пятнах масла, оставленных велосипедом впереди. Если вы ошиблись, на этой трассе другого выхода, кроме как в смерть, нет.

Так что здесь есть культура опасности, которой нет больше нигде в автоспорте. Взгляните на **Moto GP, лучшую из велогонок.** Да, люди получают травмы, но в наши дни они редко умирают. Это зрелище имеет огромный успех, но между поддержанием скорости и азарта и безопасностью гонщиков соблюдается прекрасный баланс. Схемы постоянно оцениваются. Если байки станут быстрее, смогут ли трассы их вместить? Культура безопасности очень важна, и большинство людей считают, что это правильно.

На острове Мэн действуют другие стандарты, и для фанатов, которые стекаются туда каждый год, это, безусловно, привлекает внимание. То же самое и с гонщиками. **Для многих «нормальные» гонки кажутся слишком мягкими**. Они ищут более сложную задачу там, где всегда присутствует опасность.

> «ГДЕ ЕЩЕ ВЫ МОЖЕТЕ ЭТО СДЕЛАТЬ? — СПРАШИВАЮТ ОНИ.— КАКИМ ЕЩЕ ВИДОМ СПОРТА ТЫ МОЖЕШЬ ЗАНИМАТЬСЯ, ГДЕ, ЕСЛИ ТЫ ОШИБАЕШЬСЯ, ТЫ УМРЕШЬ? ЭТО КАЙФ».

Для болельщиков это, безусловно, усиливает их восхищение гонщиками. Это усиливает их героизм. Никто не заставляет их это делать. Большинство гонщиков — увлеченные любители, и никто не разбогатеет с призовым фондом в 25 000 фунтов стерлингов за победу. Этого недостаточно, чтобы бросить свою повседневную работу.

Из-за сопротивления культуре безопасности TT перестали быть частью чемпионата мира. Это был британский раунд сезона. Так продолжалось до тех пор, пока гонщики не начали отказываться от участия. Вряд ли их можно было винить. Гонщики говорят вам, что для изучения трассы TT требуется не менее трех лет. Как можно ожидать, что лучшие гонщики мира будут адаптировать свой стиль и подход к одной совершенно

TOURIST TROPHY НА ОСТРОВЕ МЭН: СУБКУЛЬТУРА ОПАСНОСТИ

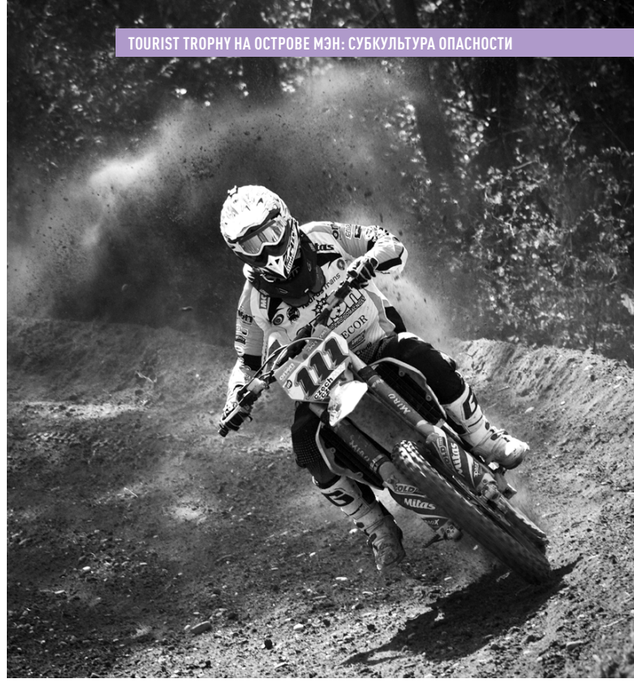
уникальной гонке в год? И число погибших росло. В 1977 году гонка была перенесена в Сильверстоун и больше не возвращалась.

В этой субкультуре явно очень специфический подход к опасности и смерти. Он может существовать только потому, что островной человек издает свои собственные законы. Где-нибудь еще TT был бы закрыт много лет назад. Для болельщиков наездники похожи на гладиаторов. Их прославляют за то, что они принимают опасность и возможность смерти. Существует коллективное неповиновение людям, которые хотели бы отнять их мероприятие, и людям, которые стремятся сделать его безопасным.

Смерть является топливом для этой субкультуры, и вместе с тем, это отнюдь не культ самоубийства. Никто не идет на остров Мэн, чтобы умереть, но все понимают, что смерть сидит у вас на плече. А если смерть все-таки придет в гости? Если кто-то погибает во время гонок **TouristTrophy** — разве соревнование отменяют? Да, гонка останавливается, волонтеры-маршалы и медики прибывают на место происшествия… но когда все будет убрано, гонка возобновится. Место чистят и всё продолжается. Всегда было так. Понимание состоит в том, что погибший всадник захотел бы этого. Где еще в мире такое случается? Кстати, это сейчас на гонке происходит 1–2 несчастных случаев в год, а раньше, когда экипировка была не так хороша, как сегодня — 6–7.

Это субкультура, в которой люди очень гордятся своей историей. 1907 год — это очень давно. Существует список известных гонщиков, которые неоднократно становились победителями. Вчерашних героев вспоминают с большим почтением. Многие из них умерли, занимаясь любимым делом.

Поклонники TT — сплоченные люди и люди привычки. Они приезжают каждый год и останавливаются в одном и том же месте. У них будет любимое место, чтобы наблюдать за происходящим, часто в пределах досягаемости от мотоциклов, проезжающих со скоростью 200 миль в час. Они купят футболку, чтобы пополнить свою коллекцию. Они привезут своих детей и внуков, и традиция продолжится.



Я полагаю, что мотоцикл и опасность всегда шли вместе. Преодоление страха и ощущение прилива адреналина всегда были частью привлекательности. Самовыражение и бунт также сыграли свою роль, особенно в послевоенную эпоху. В этой традиции следует рассматривать и субкультуру гонок TT. Люди, которые принимают в ней участие, и фанаты, которые смотрят — это упрямые индивидуалисты, преданные истории. Отказ от «ватной» культуры безопасности. Для многих гонщиков TT — это шанс освободиться от обычных ограничений повседневной жизни.

Для мотоциклистов TT представляет собой непревзойденный вызов мастерству и выносливости. Любая другая форма гонок является повторяющейся и контролируемой. Другие гонщики думают, что они без ума от этого. Но по своей сути **TT — это обычные люди, которые делают необычные вещи в комфорте** сплоченного и поддерживающего сообщества. И да, **все они скажут вам, опасность действительно вызывает привыкание.**

Саймон МакГрегор-Вуд

РИСУНОК ФРИДРИХА ЛОРЕНСА | ТЕОРИЯ ПОСТРОЕНИЯ СУБКУЛЬТУР

КОНСТАНТИН СЛОБОДЯНЮК

Глава Ученого совета Института информационной безопасности, академик Европейской академии наук Украины, член-корреспондент Украинской академии наук, главный редактор газеты «Нераскрытые преступления».

Перевернутое дерево Лоренса — это инструмент, который можно применить для анализа и исследований различных структур, организаций, феноменов, однако мне хотелось бы затронуть экономический аспект, который следует из этого инструмента и становится значительно понятным при изучении субкультур.

Принято считать, что в основе экономики любого государства лежит бизнес: логично, что в результате производства и сбыта определенной продукции пополняется государственная казна. Наблюдая за тем, что в наше время происходит в бизнес-среде Украины, Восточной и Западной Европы, я хотел бы сделать одно шокирующее заявление.

Однако предлагаю для начала рассмотреть образную модель, которая будет отображать состояние современного украинского бизнеса. Представьте себе поле, где растут деревья, но у которых нет корней. **Деревья — это бизнес-компании**, определенные бизнес-структуры. Среди общего количества лишь небольшое количество организаций — примерно 2–3% — имеют корни, ствол и ветки. Остальные 98% — это деревья без корней. Соответственно, под воздействием даже легкого ветра деревья без корней могут упасть. Исходя из образной модели, в нестабильной ситуации бизнес также будет разрушен, а, соответственно, от этого пострадает и экономика страны.

Почему происходит такая ситуация? Почему различные специалисты сталкиваются с такой картиной в деловом мире?

В США придумали парадигму, которая звучит следующим образом:

> *"Fake it till you make it" («Притворяйся, пока не сделаешь это правдой»).*

То есть тысячи, миллионы компаний создаются на основании новых тенденций и идей, без своего рода исторического и научного фундамента. Проведя аналогию с образной моделью, получается, что **предприятие без истории — это дерево без корней**. У таких организаций нет ничего уникального, нет исключительных преимуществ и технологий. Чаще на экономическом рынке компании просто копируют друг друга и следуют одним

и тем же тенденциям. В своей деятельности я все чаще и чаще сталкиваюсь с тем, что большинство не только аналитиков и различных специалистов, но и самих сотрудников компаний понимают эти тенденции. Со временем они начинают предполагать, что для того, чтобы отличаться, устоять и развиваться на постоянно изменчивом рынке необходимо иметь определенную силу, преимущества. Тем не менее, этих преимуществ должно быть больше, чем у всех остальных. Так, в том числе, появляется конкуренция и борьба за лучшие позиции на рынке. Соответственно, ради своего успешного существования «слабые» организации начинают искать корни. Некоторые бизнес-компании находят свои корни в государстве, некоторые — в различных спецслужбах, а другие — в церквях.

Несмотря на это, подавляющее большинство организаций остается по-прежнему без корней. Буквально на наших глазах тенденция деятельности в деловом мире показывает, что **бизнес активно стремится в субкультуры**. В этих обществах компании пытаются найти свои корни и силу, которая могла бы стоять за их бизнесом. А так как предприниматели слабо разбираются в субкультурах, они начинают придумывать для своих компаний истории по типу новых религиозных движений (например, таких как «New age», каббалистические группы и пр.), хотя они субкультурами не являются.

ТАКИМ ОБРАЗОМ МЫ МОЖЕМ ВЫДЕЛИТЬ ДВЕ КАТЕГОРИИ БИЗНЕСМЕНОВ, КОТОРЫЕ В СУБКУЛЬТУРЕ ПЫТАЮТСЯ НАЙТИ КОРНИ:

- **Первая категория** — это бизнесмены-фантазеры. Они пытаются придумать какую-то свою субкультуру, которая якобы будет стоять за их спиной, за их компанией.
- **Вторая категория** — это те, кто находится в поисках корней в субкультурах.

И первая, и вторая категории бизнесменов настойчиво стремятся приобрести корни для своих компаний в виде какой-нибудь субкультуры или общества, которое будет представлять собой мощное и достаточно обеспеченное явление. И, возможно, благодаря таким конференциям и освещению того, что же такое субкультура, они когда-нибудь найдут то, что ищут,— деревья обретут корни, и экономика государства станет стабильнее.

ВЕРНО ЛИ УТВЕРЖДЕНИЕ О ТОМ, ЧТО ОДНА ИДЕЯ ФОРМИРУЕТ СУБКУЛЬТУРУ?

В рамках различных **исследований Экспедиционного корпуса «Института Памяти» под руководством Dr. Олега Мальцева** я был практически на всех континентах. Я не встречал субкультуры, которая бы сформировалась иным способом, кроме как на основе

определенной сильной идеи. В Испании, Италии, Африке, США, Мексике, Украине ситуация аналогична,— в основе каждой субкультуры этих территорий лежит сильная идея.

ПУТЬ В СУБКУЛЬТУРЕ: ФАТАЛЬНЫЙ ИЛИ УСПЕШНЫЙ?

Для ответа на этот вопрос мне бы хотелось вспомнить одну историю. Осенью 2020 года у меня состоялась интересная деловая встреча. За столом переговоров напротив меня сидел бизнесмен, у которого на счету было определенное количество миллионов долларов. И уже по завершению нашей беседы он сказал мне, что ему нужна субкультура.

Такое заявление в деловом мире не всегда услышишь, поэтому я задал ему вопрос: **«Зачем тебе субкультура? Я не понимаю твоего стремления».** Он закурил сигару и сказал:

— Во-первых, из-за ее историчности. Во-вторых, из-за приверженной толпы людей. И в-третьих, из-за безопасности.
— Хорошо, начнем с истории, зачем она тебе нужна?
— Я потратил более 50 тыс. дол. и могу с уверенностью сказать, что все маркетологи, креативные брендинговые агентства, пиарщики — просто идиоты. Я сам не верю в то, что они пишут в своих красивых brand books, brand line, и не понимаю, как вообще кто-то может в это поверить. Я не ученый, я не могу сказать, что мой бизнес берет свои корни из работ Карла Юнга, или Зигмунда Фрейда, или Маршала Маклюэна. Я не могу утверждать, что наследие Жана Бодрийяра лежит в основе моей компании, что это мои корни, так как я даже не могу прочитать его работы, для меня это действительно сложно. Также я не Ротшильд, не могу «состаривать» историю, не могу создавать документы из прошлого, мастерски их подделывать, как они это делали.

В нашем разговоре он твердо настаивал на том, что ему необходимо что-то настоящее, но он в этом сам досконально не разбирается.

— С первым вопросом все понятно, а зачем тебе приверженная толпа? — я спросил его,— у тебя же много клиентов, тысячи. В твоей компании тысячи сотрудников, зачем тебе приверженная толпа?
— Да, ты прав, в моей компании работает много сотрудников, но они идут за мной только из-за денег, а мне нужны люди, которые пойдут за мной из-за определенной идеи. Никто из моих подчиненных не может придумать идею, не может ее у кого-то взять, не может синтезировать идею, которую можно было бы положить в основу. В действительности я и сам не умею этого делать.
— И остался третий вопрос — безопасность. У тебя в компании работают офицеры безопасности, в чем же проблема? Объясни мне.
— Посмотри, например, как выглядят байкеры. Посмотри, насколько они страшные, и взгляни на моих людей в пиджаках, найди разницу между этими двумя категориями. Мне нужны радикалы, а это просто собаки, которые за деньги готовы кого-то кусать.

Этот диалог в итоге заставил меня задуматься над тем, что сейчас на самом деле нужно бизнесу. Как показывает практика, бизнес в действительности нуждается в субкультуре. Как сказал **Dr. Мальцев**:

> *«Субкультуры победили весь мир».*

Недавно на русском языке вышла книга «Нарисуй субкультуру», некоторые наши партнеры с нетерпением ждут, когда она будет переведена на английский язык, чтобы начать приближаться к решению своих задач. Поэтому я уверен, что те тенденции, которые мы с вами обсудили, ярко отражают острую необходимость в исследовании и практической реализации тех преимуществ, которые заложены в субкультуре.

Константин Слободянюк

РИСУНОК ФРИДРИХА ЛОРЕНСА | ТЕОРИЯ ПОСТРОЕНИЯ СУБКУЛЬТУР

СУБКУЛЬТУРА КАК ИНДИВИДУАЛИЗИРОВАННАЯ МИФОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕНСАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

Профессор социологии, доктор философских наук, академик Украинской академии наук и Европейской академии наук Украины

Субкультуры обладают своим полем исследования, поэтому эта проблематика требует демаркации, определения предметности изучения в социогуманитаристике.

В Советском Союзе «субкультуры» рассматривались в 80–90 х годах XX столетия как молодежные течения, никоим образом не причастные к основной коммунистической идеологии воспитания молодежи. Эти течения рассматривались как сплошь вредные, западные, уводящие «молодежь от правильного пути развития» в неправильное русло «казаться», а не «быть». Субкультуры вместе с рок-н-роллом, хиппи, битниками, наравне с «Радио свободой», длинными волосами, джинсами и поп-культурой скорее исследовались как контркультура советскому образу жизни. В противовес советское течение создавало самодеятельные группы и клубы, которые включали в свою работу решения партии и комсомола, а значит были общественно одобряемыми. Во многом именно из них вырастали субкультуры, когда идеологический контроль был утрачен.

Например:

- из клубов туристов формировались экстремальные субкультуры, любители Кастанеды, буддизма;
- из клубов мотокросса — байкеры;
- из военно-исторических клубов — игровики и т.д.

Из общественно одобряемых клубов появились молодежные движения, связанные с музыкой, танцами, неофициальными видами спорта, болельщиками и т.д. Одновременно формировался и **«андеграунд»,** в правилах которого было находиться как можно дальше от государственных органов, а уж тем более принадлежать к официальной идеологии. **90-е годы с развалом СССР привели к появлению массы субкультур**, многие из которых стали **питательной средой для криминального мира и преступных действий**. Так, известные движения **«люберов»** (по названию города Люберцы) обосновывали свое неприятие панков, рокеров и т.п. как чужих — с неправильными и вредными установками.

Эти все движения больше исследовались в социологии молодежи, чем в социологии криминала. Перевод работы Элвина Тоффлера «Футурошок» несколько сместил акцент, поскольку американский футуролог рассматривал субкультуры как движение в будущее.

> ЭТО КРОХОТНАЯ, НО ПОДЛИННАЯ СУБКУЛЬТУРА, ЗАТЕРЯННАЯ В ОГРОМНОМ И СЛОЖНОМ МИРЕ НАИБОЛЕЕ ВЫСОКОРАЗВИТОЙ В ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ В МИРЕ. ЭТОЙ СТРАННОЙ ГРУППЕ ОТДАНА НЕ ТОЛЬКО СТРАСТЬ ТАКСИСТА, НО И ЕГО ВРЕМЯ И ДЕНЬГИ. ОНА ОКАЗЫВАЕТ ВЛИЯНИЕ НА ЕГО СЕМЬЮ, ЕГО ДРУЗЕЙ, НА ЕГО МЫСЛИ. ОНА ВВОДИТ РЯД СТАНДАРТОВ, ПО КОТОРЫМ ОН СУДИТ СЕБЯ. КОРОТКО ГОВОРЯ, ОНА ДАРИТ ЕМУ ТО, ЧТО МНОГИЕ ИЗ НАС С ТРУДОМ ИЩУТ: САМОИДЕНТИФИКАЦИЮ. ТЕХНОЛОГИЧЕСКИ РАЗВИТЫЕ ОБЩЕСТВА, ДАЛЕКИЕ ОТ ТОГО, ЧТОБЫ БЫТЬ ОДНООБРАЗНЫМИ И МОНОТОННЫМИ, ПОДОБНЫ СОТАМ С ВЕСЬМА КОЛОРИТНЫМИ ГРУППИРОВКАМИ — ХИППИ И ЛЮБИТЕЛИ СТАРЫХ АВТОМОБИЛЕЙ, ТЕОСОФЫ И ФАНЫ «ЛЕТАЮЩИХ ТАРЕЛОК», АКВАЛАНГИСТЫ И ПАРАШЮТИСТЫ, ГОМОСЕКСУАЛЫ, КОМПЬЮТЕРЩИКИ, ВЕГЕТАРИАНЦЫ, СПОРТСМЕНЫ, ЗАНИМАЮЩИЕСЯ БОДИБИЛДИНГОМ, И «ЧЕРНЫЕ МУСУЛЬМАНЕ». СЕГОДНЯ СОКРУШИТЕЛЬНЫЕ УДАРЫ СУПЕРИНДУСТРИАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ БУКВАЛЬНО РАСКАЛЫВАЮТ ОБЩЕСТВО. У НАС УВЕЛИЧИВАЕТСЯ ЧИСЛО ЭТИХ СОЦИАЛЬНЫХ АНКЛАВОВ, ГРУПП И МИНИ-КУЛЬТУР ПОЧТИ ТАК ЖЕ, КАК ЧИСЛО МОДЕЛЕЙ АВТОМОБИЛЯ. ТЕ ЖЕ САМЫЕ ДЕСТАНДАРТИЗИРУЮЩИЕ СИЛЫ, КОТОРЫЕ СОЗДАЮТ БОЛЬШИЙ ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ВЫБОР ПРОДУКТОВ И ПРОИЗВЕДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ, ДЕСТАНДАРТИЗИРУЮТ И НАШИ СОЦИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ. ВОТ ПОЧЕМУ С КАЖУЩЕЙСЯ ВНЕЗАПНОСТЬЮ ПОЯВЛЯЮТСЯ ТАКИЕ НОВЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ, КАК ХИППИ. ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, МЫ ЖИВЕМ ВО ВРЕМЯ «СУБКУЛЬТУРНОГО ВЗРЫВА» [1, С. 310–311].

И через время мы столкнулись с огромным разнообразием субкультур, с достаточно сложными критериями определения их характера — конструктивного или деструктивного. Позже появились ряд исследований субкультур, но в контексте социологии культуры, в которой они рассматривались как общности людей с меньшим масштабом, чем культура. Именно этот «водораздел» — культура, субкультура и контркультура — по-прежнему остается основным в изучении этого явления. За время работы факультета социологии и управления Запорожского национального университета с 2001 года, у нас студенты под руководством преподавателей изучали различные субкультуры — **болельщиков и фанов, игровиков, любителей компьютерных игр, Эмо, «правильного питания», «рок музыки» и т.д.** Чаще всего использовались методы включенного структурированного и полуструктурированного наблюдения, интервью, реже контент-анализ публикаций СМИ о субкультурах и интервью с представителями субкультур.

Остановлюсь на некоторых размышлениях о субкультурах. Во-первых, **субкультуры существенно отличаются от других общностей людей**, например таких, как организация или институциональные объединения, меньшей устойчивостью, сформированной иерархией (здесь скорее представлена иерархизированная сеть), формально закрепленными санкциями и нормами. Одновременно в субкультурах преобладают неформальные нормы и санкции, которые значительно ближе к обычаям, чем к традициям и праву.

Во-вторых, **субкультуры отличаются от случайных групп и движений**, таких, как толпа, поскольку объединены общими побуждениями и интересами, а также тем, что можно назвать «ядром субкультуры», о чем мы напишем несколько позже. Если толпа формируется исключительно на основе поведения и лишь косвенно может быть направлена на решение задач, то с**убкультура — это сеть социальных отношений**, обладающая как самоорганизацией, так и управлением на основе интереса и принадлежности к группе.

В-третьих, **субкультуры отличаются от больших социальных групп, интересы которых идентифицируются с помощью их роли в общественном производстве, социальной структуре общества**, поскольку относятся к объединениям, основанным

на частных, а не коллективных интересах. Если глобальные, масштабные группы (социальные общности, страты и классы), могут и не носить референтный характер, быть не контактными, но все равно обладать общими интересами, то субкультуры референтны, контактны и обладают больше особенным и конкретным, индивидуализированным характером, чем общим.

В ОСНОВЕ СУБКУЛЬТУРЫ НАХОДЯТСЯ НЕСКОЛЬКО ПРОТИВОРЕЧИЙ:

- между формальным и неформальным, которое проявляется в конфликтах «хочу, но не могу» (конфликты самооценки и намерений), «не должен, но буду» (формальным социокультурным поведением и компенсацией неформальным вытесненного) — из этого противоречия вытекает компенсаторный характер субкультур;
- с этим противоречием связана оппозиция «подчинение коллективу — индивидуальная свобода», в контексте гетерономии-автономии;
- противоречие между «домом» и «странствиями».

Несколько подробнее остановлюсь на последнем противоречии как источнике развития субкультуры, отражающегося в различных формах этого противоречия, которые обозначим как двигатели субкультур.

Эти двигатели безусловно связаны с решением и первого противоречия и характеризуются компенсаторной направленностью.

Во-первых, **субкультура компенсирует «устроенность» повседневной жизни,** ее ритм повседневности, обыденность, в бесконечной связи «дом» — «работа» или «дом» — «учеба», т.е. устроенность профессиональной и семейной жизни, подавляющей личные, индивидуализированные интересы, подавленные желания и побуждения. Обозначим, этот **двигатель как «выход из дома» № 1**, поскольку центром сборки повседневности является дом, в мифологии этот двигатель можно обозначить как «зов к странствиям».

Во-вторых, **субкультура является компенсацией неустроенности повседневности**, профессиональной и семейной жизни, когда «убогость повседневности» не соответствует индивидуальным притязаниям. **Это также «выход из дома», обозначим его № 2,** но движущая сила здесь несколько другая — «найти себя» или «испытать себя». **В субкультуре этот двигатель связан с лидерством и положением в иерархизированной сети**, и это положение определено субкультурными испытаниями и статусно-ролевыми значениями.

В-третьих, это двигатель, который мы обозначим как **«странствие вне дома»**, в поле неизвестности и неопределенности, в котором важно не только выход из привычной территории, но и столкновение с другими субкультурами, не всегда лояльными, а нередко и враждебными к этой референтной группе. Это связано с неформальным контролем другой территории, вне близости от известного пространства, с уже сложившимися балансами и взаимодействием. Отсюда особое значение приобретает «неопределенность и неизвестность».

В-четвертых, этот двигатель обозначим как **субкультура в реализации интереса, как действия и усилия «ради чего-то»**. Здесь также присутствует мифологическая составляющая «волшебное средство» — «победа своей команды» у болельщиков, экстремальное управление автомобилем, мотоциклом-конем, владение мечом или любым другим инструментом — в зависимости от субкультуры и обретения «волшебных навыков», вызывающих признание в субкультуре или символики принадлежности. Двигатель — получение «вожделенного» предмета, не всегда понятного для всех, но значимого в этой референтной группе, объединенной индивидуализированным интересом. Этот двигатель прекрасно работает в «мифологическом» механизме «волшебного средства», чем пользуется целая индустрия для субкультуры, например, «звездных войн», комиксов «Марвел», «DC», как, впрочем, и других субкультур.

В-пятых, двигателем является побуждения «ради кого-то», это притяжение к субкультуре является притягательной силой личности (решимости, уверенности, убежденности и т.д.) или поиска спутника/ спутницы (любви, дружбы), круга общения иного, чем в повседневности. Часто этот двигатель в молодежной среде связан с процессами подражания, зависти, моды, признания. В более старшей среде это признание и принадлежность к предмету гордости среди понимающих. Иными словами, обретение каких-то значимых отношений, отсутствующих в мире повседневности.

Субкультуры тяготеют, прежде всего, к мифологическому мировоззрению, которое в отличие от религиозного мировоззрения, не обладает жестким разделением на потусторонний и посюсторонний мир. Мифологическое мировоззрение определяет возможности действий с помощью собственных сил и побуждений, ритуализированного поведения в достижении того, что кажется трансцедентным вне субкультуры, а в религии было бы потусторонним. Отсюда такое значение субкультуры, компенсирующей формальный мир и повседневные практики, как реализации вытесненного, часто «детских мечтаний», адреналинового подъема, практики сильных эмоций радости или гнева, бегства от печали, с ее доминацией прошлого, и тревоги, с доминацией будущего — во временную перспективу момента, настоящего. В отказе от навязывания общества индивиду как мемориальных практик прошлого, так и ожидания будущего — в идеологизации и политизации государства.

Одновременно **в субкультурах любят философствование, которое часто гром**ко называют **«философия субкультуры»**, по сути сводящаяся к набору идей и легенд, и сопровождающих символов — что образует «ядро субкультуры». Как и во всяком мифологическом мировоззрении, в «ядре субкультуры» есть «легенда о возникновении субкультуры», «легенды о героях и их становлении», «легенды о волшебном средстве». На наш взгляд, свод правил субкультуры вполне уместно обозначить как «яса» — по аналогии со сводом обычаев Чингисхана, что значительно позже обрело значение традиции и права. Как известно **Яса (ясак — тюрк. или джасак, йосун — монг.)** каждый раз подтверждалась преемниками и состояла как из изречений основателя — Чингисхана, так и собственно из свода правил, несоблюдение которых приводило к субкультурным санкциям по выбору общности.

Это то, что в ясе описывал В.Г. Вернадский:

> «С МОЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, ЯСА КАК ЦЕЛОЕ НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ ОХАРАКТЕРИЗОВАНА КАК ОБЫЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. ОНА БЫЛА МОНГОЛЬСКИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ЗАКОНОМ, СФОРМУЛИРОВАННЫМ ЧИНГИСХАНОМ; И САМИ МОНГОЛЫ РАССМАТРИВАЛИ ЕЕ ИМЕННО В ЭТОМ СВЕТЕ. ДЛЯ НИХ ОНА БЫЛА ОБОБЩЕННОЙ МУДРОСТЬЮ ОСНОВАТЕЛЯ ИМПЕРИИ; И МЫ ЗНАЕМ, ЧТО ОНИ СЧИТАЛИ ЧИНГИСХАНА БОГОВДОХНОВЕННЫМ СЫНОМ НЕБА. АРМЯНСКИЙ ИСТОРИК ГРИГОР ИЗ АЛКАНЦА ЗАПИСАЛ ИСТОРИЮ ПОЯВЛЕНИЯ ЯСЫ НА БАЗЕ УСЛЫШАННОГО ОТ МОНГОЛОВ. ХОТЯ ЕЕ НЕЛЬЗЯ РАССМАТРИВАТЬ КАК ТОЧНУЮ В ДЕТАЛЯХ, ОНА АДЕКВАТНО ПЕРЕДАЕТ ДУХ МОНГОЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ К ЧИНГИСХАНУ И ДЕЛУ ЕГО ЖИЗНИ. СОГЛАСНО ГРИГОРУ, КОГДА МОНГОЛЫ «ОСОЗНАЛИ СВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ВЕСЬМА ПОДАВЛЕННЫЕ СВОЕЙ НЕСЧАСТНОЙ И БЕДНОЙ ЖИЗНЬЮ, ОНИ ОБРАТИЛИСЬ К ПОМОЩИ БОГА, СОЗДАТЕЛЯ НЕБА И ЗЕМЛИ, И ЗАКЛЮЧИЛИ С НИМ ВЕЛИКОЕ СОГЛАШЕНИЕ, ПОВИНУЯСЬ ЕГО ПОВЕЛЕНИЯМ. ПО ПРИКАЗАНИЮ БОГА ИМ ЯВИЛСЯ АНГЕЛ В ВИДЕ ОРЛА С ЗОЛОТЫМИ ПЕРЬЯМИ И ЗАГОВОРИЛ ИХ СОБСТВЕННОЙ РЕЧЬЮ И ЯЗЫКОМ

С ВОЖДЕМ, КОТОРОГО ЗВАЛИ ЧАНКЕЗ (ЧИНГИЗ)… ЗАТЕМ АНГЕЛ СООБЩИЛ ИМ ВСЕ ПОВЕЛЕНИЯ БОГА…, КОТОРЫЕ САМИ ОНИ НАЗЫВАЮТ ЯСАК… ЯСА БЫЛА ТАЛИСМАНОМ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИМ ПОБЕДУ НА ПОЛЕ СРАЖЕНИЯ. КАК УКАЗЫВАЕТ А. Н. ПОЛЯК, МОНГОЛЫ И ТЮРКИ ПРИПИСЫВАЛИ ВЕЛИКОЙ ЯСЕ ПОЛУМАГИЧЕСКУЮ ВЛАСТЬ» [2, С. 106–107].

Если «обычийный» рассматриваемый механизм единый, то цели различны — у монголов Яса служила формированию целостности отрядов и образа жизни кочевников, в субкультуре «сакрализация» обычаев также служит больше талисманом победы в достижении индивидуализированных интересов.

Кроме обычаев в «ядре» субкультуры важнейшую роль играет «структура тайны», поскольку индивидуализированный интерес всегда «подогревается любопытством», а мифологическая ритуализация выполняет функцию актуализации и взаимодействия в поведении с субкультурными «архетипами». Отсутствие разграничения на посюстороннее и потустороннее в процессе героизации в субкультуре связана с достижимостью статуса героя и возможной близости с «настоящими героями» субкультуры, что существенно отличается от героизации и недостижимости героев популярной культуры и их недостижимости. Легенды формируют и свое поле смыслов, и свой «субкультурный» язык, отражающий конкретное знание в субкультуре или субкультурную гиперреальность, с ее симуляциями и вымыслами.

Одним из важнейших компенсаторных механизмов отрицания или достройки формальных общественных требований, обоснованных идеями, доминирующими в обществе, является рационализация идей субкультуры. Рационализация идей субкультуры обосновывает и делает приемлемыми индивидуализированные интересы, как в рамках целостности жизни (дополненной повседневности субкультурой), решения смысложизненных проблем, при этом часто отрицается ценность жизни. В смысложизненных идеях преобладает простота, фрагментарность и эклектичность, парадоксальным образом примиряющей или противопоставляющей смысложизненным ценностям общества, поскольку в субкультурах происходит как расщепление общества, так и индивидуализированное упорядочивание хаоса в микросоциальном контактном уровне отношений между людьми. Эти ценности часто носят оппонирующий характер «воображаемому» в субкультуре обществу.

Организация субкультуры обладает сетевой индивидуализирующей лидерской, слабоиерархической структурой, которая может носить как конкурирующий, так и солидарный характер, или соединять их.

Таким образом, субкультура как индивидуализирующая мифологичская компенсация хаоса, массовизации и подчинения, отражает «свободу воли индивида» в референтных, контактных социальных взаимодействиях. **Субкультуры существенно отличаются от таких «упорядоченных» сообществ как «социальная организация» и «социальный институт»** именно своим неформальным характером, компенсирующим социально формально принятое. Одновременно субкультуры отличаются от стихийных, неупорядоченных групп, таких как толпа и случайно собранные на одной территории люди (например, пассажиры в маршрутке), своими общностью индивидуализированных интересов и референтным контактным взаимодействием на основе выбора людей в субкультуре, они обладают значением слабо иерархичных социальных сетей лидерского плана.

В основе субкультуры находятся следующие развивающие ее противоречия, такие, как:

- дихотомии «формальное — неформальное»;
- «коллективное — индивидуальное»;
- «подчинение — свобода»;
- «дома — странствия», как повседневности и личноопределенного выхода из нее.

Эти противоречия определяют такие двигатели субкультур, как:

- «выход из дома» — «зов странствий» (выход из повседневности) и «испытание себя» (героизация жизни);
- «странствие вне дома» (приключения), реализация интереса «ради чего-то», как получение вожделенного предмета «волшебного средства» и «волшебных навыков»;
- «ради кого-то» — как притягательных социальных отношений.

Мифологический мировоззренческий характер субкультур определен реализацией собственных сил и побуждений в референтной группе в ритуализированном поведении достижений, компенсирующего навязанный мир повседневности в социокультурных практиках формальности и подчинения, практик эмоций радости и гнева, бегства от печали, с ее доминацией прошлого, и тревоги, с доминацией будущего — во временную перспективу момента, настоящего. В отказе от навязывания общества индивиду как мемориальных практик прошлого, так и ожидания будущего — в идеологизации и политизации государства.

Мифологическое осмысление, претендующее в субкультуре на статус «философствования» как набор идей и легенд («легенда о возникновении субкультуры», «легенды о героях и их становлении», «легенды о волшебном средстве»), и сопровождающих символов (субкультурной «формы» одежды, облика, татуировок, значков, ритуалов взаимодействия) — образует «ядро субкультуры». В ядро субкультуры также входят: свод обычаев и бесспорных цитат — «яса», который обладает функционалом «талисмана победы» и «полумагической властью»; «структура тайны» со своими испытаниями ее открытия, ритуалами и взаимодействия с архетипами; героизация, как статусно-ролевая определенность героя; «субкультурный язык», отражающий конкретное знание в субкультуре или субкультурную гиперреальность с ее симуляциями и вымыслами; индивидуализированные интересы и идеи решения смысложизненных проблем в оппонировании «воображаемому обществу».

ЛИТЕРАТУРА

1. Тоффлер Э. Шок будущего /: Пер. с англ., науч. ред. П. С. Гуревич. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с
2. Вернадский Г. В. Монголы и Русь / Пер. с англ. Е. П. Беренштейна, Б. Л. Губмана, О. В. Строгановой. Тверь; М.: Леан, Аграф. 480 с.

Максим Лепский

СОЦІОЛОГІЧНІ ТЕОРІЇ ІДЕНТИЧНОСТІ У ПОЯСНЕННІ МЕХАНІЗМІВ САМОВИЗНАЧЕННЯ ПРЕДСТАВНИКІВ СУБКУЛЬТУР

МАРІЯ КУЛИК

Кандидат соціологічних наук, доцент кафедри соціології Запорізького національного університету, членкиня Соціологічної асоціації України

У багатоманітному сучасному світі, в якому ознаки окремих спільнот є рухливими, а критерії належності до цих спільнот є змінними, актуалізуються питання групової самоідентифікації особистості. Особливої уваги набуває дана проблематика ідентичності у фокусі дослідження субкультур, оскільки самі межі панівної культури та субкультури є динамічними та поліваріантними.

В предметне поле соціологічного дослідження феномену ідентичності входять соціальні механізми самовизначення індивідів в багатоманітних групах та досліджується коло соціальних інститутів, які забезпечують самовизначення особистості в соціальному просторі залишаючи проблематику внутрішньої самототожності психологічним дослідженням. Сучасна соціологічна енциклопедія дає наступне визначення:

> *Ідентичність соціальна — це результат самоототожнення індивіда з тими групами й спільнотами які він сприймає як «свої», стосовно яких він найбільшою мірою здатний відчути і сказати «ми» (гендер родина, релігія, етнос, професія тощо). У таких спільнотах реалізуються основні людські потреби (від найпримітивніших до творчих і духовних) [1, 148]». Соціологічна теорія ідентичності розвивалася в рамках трьох наукових шкіл: символічного інтеракціонізму, когнитивіської теорії та феноменології, відповідно до методології яких по-різному трактувалося саме поняття «ідентичності».*

Дослідження ідентичності представника школи символічного інтеракціонізму Дж. Міда були акцентовані на соціальній зумовленості ідентичності: вона виникає тільки за умови залучення індивіда до соціальної групи, в спілкуванні з членами цієї групи. Відповідно до його теорії основна функція ідентичності полягає в становленні «Самості» особистості. Ідентичність може мати неусвідомлений та усвідомлений характер. Проте, «усвідомлювана ідентичність не означає автономії особи від соціуму, оскільки вона формується за допомогою уже надбаних у соціальній взаємодії категорій, вироблених у мові» [Антонова, 1996, 135]. Таким чином, в дослідженнях даної наукової школи, особливу увагу буде акцентовано на різниці мовленнєвих конструктів, елементів зовнішнього маркування та сленгу представників субкультур та панівної культури.

Представниками когнітивістької теорії Г. Теджфелом та Дж. Тернером була розроблена теорія соціальної ідентичності та теорія самокатегорізації. Основний механізм, який запускає процес актуалізації тієї, або іншої ідентичності, являє собою мотиваційну структуру, орієнтовану на досягнення особою позитивного самооцінення [Новицька, 2008, 276]. Відповідно, якщо найкоротшим шляхом досягнення необхідного результату буде актуалізація особистісної ідентичності, то особистість не буде вдаватися до міжособового спілкування і групова ідентичність актуалізуватися не буде. Натомість, якщо така потреба у позитивному самооціненні може бути досягнена через долучення до субкультурної спільноти — будемо фіксувати актуалізацію можливої субкультурної самоідентифікації.

Дещо інший підхід до трактування концепту «ідентичність» обґрунтували П. Бергер та Т. Лукман, які є представниками феноменологічного підходу в соціології. Віднісши ідентичність до сфери суб'єктивного, типи ідентичності, втім, вони розташовують поза індивідами. Вони визначають ідентичність як:

> *«ключовий елемент суб'єктивної реальності, який знаходиться в діалектичному взаємозв'язку з суспільством і формується соціальними процесами» [Бергер, 1995, с. 279].*

Для них вони є нескасованими умовами розпізнання, присвоєння і розуміння ідентичностей як самими індивідами, так і зовнішніми спостерігачами: типи мають бути в світі, інакше «ідентичність залишається незрозумілою». Мова йде про маркування панівної культури та субкультур певними ознаками, вербалізація, закріплення цих ознак та відтворення у соціальних процесах.

Підводячи підсумки аналізу підходів до розуміння терміну «ідентичність», зазначимо, що процес самоідентифікації особистості як з представниками субкультур, так із панівною культурною суспільства, відбувається у діалектичному взаємозв'язку формування внутрішніх конструктів із постійним співставленням із зовнішніми поведінковими нормами оточення. Формування соціальної ідентичності спричинене людськими потребами у зв'язках з навколишнім світом, в подоланні самотності, що досягається шляхом ототожнення особистості з певними ідеями, цінностями, соціальними стандартами.

ЛІТЕРАТУРА:

1. Соціологічна енциклопедія: А — Я / уклад. В. Г. Городяненко; ред. кол. В. І. Астахова. — Київ: Академвидав, 2008. 456 с.
2. Антонова Н. Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии. Вопросы психологии. 1996. № 1.с. 131–143.
3. Новицька В. П. Соціологічна актуальність поняття ідентичності // Наукові студії Львівського соціологічного форуму "Багатовимірні простори сучасних соціальних змін": зб. наук. пр. Львів, 2008. с. 275–277.
4. Бергер П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социол. знания. Москва: Моск. филос. фонд, 1995. 323 с.

СУБКУЛЬТУРНІ КОМУНІКАЦІЇ ЯК НЕФОРМАЛЬНІ ІНТЕРАКЦІЇ ПІДЛІТКІВ

ЕДУАРД БОЙКО

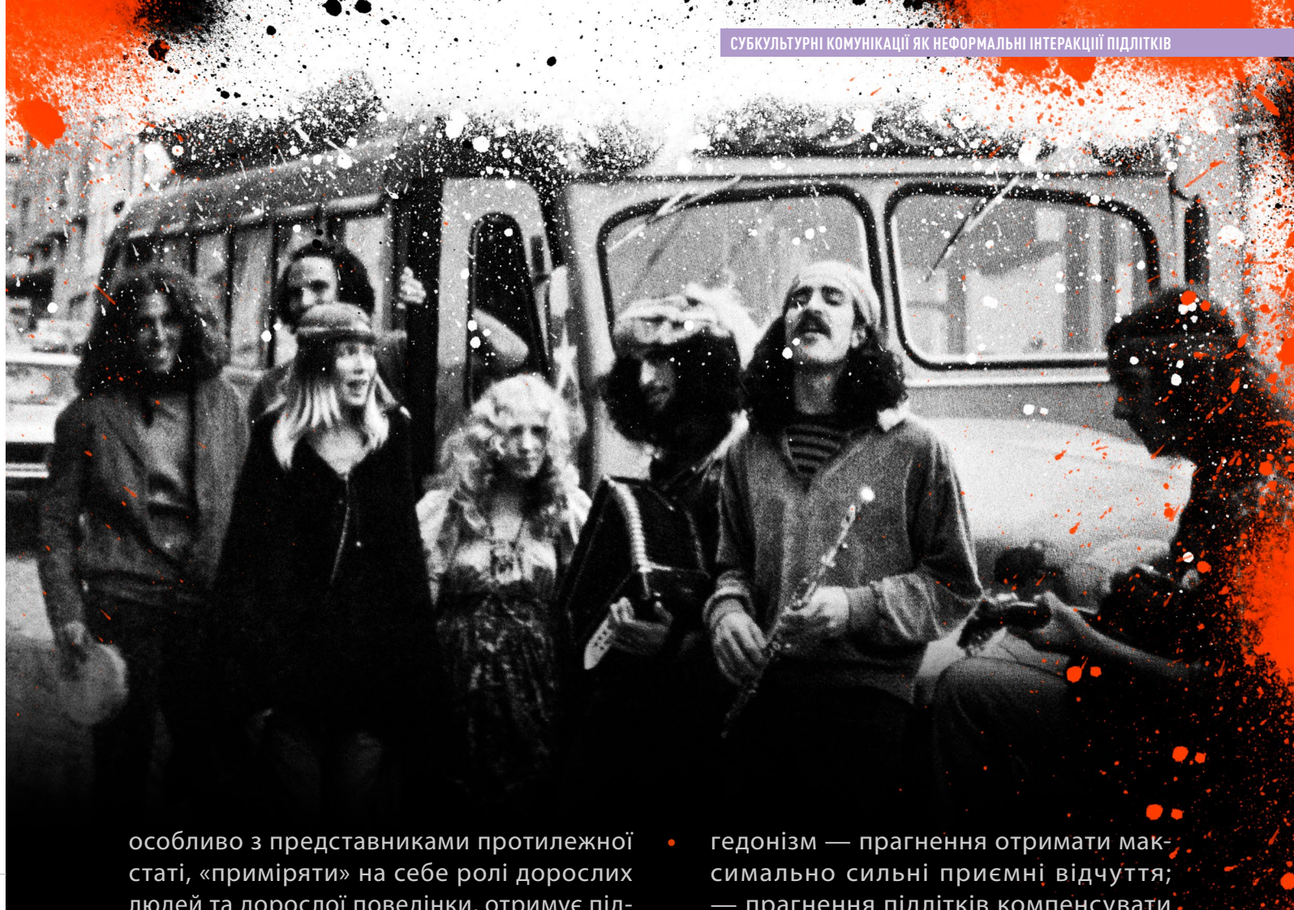
Аспірант кафедри соціології першого року навчання.

Референтні спільноти підлітків, що мають, перш за все, неформальний характер, нечітку структуре, але свій простір та час, розглядаються як субкультури. Їх стрімкий розвиток та збереження традицій попередніх субкультур визначають актуальність та значущість таких спільнот у суспільстві.

Молодіжна субкультура — це будь-яке об'єднання молоді, що має власні елементи культури, а саме: мову (сленг), символіку (зовнішня атрибутика), традиції, тексти, норми і цінності. Усі молодіжні субкультури умовно можна поділити на дві великі групи. До першої належать так звані **«традиційні» молодіжні субкультури**, тобто такі, які мають довгу історію (хіпі, панки, байкери, рокобіли, бітломани), та **«новітні»**, що виникли вже в останнє десятиліття (толкієністи, індіаністи, уніформісти, трешери, брейкери, репери, рейвери, металісти, інші) [1, с. 42].

Субкультура, в цілому, за своєю роллю є неформальним об'єднанням, референтною та контактною спільнотою. Немає однозначного визначення субкультури як лише позитивного чи негативного явища, тому що, ці значення визначаються за результатом взаємодії у цих субкультурах та визначенням стану та спрямованості комунікативних відносин у субкультурі, поведінці та спільній діяльності учасників субкультурних об'єднань. Субкультури врешті решт сформувалися завдяки культурі. **Культура — результат діяльності людини, який поділяється на матеріальне і духовне**. Субкультури, а в нашому випадку підліткові досить часто розглядаються як контркультури, у визначенні протистояння формальній офіційній точки зору або ідеології.

У нинішній ситуації молодь добре відчуває невідповідність її культурних стереотипів, комунікацій і норм поведінки — життю, що нав'язується дорослими, а разом з цим відмовляється розуміти і приймати всю традиційну культуру. Підлітковий вік — суперечливий і найважчий з усіх періодів розвитку людини, за загальним визначенням він становить від 13 до 17 років, а характеризується виникненням потреб у сепарації та відокремленні від батьків, у запереченні їх авторитету, в опозиційності [2, с. 385]. Дані потреби та психологічні особливості роблять можливим входження підлітка до різноманітних субкультур і молодіжних об'єднань. Бо саме там він вчиться самовиражатися, спілкуватися,



особливо з представниками протилежної статі, «приміряти» на себе ролі дорослих людей та дорослої поведінки, отримує підтримку та схвалення.

У дослідженні Віктора Павелківа можна акцентувати увагу на низку причин, що спонукають підлітка до вступу до тієї чи іншої молодіжної субкультури:

- вікова потреба підлітків і юнаків у автономізації, що виявляється у прагненні до самостійності, незалежності, пошуку можливої самореалізації;
- захист у різних його проявах: психологічному, фізичному, моральному, матеріальному;
- членство у групі забезпечує доступ до інформації, яку підліток не отримує в сім'ї чи школі;
- наявність емоційно насиченого спілкування та задоволення, що приходить від групової діяльності;
- чесність, відвертість і щирість відносин у групі ровесників та можливість подолання внутрішнього конфлікту особистості та конфлікту в мікросоціумі, насамперед у сім'ї;
- гедонізм — прагнення отримати максимально сильні приємні відчуття;
- прагнення підлітків компенсувати недоліки спілкування, що закладені в традиційній структурі навчальних закладів [2, с. 394].

Елементи субкультури виявляються в культурі сучасної молоді в Україні. Її визначальною характеристикою в Україні є феномен суб'єктивної «розмитості», невизначеності, відчуження від основних нормативних цінностей. Так, у чималого числа молодих людей відсутня чітко виражена особистісна самоідентифікація через групову належність, а комунікації та яскраво виражені стереотипи поведінки обумовлюють деперсоналізацію установок. Позиція відчуження в його екзистенційному переломленні проглядається як у відношенні до соціуму, так і в контркультурній спрямованості молодіжного дозвілля [1, с. 38].

Отже, комунікації підліткової субкультури визначаються морфологією організації підлітків, які прагнуть до самостійності, автономного існування в межах загальноприйнятої культури, яка проявляється в наявності специфічних параметрів свідомості

та поведінки. Тому, одним із найпоширеніших принципів формування комунікації в субкультурі виступає віковий принцип, за яким молодіжна субкультура підлітків — це своєрідна спроба побудувати суспільство ровесників-однодумців і утвердити свій власний спосіб життя, відмінний від дитячого та дорослого.

Для підлітка субкультура виконує функції вибору та знаходження власних норм поведінки і спілкування в ситуаціях засвоєння нових соціально-культурних ролей. Ірина Баєва на рівні дозвіллєвої самореалізації підліткової субкультури відзначає такі риси інтеракції:

- «західний» напрямок культурних потреб та інтересів. Цінності національної культури, як класичної, так і народної, витісняють схематизованими стереотипами — зразками масової культури, орієнтованої на навіювання «західного, американського способу життя» в його примітивному відтворені. Такий напрям культурних інтересів має більш широку сферу застосування: художні образи екстраполюються на рівні групової та індивідуальної поведінки підлітків і проявляються в таких рисах соціальної поведінки, як прагматизм, суворість, прагнення досягнути матеріального благополуччя будь-якими засобами;
- пріоритет споживчих інтересів над креативними, творча самореалізація, як правило, в цьому випадку відсутня;
- слабка індивідуалізація і винахідливість культури. Вибір тих чи інших культурних цінностей частіше пов'язаний із груповими стереотипами достатньо суворого характеру, а також з пристойною ієрархією цінностей в групі [3, с. 45].

На наш погляд, є і протилежні інтеракції «східний» пов'язаний з імітацією східних надбань культури або її уявлень; творчі, навіть до повної девіації перформанси та події, які зневажають та перебільшено руйнують споживчі практики; високий індивідуалізм у деяких культурах, наприклад, «емо» як альтернатива домінуючої колективності, або навпаки групові цінності, як компенсація індивідуалізму. Ці питання ми ставимо у центр дослідження наступних наукових розвідок.

Отже, молодіжні субкультури — особлива частина суспільної культури, а соціально-психологічні особливості комунікації та внутрішньої інтеграції учасників підліткових субкультур залежать не лише від відносин в середині субкультури, але й і від ставлення до них суспільства.

СПИСОК ВИКОРИСТАНИХ ДЖЕРЕЛ

1. Грищук Ю. В. Підліткова субкультура: психологічні та соціально-групові особливості: Освітологічний дискурс, С. 38–46.
2. Павелків В. Р. Вплив молодіжних субкультур на прояви рівня комунікації у молодіжному середовищі: Аксіома, 2015. Вип. № 27. С. 380–394.
3. Баева И. Психология молодіжной субкультуры: риск и перспективы роста: Практична психологія та соціальна робота, Вип. № 7. С. 45–49

Едуард Бойко

Аспірант кафедри соціології 1 року навчання, напряму підготовки «соціологія». Науковий керівник: доктор філософських наук, професор кафедри Соціології ЗНУ — М. А. Лепський

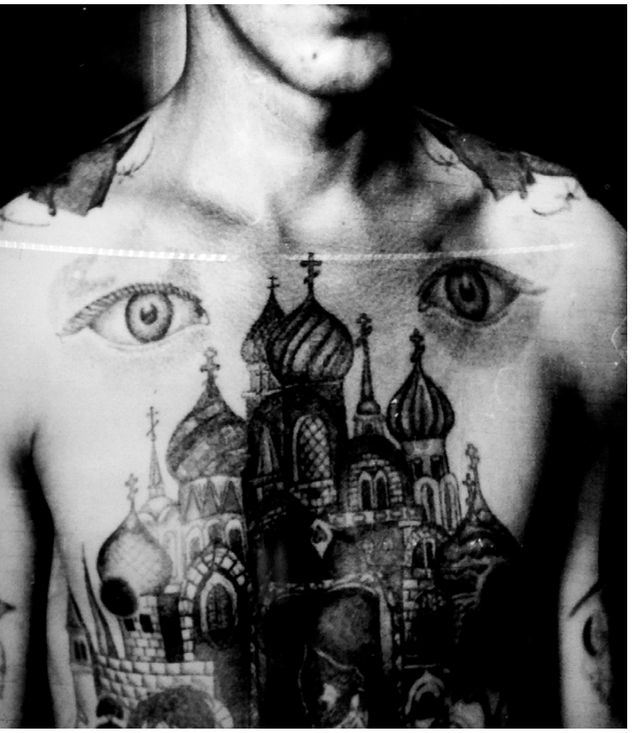
СУБКУЛЬТУРА ЗЛОДІЇВ В СИСТЕМІ УСВІДОМЛЕННЯ КУЛЬТУРИ

PH.D. КАПРІЦИН І.І.

Запорізький національний університет (Україна)

Субкультура є невід'ємним системоутворюючим атрибутом культури, який набирає особливої значущості в періоди глобалізації. Етимологічно «субкультура» визначає свою підлеглість загальнолюдській культурі, яка, в свою чергу, виступає осередком штучності (об'єктів, порядків, відношень), що обслуговує потреби людини в неоднозначному для неї природному середовищі. Тому категоріальний аналіз злодійської субкультури дає змогу визначити нефункціональні нині міфологеми та базовані на них гасла «покінчити із злочинністю» звільнивши розум для розробки зваженої стратегії її нового сприйняття та контролювання. Але слід послідовно пройти такі рівні усвідомлення культури:

1. На рівні із людською субкультурою природа утримує субкультури термітів, кажанів, бджіл, грибів, бактерій, вірусів та ін. Базовою функцією будь-якої субкультури в природі бачиться виживання біологічних видів у взаємозв'язку з іншими субкультурами. Прикладами такого взаємозв'язку може бути міжсубкультурна взаємодія мурашок та тлі, домашніх тварин та людей, людей та природних ресурсів. І яка б субкультура не опинилася в центрі нашої уваги, вона житєдіє в природі, яка умовно може бути представлена як спільність взаємопов'язаних субкультур. Тобто, **субкультура — це певна форма життя, що специфічним чином задовільняє потребу певного організму** (індивідуального, колективного, системного) жити у його взаємодії з іншими організмами — складниками інших субкультур.
2. При переході з надсистемного, загальноприродного рівня розгляду на рівень людської субкультури, увесь обсяг системної інформації із концентрацією уваги на постаті людини звужується у антропологічному діапазоні. Людиноцентричне сприйняття природи обмежується утилітарним інтересом: мурахи «стають» шкідниками, кажани — переносниками хвороб, домашні тварини — джерелом їжі та розваг. Тобто, природний світ є об'єктним.
3. В свідомості більшості її носіїв субкультура людини виступає ключовою Культурою. Цьому сприяє визначення унікальності людської цивілізації у розвитку таких надприродних феноменів як свідомість, право, мораль, релігія, наука. Хоча, в останні десятиріччя, ця самовпевнена людиноцентричність похитнулася, зокрема завдяки розвитку **етології**, яка знайшла деякі аналоги моралі і навіть основи релігії у світі тварин [1]. Більш критичне уявлення про якість культури людини ми отримуємо з «екологічних» доповідей «Римського клубу» та з проявів антропогенного тиску на природу і її ресурси. Людська культура в практиці представляється як саморуйнівна, що ставить під питання її природність.
4. Приймаючи до уваги парадоксальний характер людської культури, розглянемо її уявлення про власні субкультури. Майже втративши зв'язок з природою, людська культура відмовляє у зв'язку із собою і власним субкультурним формам, що виражається у звинуваченні їх у безкультур'ї, аморальності та ін.
5. Кричущість самовираження деяких субкультур (контркультур) на фоні загальної культури викликає відчуття їх «чужинності». Але в разі використання при їх аналізі методологічних принципів плюралізму та комплементарності виявляється, що всі вони поодинці та системно виражать недоліки жорсткої формалізації культури, наприклад, у галузі пацифізму, сприйняття реальності, політики самоідентифікації чи перерозподілу життєвих ресурсів.
6. Виявляється, що ці субкультури не мають нічого позакультурного, відмінного від людської культури. Стає очевидним, що ними використовуються різним чином компільовані архаїчні форми самопрезентації, що дає сенс стверджувати: субкультури виявляються більш послідовними у використанні потенціалу традиційних форм задоволення потреб ніж модернова культура.
7. Найбільш показовою в цьому сенсі для розгляду є **злодійська субкультура**, в основі якої лежить заперечення законів прийнятих офіційною правлячою культурною меншістю, які слугують збереженню загального порядку і влади тієї ж меншості. Згодом зусиллями меншості **закон — порядок — влада** співпадають в суспільній свідомості та узагальнюються в майново-споживацькому та моральному понятті «добро». Порушення закону кваліфікується як такі дії, що одночасно підривають і порядок і владу. В цій системі порушники закону, які спокушаються на «добро», отримують назву «злочинців», «злодіїв» — етимологічно тих, що «зло чинять» та «зло діють».
8. **Злодійська субкультура привертає увагу дослідників тому, що при широкому розгляді вбирає в себе всі субкультури**, які відносно офіційної культури різною мірою є не законними. У більш спеціальному розгляді, злодійська субкультура розподіляється на **кримінальну**, поширену «на волі», та **злодійську** в місцях позбавлення волі (Л. Клейн).
9. На загальнотеоретичному рівні, оскільки влада об'єктивно не завжди виправдовує людські сподівання, або суб'єктивні риси громадян не завжди відповідають високим моральним стандартам, порушення офіційних законів є поширеною соціальною практикою.
10. Кримінально-виконавча інституція держави, з одного боку, є репресивною до порушників закону, з іншого, борючись, протистоячи, концентруючи злочинців в спецзакладах, виступає життєдайною, створює умови для оптимізації та розвитку їх субкультури.
11. Віддзеркалюючи офіційну владу, злодійська влада уособлюється в найбільш закоренілих, авторитетних антагоністах офіційного закону — «злодіях в законі», навколо яких, структурно, концентричними колами розташовуються менш авторитетні члени злочинного співтовариства. Ця управлінська система відома не тільки в архаїчних, а й в тваринних спільностях.
12. Через вихідну злочинність ця субкультура протизаконна, тому конспіративна. Через об'єктивні та суб'єктивні потреби та інтереси (особисто-суспільні, родинно-рольові, владно-майнові) в умовах «волі» злочинна субкульту-



ра прагне «переплестися» з офіційною владою.

13. Якщо базовою метою злочинної субкультури є виживання, то її ідеальною метою є досягнення непідсудності, тобто переходу в статус офіційної культури. Такий перехід в нову якість можливий, наприклад, через революцію, яка, при будь яких інноваціях, все ж не здатна викорінити субкультурно-культурну діалектику суспільного життя.

14. Умови концентраційних закладів, скупчення великої кількості злодійства природно викликають внутрішню (субкультурну) та зовнішню (адміністративно державну) необхідність її структурування та управління. Тому рельєфність об'єднаної (автентично субкультурної і офіційно нав'язаної) злочинної управлінської структури стає більш помітною, але через її часткову законспірованість нема підстав бути впевненим, що описана навіть з позиції «включеного спостерігача» [2] вона є вичерпною. Саме в тюрмах та колоніях функціонально виділено рівні: «авторитета» — правителя; «бійців» — поліціянтів та армію правителя; «мужиків», що забезпечують ресурсами дві вищі касти та «опущених» — маргіналів. Ця узагальнена структура дозволила дослідникові провести паралелі між злочинною субкультурою та культурою архаїчного суспільства, що стало можливим спираючись на археологічний фах Л. Клейна [2, 100–102].

15. Дійсно, співвідносячи базові принципи злочинного світу, як то: традиційність, кастовість, вірність слову, табуювання, ініціації, герметичну систему мови та символів, гіпертрофовану тілесність, домінантну маскулінність із пережитками матріархату у вигляді редукованого культу Матері, забобонність — ми отримуємо розкриття універсальних звичаєвих норм архаїчних суспільств. Навіть сексуальні збочення, поширені в місцях позбавлення волі, знаходять свої «корені» у практиках приниження тваринного світу та в історії Давнього Єгипту під час війн, де масово та показним чином практикувалися переможцями.

16. Повертаючись до злочинної субкультури, приймаючи до уваги: норми її звичаєвого права, вищість загальних зібрань, виборність ватажків, роль «бійців» та загальну скарбницю, можемо стверджувати, що за загальними ознаками ми формально маємо справу з історичним типом військової демократії — архаїчно-тоталітарного укладу, безжального до середньо статистичного громадянина сучасного демократичного та ліберального суспільства, у разі потрапляння якого в місця позбавлення волі, вимагає від нього повної концентрації життєвих сил для постійного підтримування свого нового суспільного статусу.

17. Виникає питання, що ж живить взаємозв'язок таких різних суспільних укладів як злодійська військово-демократична субкультура та ліберально-гуманістична суспільна реальність? Це питання, на нашу думку, ідентичне питанню про походження «зла». На нашу думку, підґрунтя «зла» полягає не в відсутності добра, а саме в його присутності, «зло» та «добро» відтіняють, проявляють присутність одне одного, іноді переходячи одне в інше.

18. Життєва стійкість злочинного світу спирається на об'єктивні та суб'єктивні засади. До **об'єктивних** належать фактори місця (географічно-демографічного) та історичного спадку: населення з традиційним життєвим укладом, представленим містечковими, меритократичними та олігархічними формами, які тяжіють до тоталітарності, що визначає світоглядні суспільні пріоритети клановості та «сильної руки»; архетипові схильності до сакралізації традиційного минулого як правдивого; долучення до «священного минулого», сповідуючи принципи традиційної (злодійської) субкультури, яка іноді посідає місце державної; у інфраструктурних поселеннях місць позбавлення волі формується субкультура близька до злочинної; «табірний досвід» великої кількості населення та поширення романтизованої злодійської поп-культури (кіно, татуювання, шансон, міфологеми); вирогідність мимовільного скоєння злочинів (ДТП т. і.).

19. До **суб'єктивних** факторів віднесемо: сформовані цільові настанови на «правдиве», «красиве» злочинне життя; несформованість обов'язковості загальних моральних та правових норм; розчарування в державній системі соціальних та правових гарантій; в умовах життєвої нестабільності невпевненість у майбутньому, бажання отримати захист та повагу.

20. Поєднання об'єктивних та суб'єктивних засад життєвої вкоріненості злочинної субкультури накладається на те, що більшість не-злочинного населення посттоталітарних країн навіть на волі живе за принципами близькими «понятям», що буденно створюють умови для легкого зміщення в суспільній свідомості диференціації субкультури (контркультури) та культури.

Приходимо до того, що кримінальна субкультура в її системному вигляді є «тіньо-

вою» стороною офіційної культури, заклики викорінити її є недостатньо обґрунтованими, тому є сенс її системно послаблювати через підвищення рівня життя населення та заходи загально-суспільної гармонізації.

ЛІТЕРАТУРА:

1. Leuba J. H. The Psychological Origin and the Nature of Religion /J. H. Leuba // Chicago, 1909; idem. A Psychological Study of Religion: its Origin, Function and Future. New-York, 1912
2. Самойлов Л. (Клейн Л.) Этнография лагеря. Советская этнография, 1990, № 1, С. 96–108.

Ph.D. Капріцин І.І.

ФОРМИРОВАНИЕ СУБКУЛЬТУР КАК ТЕХНОЛОГИЯ ЛАТЕНТНОГО СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАДИМИР СКВОРЕЦ

Доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой социологии Запорожского национального университета

Исследование различных аспектов трансформации социоисторического организма Украины подводит к пониманию ключевой роли социокультурных изменений в появлении и возрастании тех социальных процессов, которые формируют будущее страны. В течение трех десятилетий рыночных реформ в украинском обществе с огромной силой развернулись деструктивные процессы:

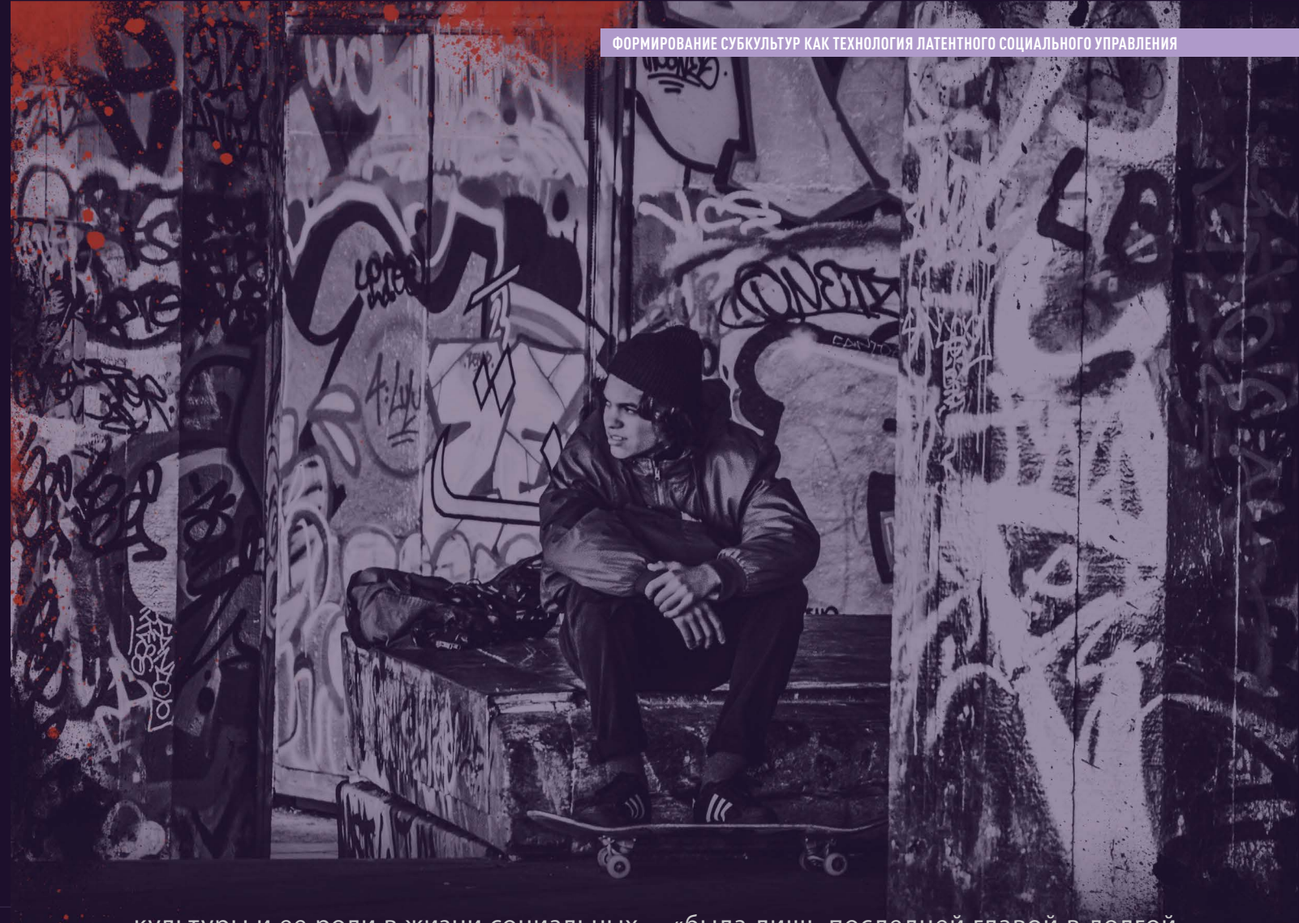
- деиндустриализация экономики;
- деградация рабочей силы;
- маргинализация значительной части граждан, потерявших работу, источники доходов и занятых поиском ресурсов для выживания; архаизации жизни жителей села;
- коррупция и разложения правящего класса; депопуляция населения.

Н. Шульга оценил эти социальные изменения как **«сбой социальной матрицы»**, которая является «базисной структурой социальных отношений, которые обеспечивают данный тип существования общества или его способ жизни» [1, С. 14]. Существующий социальный порядок сменился на социальный хаос, а на смену привычному для большинства культурному порядку пришел новый, в котором формируется множество новых субкультур, носители которых в борьбе за выживание стремятся адаптироваться к новым социальным условиям. Формирование субкультур предстает как аспект управленческой деятельности, изменяющей поведение, культуру и мировоззрение людей.

Цель статьи — обосновать роль субкультур как технологий латентного социального управления.

Изучая феномен субкультуры и ее социальную роль, необходимо помнить о том, что субкультура и культура соотносятся как часть и целое, что является основанием выделять в них как общие, так и отличительные признаки, свойства и функции. Рассматривая культуру как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством, культурологи обычно выделяют главную проблему культуры — воспроизводство самого человека, его знаний, навыков, материальных и духовных ценностей. Исходя из такого понимания

ФОРМИРОВАНИЕ СУБКУЛЬТУР КАК ТЕХНОЛОГИЯ ЛАТЕНТНОГО СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ



культуры и ее роли в жизни социальных субъектов, следует признать, что роль субкультур тоже состоит в воспроизводстве человека, но с определенными заданными свойствами, которые можно прогнозировать и проектировать. Поэтому есть все основания рассматривать проблему формирования субкультур как технологию социального управления, но такой аспект изучения субкультур остается вне поля зрения исследователей.

Социолог Дж. Масионис обращает внимание на значение субкультур в жизни любого общества. Под термином «субкультура» понимаются культурные образцы, обособляющие некую часть общества. Почти каждый человек участвует во многих субкультурах и вовсе не обязательно, чтобы он был полностью привержен какой-либо одной из них. Однако в некоторых случаях этническая принадлежность и религиозные различия разделяют людей, причем иногда это приводит к трагическим последствиям. Судьба бывшей Югославии определилась войной, которая «была лишь последней главой в долгой истории ненависти, основанной на культурных различиях. Перед распадом в этой одной небольшой стране были два алфавита, исповедовались три религии, жители говорили на четырех языках, дом нашли себе представители пяти основных национальностей, существовало разделение на шесть политических республик и культурное влияние оказывало семь соседних стран. Очевидно, что субкультуры служат источником не только радостного многообразия, но и напряжения, а то и откровенного насилия» [2, С. 119, 121]. Следует признать, что названные социокультурные различия имели место в течение всей истории существования Югославии, но распад этого государства произошел лишь в определенных исторических условиях, после определенной информационно-психологической обработки населения разных ее частей и применения новой технологии «управляемого хаоса», которую разработал Стивен Манн. Распад Югославии является не только результатом внутренних про-

тиворечий, но и латентного влияния на сложившиеся в обществе субкультуры определенных внешних субъектов, которые в отношении **всех народов Югославии проводили политику «Разделяй и властвуй!»**.

Анализируя феномен субкультуры, О. Мальцев выделил десять основных ее признаков:

1. Наличие в ней идеи или легенды.
2. Отсутствие в ее составе «священников», но наличие иерархии авторитетов.
3. Отсутствие отбора людей;
4. Ей свойственны места, но не свойственны храмы;
5. Наличие символики и атрибутов;
6. Наличие в ней блоков-направлений;
7. Большинство субкультур (92%) являются продуктом синтеза;
8. Наличие идеи Смерти;
9. Система «Края» — «Насос» (в ней имеются способы получения «быстрых денег» — «насосы», но ни одна структура в мире, не имеет объёма оправданий, равных субкультуре);
10. Перевёрнутое дерево как модель субкультуры (в ней крона дерева и есть субкультура, корни — это её истоки, а некий ствол, состоящий из людей, соединяет субкультуру и её истоки) [3, С. 11–27].

Среди выделенных исследователем признаков можно назвать те, которые определяют возможности субкультуры как средства социального управления:

- наличие идеи, объединяющей людей;
- появление сообщества под влиянием иерархии авторитетов;
- связь с другими субкультурами;
- насосы для получения «быстрых денег».

Если какие-либо влиятельные группы или центры увидят в идее определенной субкультуры привлекаемую для них возможность задать через носителей этой субкультуры направление социальных и культурных изменений, то могут легко это сделать. Для этого необходимо: предоставить ее авторитетам возможность распространять свои идеи, получать через «насосы» необходимые финансовые ресурсы, которые обеспечат быстрый рост носителей субкультуры и распространение ее идей.

Г. Лебон в книге «Психология народов и масс» определил ключевую роль изменения направления идей для социальных изменений цивилизационного масштаба.

> «НАСТОЯЩАЯ ПРИЧИНА ВЕЛИКИХ ПОТРЯСЕНИЙ, КОТОРЫЕ ПРЕДШЕСТВУЮТ ИЗМЕНЕНИЮ ЦИВИЛИЗАЦИЙ — НАПРИМЕР, ПАДЕНИЮ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ И ВОЗНЕСЕНИЮ АРАБОВ,— ЯВЛЯЕТСЯ КАРДИНАЛЬНОЕ ОБНОВЛЕНИЕ НАПРАВЛЕНИЯ МЫСЛЕЙ. … ВСЕ ВАЖНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СОБЫТИЯ — ВИДИМЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ НЕВИДИМЫХ СДВИГОВ В МЫШЛЕНИИ ЛЮДЕЙ… НЫНЕШНЕЕ ВРЕМЯ — ОДИН ИЗ КРИТИЧЕСКИХ МОМЕНТОВ, КОГДА МЫСЛЬ ЛЮДЕЙ ПОДВЕРГАЕТСЯ ТРАНСФОРМАЦИИ» [4, С. 130].

Поскольку изменению цивилизаций предшествует изменение направления мысли, то появление субкультур, как феномена, атрибутом которого является идея или легенда, следует рассматривать как важнейший фактор обновления направления мысли. Аналитика социокультурных изменений в период, который предшествует изменению цивилизаций, позволяет предположить, что создание субкультур имеет прямое предназначение в изменении направления движения общества.

К явлениям, которые способствуют формированию субкультур, можно отнести такие феномены как фантомы, которые описал социолог **Ж. Тощенко в книге «Фантомы российского общества»** [5]. Под понятием «фантомы» он понимает:

> «ЯВЛЕНИЯ И ПРОЦЕССЫ, КОТОРЫЕ ОЛИЦЕТВОРЯЮТ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ, ПОРОЙ АНОМАЛЬНЫЕ, ЭКСТРАВАГАНТНЫЕ ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ (ПУБЛИЧНОЙ) АКТИВНОСТИ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ СЕРЬЕЗНОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ. НОСИТЕЛИ ЭТИХ ФОРМ АКТИВНОСТИ ОБЛАДАЮТ ГИПЕРТРОФИРОВАННЫМИ СОЦИАЛЬНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ (НЕПОМЕРНАЯ ЖАЖДА ВЛАСТИ, НЕОГРАНИЧЕННОЕ ЖЕЛАНИЕ ОБЛАДАТЬ БОГАТСТВОМ, БОЛЕЗНЕННОЕ СТРЕМЛЕНИЕ К СЛАВЕ). … ФАНТОМНЫЕ ЯВЛЕНИЯ, КОТОРЫЕ В ЛАТЕНТНОМ ВИДЕ СУЩЕСТВОВАЛИ ВСЕГДА, В ЛЮБУЮ ЭПОХУ И В ЛЮБОМ ГОСУДАРСТВЕ, В ПЕРИОД ЛОМКИ УСТОЕВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ИМЕЮТ ТЕНДЕНЦИЮ ПРОЯВЛЯТЬ СЕБЯ КАК ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ, ОКАЗЫВАЮЩЕЕ ВЕСЬМА ОЩУТИМОЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОИСХОДЯЩИЕ В ОБЩЕСТВЕ ПРОЦЕССЫ» [5, С. 54].

Фантомные персонажи обычно появляются в условиях неустойчивых общественных процессов, в ситуации кризиса, и характеризуются следующими чертами:

a) особой позицией по отношению к основным или отдельным, но важным проблемам политической жизни;
b) стремлением обладать капиталом (финансовыми ресурсами);
c) жаждой власти, желанием навязать свое видение общественных проблем и даже осуществить попытки его реализации;
d) претензией на обладание славой — действительной или мнимой, виртуальной или случайной [5, С. 65].

Как видим, для фантомных персонажей присущ набор качеств, которые можно успешно использовать для продвижения масштабных проектов по изменению общества. И хотя в самой субкультуре отсутствует отбор людей, но для латентных структур управления выбор состоит в том, чтобы определить из числа авторитетов того, кто способен за собой повести и сторонников определенной субкультуры, и более широкие социальные группы.

Для социологии представляют интерес те общественно значимые черты как официальной, так и личной деятельности фантомов, которые оказывали деструктивное влияние на ход государственной и общественной жизни. Для классификации фантомов общественного сознания и их поведения ученый использует анализ таких основных черт, как власть, слава, богатство, которые в различных комбинациях образуют соответствующие фантомные типы личности — «бесы», «авантюристы», «мутанты», «нарциссы», «ксенофобы», «герострaты» и «мародеры» [5, С. 71–75]. Выделение этих социокультурных типов личности дает основание считать их носителями определенных субкультур.

В современном мире очень многие влиятельные люди прошли через школу субкультур, усвоили их идеи, стали авторитетами, нашли негласную поддержку латентных покровителей, а затем как фантомы возникли над обществом. Не всем им удалось долго продержаться на вершине общественного внимания, но некоторые закрепились на довольно длительный период. Подтверждается известное выражение:

> «КОГДА ЗВЕЗДЫ ЗАЖИГАЮТСЯ, ЗНАЧИТ КОМУ-ТО ЭТО ВЫГОДНО».

Появление десятков и сотен фантомов — новых лиц, неизвестно откуда появившихся на экранах телеканалов, на вершинах власти и общественного внимания стали реальностью украинского общества в последнее десятилетие. Появились примеры, когда руководителями целых отраслей назначались люди в профессиональном отношении абсолютно не готовые к этой деятельности. Например, Министром образования и науки Украины стала молодая женщина, 29 лет, в трудовой книжке которой появилась первая запись — министр, то есть, личность, не имеющая педагогического, управленческого или жизненного опыта, являющегося основанием для назначения на столь высокий пост. Может ли такого уровня «специалист» управлять отраслью, в которой обеспечивается воспроизводство человека как личности? Из какой субкультуры этот фантом занесло на такие высоты никому не понятно, в какой субкультуре и чем она заработала свой авторитет тоже непонятно?

Другой пример. **У. Супрун**, гражданка США, не имеющая высшего медицинского образования, длительное время была исполняющей обязанности Министра здравоохранения Украины. В период ее пребывания на этом посту украинское общество пережило эпидемию кори (переболело больше 140 тыс. чел., умерших — 18), была сокращена сеть медучреждений, ликвидирована государственная система санитарно-эпидемиологического надзора, больше ста тысяч медработников уехали работать за границу. В плодах деятельности этого фантома видим полное соответствие социокультурному типу Герострата. Когда же на должность Генерального прокурора Украины назначали кума Президента П. Порошенко Ю. Луценка, не имеющего юридического образования, то Верховная Рада Украины даже поправку в закон внесла, чтобы узаконить это избрание.

Эти примеры назначений на высокие посты свидетельствуют о появлении в управленческой культуре нашего общества субкультур, представителей которых возвышают не вследствие признания авторитета в определенной сфере деятельности, а вследствие непотизма, влияния латентных структур и других факторов, которые никакого отношения к профессионализму не имеют. С такой кадровой политикой государства, которая игнорирует профессионализм и профессионалов, надеяться на процветание украинского общества в будущем не приходится. Деформированные управленческие субкультуры не способны обеспечивать воспроизводство личности человека, адекватной потребностям будущего.

Таким образом, краткий обзор проблемы формирования субкультур дает основания для следующих выводов:

1) субкультуры, являясь частью культуры, не только диалектически связаны с ней, но и являются важнейшими факторами функционирования социального и культурного порядка;
2) ряд признаков субкультуры (наличие идеи, объединяющей людей; появление сообщества под влиянием иерархии авторитетов; связь с другими субкультурами; насосы для получения «быстрых денег») являются предпосылкой для использования ее как средства социального управления;
3) крупным социальным изменениям всегда предшествуют изменения в культуре и поэтому субкультуры, для которых характерным является наличие определенной идеи, являются для латентных структур удобным инструментом управления культурными и социальными изменениями;
4) изучение социологом Ж. Тощенко феноменов фантомов дает основания считать, что фантомные типы личности («бесы», «авантюристы», «мутанты», «нарциссы», «ксенофобы», «герострaты» и «мародеры») являются носителями определенных субкультур, которые культивировались латентными структурами;
5) в последнее десятилетие в украинском обществе выразительно проявились фантомные персонажи, которые представляют собой определенный социокультурный тип, то есть принадлежащие к определенной субкультуре, и возвышение которых можно объяснить только влиянием латентных структур.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Шульга М. Збій соціальної матриці: монографія. Київ: Інститут соціології НАН України, 2018. 284 с.
2. Масионис Дж. Социология. 9-е изд. СПб.: Питер, 2004. 752 с.
3. Мальцев О. Методическое пособие по исследованию субкультуры «Нарисуйте субкультуру». Одесса: ЧП «Издательский дом «Патриот», 2021. 130 с.
4. Лебон Г. Психология народов и масс / Густав Лебон. СПб.: изд. Ф. Паленкова, 1896. 329 с.
5. Тощенко Ж. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. 668 с.

Владимир Скворец

ФОРМИРОВАНИЕ СУБКУЛЬТУР КАК ТЕХНОЛОГИЯ ЛАТЕНТНОГО СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

ФЕНОМЕН СУБКУЛЬТУРЫ: ГЛУБИННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ «СУБ»

ВИТАЛИЙ ЛУНЕВ

Ассоциированный профессор Национального медицинского университета им. А. Богомольца. Академик Европейской академии наук Украины, член Американской психологической ассоциации, Американской академии клинической психологии, Всемирной федерации психического здоровья (США), Европейской академии естественных наук (Ганновер, Германия).

Проблема исследования субкультур сложна. Это вопрос соотношения позиций: целого и частного, принятого (понятного) и такого, что сложно поддается признанию. Опять же, это извечный вопрос дихотомии **«Свой-Чужой»**. При том, что **«охота на ведьм»** как исключительное право нормологического подхода, в последние десятилетия, все больше нивелируется (как минимум публично), вопросы свободного функционирования индивида в суб-сообществе, часто рассматривается как некоторая девиация.

Собственно, в рамках психологического и социологического дискурсов, субкультуры рассматриваются в большей степени в тематике исследований девиантологии.

Замечу, что **мое понимание явления субкультуры базируется на понимании природы культурогенеза, механизмов и институтов социализации, судьбоаналитического подхода Л. Сонди, О. Мальцева и концепта фантазма Ж. Лакана**. Исследовательская деятельность в составе Экспедиционного Корпуса НИИ Памяти (руководитель академик УАН Олег Мальцев) существенным образом открывает новые перспективы междисциплинарного исследования субкультур (об этом наши экспедиции в Мексике, Италии, Германии и других странах).

Стоит заметить, что сама идея «суб» в понятии субкультура акцептирует внимание на позиции подрядности — (от лат. sub — под) и семантически передает значение:

1) расположенный внизу, под чем-либо, около чего-либо (например, субмарина);
2) подчиненный (например, субинспектор);
3) второстепенный (например, субподрядчик) (Большой энциклопедический словарь, 2012);
4) неполноту качества, свойства, обозначенного последующей частью слова (Медицинские термины, 2012);

5) имена существительные со значением подчиненности тому, что названо мотивирующим именем существительным (субассоциация, субинспектор, субординатор, субмикрон) — (Толковый словарь Ефремовой).

Именно в таком контексте литературно и психосемантически мы неизбежно воспринимаем понятия с приставкой **суб-**. По сути мы сталкиваемся с категориями первичности, причинности, некоторого объема значения, которое находится за пределами чего-то большего, чем само понятие, которое рассматривается.

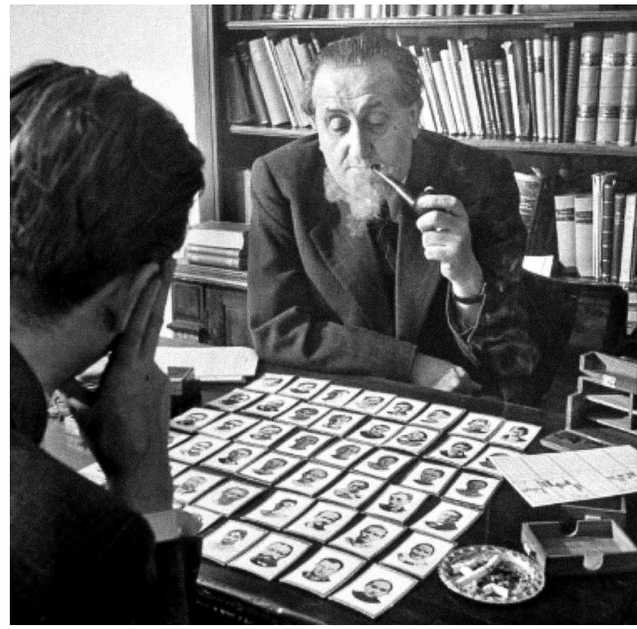
С. К. Бондырева обозначает субкультуру как «суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, отношениями, нормами поведения». Таким образом, мы на самом деле имеем дело с двумя суверенностями: культурой и субкультурой.

Анализируя работы одного из моих любимых авторов **Гарри Салливана Липот Сонди** приходит к выводу, что:

> «КУЛЬТУРНЫЙ ОКРУЖАЮЩИЙ МИР КОНФЛИКТУЕТ С ЖЕЛАНИЯМИ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ЕДИНИЧНОГО ИНДИВИДА. ОСНОВНЫЕ СЛОЖНОСТИ ВОЗНИКАЮТ НЕ ПО ПРИЧИНЕ УДАРА СЕКСУАЛЬНОСТИ И КУЛЬТУРЫ ОКРУЖАЮЩЕГО МИРА, А ВВИДУ ПРОБЛЕМ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, КОТОРЫЕ ОСНОВЫВАЮТСЯ НА «СОВМЕСТНОМ БЫТИИ» И ЖЕЛАНИИ «БЫТЬ ПРИНЯТЫМ».

Л. Сонди акцентирует внимание на межчеловеческих отношениях, представленных в авторитарности и в фантастической персонификации, которые с позиции «Я-анализа» открывают два направления исследования:

1. Потребность человека в силе, в принятии и подтверждении через окружающий мир, как «потребность участия Я» или как «инстинкты Я».
2. Адаптация и действия культурных и социальных напряжений — оба явления фигурируют в «Я-анализе», как позиция



Леопольд Сонди (Зонди)

берущего «Я», что соответствует так называемой эго-систолической Я-функции, которая, помимо других Я психологически отвечает принципу реальности Фрейда и обуславливается через интроекцию и отрицание Я-судьбы человека.

Также, **понимание субкультуры согласно Я-анализа Сонди** возможно рассмотреть в контексте:

- сублимации,
- индивидуации,
- гуманизации.

Анализируя Фрейда Сонди говорит об образовании культуры как всего лишь о смене объекта и смене цели неизменного сексуального либидо, а анализируя Юнга, он говорит о символическом процессе в котором **культурное образование ведёт к индивидуации**, то есть к самостановлению, «человек осознаёт своё отличие и прокладывает себе новый путь через ранее непроходимое. Таким образом, апеллируя к концепции **Л. Сонди мы предполагаем, что образование субкультуры можно рассматривать как определенную замену объекта влечений**, что поддерживается

четырьмя элементарными функциями «Я», а именно:

- партиципативной проекцией;
- инфляцией;
- интроекцией;
- отрицанием.

Такие позиции нам представляются ключевыми методологемами в понимании субкультуры как психического явления.

Следует отметить возможность изучения субкультуры через призму **феноменологии фантазма (фр. fantasme)**, как некоторого бессознательного сценария, который, задействуя персонажи, являет некоторое желание. П. Ювченко (2014) отмечает, что **Жак Лакан представляет фантазм как поверхность**, включающую различные фигуры я, воображаемого другого, первоначальной матери, идеала я и объекта. Поверхность фантазма ограничена областями воображаемого и символического, тогда как сам фантазм перекрывает поле реального. При этом Лакан уточняет представление о фантазме как о воображаемом сценарии, в котором исполняется желание, аргументируя, что в фантазме желание не исполняется **(erfüllt)**, а получает свои объекты. Фантазм делает возможным желать.

Плотников отмечает, что **«переход за/через фантазм» означает для Лакана идентификацию с синтоном — неологизмом**, который обозначает искусственного человека, синтез симптома и фантазма. Речь идет о возможности **«наслаждения со смыслом»** (Жижек Славой. Возвышенный объект идеологии). Таким образом, можем предположить, что каждому типу субкультуры соответствует базовый коллективный фантазм.

Собственно, таковы наши базовые глубинно-психологические представления о феноменологии субкультуры как психического явления.

Виталий Лунев

ФЕНОМЕН СУБКУЛЬТУРЫ: ГЛУБИННОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ «СУБ»

ИЗУЧАЯ МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ: ПОДХОД, ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВЕ

ДОКТОР СТИВ ДЖЕННАРО

Профессор факультета гуманитарных наук Йоркского университета (Канада), исследует пересечение медиа, технологий, психологии и идентичности молодежи

Для Дика Хебдиге в его основополагающем произведении 1979 года «Субкультура: значение стиля» субкультурой является оппозиция доминирующим структурам власти, ее существование внутри ядра, занимая при этом маргиналии, а также ее противодействие и активное неповиновение через моду, искусство, музыку и т.д. по отношению к социальным нормам и доминирующим идеологиям с периферии. [1] Сам Хебдиге и многие из тех, кто с тех пор использовал его теории, давно подразделяют молодежь на ряд более мелких субкультур, но детство или юность сами по себе являются универсальной категорией, которая в силу самого своего существования является бинарным термином, противоположным взрослости и, следовательно, жизни молодых людей, представления об этих жизнях и присущий им дисбаланс сил, который структурирует их жизнь, требуют признания молодежной культуры априори субкультурной [2].

Вопиющим упущением в работе Хебдиге является признание интерсекциональности и того, как наблюдение за субкультурами без учета пола, расы, сексуальности, этнической принадлежности, инвалидности и возраста (среди других социальных переменных) затемняет глубину неравенства в отношениях власти. А поскольку субкультуры существуют в первую очередь как реакция на неравные властные отношения, как органический канал обратной связи с идеологией, интерсекциональность как метод исследования нельзя переоценить. То же самое верно для любой универсализации детства, юности или другой категории классификации. [3]

Если мы начнем с того, что молодежь может рассматриваться как субкультура, какие проблемы сразу же предстают перед нами как исследователями, желающими наблюдать за молодежной культурой?

ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПУТИ В ИЗУЧЕНИИ МОЛОДЕЖИ КАК СУБКУЛЬТУРЫ.

Наиболее очевидная проблема, возникающая при проведении взрослыми исследованиями с детьми, заключается в том, что как взрослые исследователи, мы являемся непосредственными посторонними для молодежной культуры, и это ограничивает нашу способность слышать голоса молодежи. Чтобы слышать голоса молодежи, необходим доступ к современной детской культуре. Но что такое современная детская культура? Я бы сказал, что **современная детская культура — это субкультура молодежи.**

Фактического определения современной детской культуры на самом деле не существует. Доктор Кэрол Карпентер ввела этот термин, когда она впервые задумала идею обучения детей в качестве варианта получения степени в Йоркском университете на рубеже тысячелетий [5]. С тех пор в рамках программы «Дети, детство и молодежь» Йоркского университета мы теперь используем этот термин для обозначения очень определенного момента во времени и пространстве, **давая этому моменту структуру и его обитателям голос**. По мере того, как явление набирало обороты, стало ясно, что «современность» не обязательно должна быть недавней; что мы можем исследовать характеристики этого момента, а затем проводить сравнения с тем, где еще он проявляется в разное время, места или места на исторической траектории. Принимая целостный подход с точки зрения относительных дисциплин, современная детская культура — это исследование реальной жизни детей в настоящий момент в очень конкретном географическом пространстве (с учетом того, что это пространство также может быть виртуальным), в то же время признавая реальное влияние социальной конструкции детства на жизнь молодежи. В мейнстриме, где преобладают повествования взрослых о том, «кем» и «чем» являются дети, современная детская культура

представляет молодежные пространства и / или голоса.

Считается, что молодежная культура, вечно находящаяся в рамках существующей взрослой культуры, в значительной степени обязана своим более старым, более доминирующим аналогам — даже в формах формирования. Изучение историй, с которыми сталкиваются молодые люди, дает нам ощущение культурной грамотности, медиаграмотности и социальной грамотности в жизни молодых людей, отличных от склонностей взрослых. Все три вида грамотности жизненно важны для понимания современной детской культуры в тандеме с исследованием того, что я считал еще в 2008 году: тремя голосами ССС (современной детской культуры) [6]:

1. институциональные голоса, такие как правительства и НПО (и то, как они говорят о детях)
2. медиатексты (и как эти институциональные идеи объясняются детям)
3. собственные голоса детей (что сами дети говорят о своей жизни).

Я вернусь к этим голосам и объясню более подробно позже. Однако важно отметить, что современная детская культура — или молодежь как субкультура — существует на стыке этих голосов, а также на стыке между реальным жизненным опытом детей и социальной конструкцией детства.

Как исследователи, мы должны преодолеть проблему «слышать только голоса, в которых доминируют взрослые, и не иметь доступа к собственным голосам детей». Чтобы услышать голоса молодых людей, требуются исследовательские методики, в которых основное внимание уделяется молодежи как субъектам, а не как объектам. Это, конечно, прямо противоречит более чем столетнему опыту исследований молодых людей в таких дисциплинах, как подростковая психология. Подростковый возраст считался психологами, такими как Г. Стэнли Холл и Зигмунд Фрейд, временем турбулентности, когда нужно было реорганизовать конкурирующие личности, когда молодой человек достигал совершеннолетия и когда конкурирующие сексуальные побуждения нужно было контролировать, чтобы правильно функционировать в обществе. [7] После этого подростковый возраст стал периодом дестабилизации, **а подростки стали классифицироваться как люди, нуждающиеся в руководстве. По самому этому определению субъективность молодых людей удаляется и заменяется объективностью, когда взрослые диктуют нормы, ожидания, поведение, практики и идеалы, которые считаются приемлемыми в любой данный социальный момент.**

Разделение жизни молодых людей на отдельные категории еще больше объективизирует жизнь молодежи. Хотя такие термины, как подросток, ребенок, подросток и молодежь, использовались в академических дисциплинах, корпоративных планах и медицинских областях для более непосредственного обозначения категории лиц, обладающих определенным набором атрибутов и функций, Организация Объединенных Наций определила детей в Конвенции 1989 г. о правах ребенка как любое лицо моложе 18 лет [8]

Категории возраста и развития, которые такие термины связывают с детством, являются социальными конструкциями, которые стали настолько широко использоваться и быть представлены, что стали тем, что **Стюарт Холл назвал «натурализованными кодами».** [9] **Следуя идеям Луи Альтюссера об «очевидности»** и объяснению **Антонио Грамши** о том, как **идеология наиболее опасна, когда она становится невидимой**, Холл использует термин **«натурализованные коды»** для обозначения представления идеологии, которая стала так широко распространена в наша культура, что мы больше не обрабатываем и не анализируем символ, а просто принимаем его за чистую монету. [10] В рамках этой схемы такие термины, как подросток, подросток, ребенок и молодежь, все представляют собой неявную идеологию, которая стала настолько нормализованной, что мы больше не видим присущих им опасностей, структур власти, которые они содержат, и способов, которыми они не только колонизируют детей, но лишают их доступа к каналам власти. О чем я писал несколько раз, так это о том, что каждая из этих категорий (подростковый возраст, подросток, молодежь, ребенок и т.д.) является **зеркальным отражением страхов и тревог взрослых в обществе, отраженных в дискурсах о детстве**, и это надежды, мечты и желания взрослых в обществе тоже отражаются. [11]

Детство — это социальная конструкция, однако дискурс и представления о молодежи имеют реальные последствия в обществе. Подростковый возраст — это категория дискриминации в том смысле, что возраст человека и его жизненное положение сразу же выявляют целую категорию субъективных убеждений или стереотипов точно так же, как пол человека непосредственно подразумевает целый набор властных отношений. Хотя детство отличается от других социальных переменных, потому что это временное пространство, **расширение этого временного пространства на процесс на протяжении всей жизни как раз и является целью культурных индустрий в маркетинговом дискурсе вечной юности** [12]. Традиционно исследования в этой области, как правило, сосредоточены на детях, а не проведении их с детьми, что опять же удаляет субъективность молодых людей из самого исследовательского процесса. К этому добавился упор на проведение этого исследования «глазами взрослых» и, следовательно, на него повлияла ностальгия по «зеркалу заднего вида» в понимании жизни молодых людей [13]. В результате подростковый возраст, юность и детство становятся социально сконструированными категориями различия, где отношения власти, господства и неравенства постоянно оспариваются. Этот процесс превращает молодежь в субкультуру, и поэтому необходим правозащитный подход к исследованиям молодежи.

ИЗУЧАЯ МОЛОДЕЖНЫЕ СУБКУЛЬТУРЫ: ПОДХОД, ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВЕ

ПЛАН ИССЛЕДОВАНИЯ СУБКУЛЬТУРЫ: ЧТО ТАКОЕ ПОДХОД, ОСНОВАННЫЙ НА ПРАВАХ?

Подход, основанный на правах ребенка, — это структура, которая стремится поставить ребенка и «Права ребенка», как они определены в Конвенции Организации Объединенных Наций о правах ребенка, в центр всех взаимодействий с молодежью. Примерно так же, как статья 3 Конвенции ООН о правах ребенка, именуемая «принципом наилучших интересов», формулирует необходимость для взрослых поддерживать молодых людей, действуя в их наилучших интересах, когда это возможно, подход, основанный на правах, выходит за рамки этого, чтобы гарантировать, что как взрослые союзники мы действуем с антигипрессивными, антирасистскими, ориентированными на детей и межсекторальными рамками при работе с молодежью.

В 2010 году я опубликовал статью «Глобализация, история, теория и письмо» для Общества истории детства и юношества, в которой исследователей детства и юношества попросили подумать, как силы глобализации повлияли на наше понимание идентичности молодых людей и их опыт как членов семьи, студентов, рабочих, потребителей, активистов, уязвимых групп и граждан. [14] Опираясь на работу **Линды Тухиваи Смит «Империализм, история, писательство и теория»** с ее взрывающим основы текстом **«Методологии деколонизации: исследования и коренные народы»** (1999), я утверждал, что любое исследование жизни детей должно основываться на подходе, основанном на правах, который пытается контекстуализировать жизнь детей в глобальных рамках власти, экономики и культуры, обрамленных и во власти западного империализма. [15] Чтобы участвовать в любом исследовании с молодежью, взрослые должны руководствоваться подходом, основанным на правах, и использовать **«статус самого взрослого».** Этот «статус наиболее взрослого» прямо контрастировал с популярной в то время методологией исследования в этой области, которая побуждала исследователей принимать **«статус наименее взрослого»**.

Целью статуса наименее взрослого было уравновесить неравномерную динамику власти, исключив себя как взрослого исследователя и их предвзятость из исследовательского процесса. В отличие от этого, подход, основанный на правах, не устраняет взрослых, неравные властные отношения или предвзятость из исследовательского процесса. Вместо этого подход, основанный на правах, выдвигает социальные отношения и неравенство прямо на первый план, признает это, а затем активно работает над преодолением этих препятствий, чтобы гарантировать, что ребенок, голос ребенка и права ребенка пронизывают идеологический аппарат, который слишком часто эти голоса приглушает.

Таким образом, подход, основанный на правах человека, является междисциплинарным подходом к изучению жизни детей во всем мире и служит напоминанием о том, что изучение жизни молодых людей требует работы через три разных голоса CCC [16].

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ГОЛОСА О ДЕТЯХ (IVAC)

- Опишите, кто такие дети в каждый социальный момент.
- В первую очередь занимают институциональные пространства правительственных, образовательных, медицинских или других общественных организаций.
- Они заказывают и классифицируют.
- Они описывают социальные роли или функции детей (включая то, какие социальные пространства дети могут или не могут занимать, а также правила участия в этих пространствах) в любой данный социальный момент.

ГОЛОСА МОЛОДЕЖИ В IVACS ПРАКТИЧЕСКИ ОТСУТСТВУЮТ

- Институциональные голоса для детей (IVFC)
- Возьмите институциональные представления о детях и расскажите им или объясните их молодым людям.
- В первую очередь занимаю популярную культуру.
- Они носят дидактический характер.
- Будь то книги, телевидение, социальные сети, фильмы, литература или видеоигры, они являются каналом, через который ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕИ распространяются среди детей.

- Они не определяют жизнь детей, вместо этого они объясняют мир и их роли в нем молодым людям.
- Иногда здесь могут присутствовать оспариваемые детские голоса.

СОБСТВЕННЫЕ ГОЛОСА ДЕТЕЙ (COV)

- Когда дети принимают идеи ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ГОЛОСОВ, они участвуют в своем социальном мире.
- Голоса молодых людей основаны на игре и во многом зависят от СМИ. Игра — это настоящие ритуалы, практики и действия, при которых молодые люди взаимодействуют с популярной культурой и средствами массовой информации, чтобы назвать свой мир и, тем самым, ответить доминирующим.
- В результате игра всегда по самой своей природе подрывная.
- В цифровом пространстве это включает текстовые сообщения, приложения, игры и социальные сети. Именно через игру действия молодых людей согласуются с идеологиями относительно их реалий или оспаривают их.

Подход, основанный на правах, требует, чтобы взрослые и молодые люди работали вместе в качестве со-конструкторов, чтобы гарантировать, что голоса детей также будут услышаны, и чтобы исследование не просто увековечило социальные нормы и дисбаланс сил, которые доминируют в институциональных голосах за детей и о них. В «Методологиях деколонизации» отмечается, как исследования с участием коренных общин ставят ряд вопросов, связанных с инсайдерами / посторонними, для исследования. Тухиваи Смит утверждает, что:

> **Исследование** — *это не просто невинное и академическое занятие, но всегда отражение социальной и политической идеологии институтов (и отдельных лиц), которые разрабатывают, запрашивают, поддерживают, финансируют, контролируют, участвуют и в конечном итоге публикуют исследовательский проект.*

Вот почему необходим подход, основанный на правах человека. Мы не можем стереть барьеры различия, а также социальные ожидания и мифы, которые им сопутствуют. Поэтому, как исследователи, **мы должны признать их, сделать их открыто известными и работать над созданием пространства диалога**, несмотря на различия, которые признают неравенство власти и дисбаланс между представлением и реальностью, вместо того, чтобы работать с исследовательской парадигмой, которая стремится скрыть их в поисках более «правдивой» или «выразительной» исследовательской среды. Инсайдеры — это те, кто имеет прямой доступ к сообществу или субкультуре в качестве активных членов. Посторонние, как и все взрослые, которые проводят исследования с молодежью, всегда остаются снаружи. Вот почему мы должны принять «статус наиболее взрослых» и работать как союзники, чтобы совместно с молодыми людьми выстроить исследовательский процесс при изучении молодежных субкультур.

Так как же выглядит подход, основанный на правах? Опять же, опираясь на мудрость Тухиваи Смит, вот вопросы, которые, по ее мнению, принадлежат к началу любого исследования. Разработка проектов с коренными народами — все это необходимо в начале любого исследования с участием молодежи, чтобы оно было основано на правах человека:

- Чье это исследование?
- Кому это принадлежит?
- Чьим интересам он служит?
- Кому это будет выгодно?
- Кто разработал его вопросы и определил его масштаб?
- Кто это осуществит?
- Кто это напишет?
- Как будут распространяться его результаты?

Нам нужно слышать детские голоса. Нам нужно проводить исследования с молодежью, а не о молодежи. Нам нужны исследования, которые позволили бы увидеть дисбаланс власти и динамики власти. Нам нужен правозащитный подход к исследованию молодежной субкультуры.

ССЫЛКИ:

[1] Хебдиге, Дик. Субкультура: смысл стиля. Лондон: Рутледж, 1979.

[2] Для более четкой разбивки детства на подкатегории см. Дженнаро, Стивен. Продажа молодежи: как исследования рынка компании J. Walter Thompson определили, что значит быть ребенком (и взрослым) в Америке 20-го века. Лондон: ВДМ-Ферлаг, 2010.

[3] Чтобы устранить этот пробел в работе Хебдиге и более поздних работах по субкультурам, см. Гилдарт К., Гоф-Йейтс А., Линкольн С. и др. -. Хебдиге и субкультура в XXI веке через призму субкультуры. Швейцария: Palgrave Macmillan, 2020. «Авторы этого тома оценивают основные теоретические тенденции, лежащие в основе работы Хебдиге, критически оценивая их ценность и то, как они ориентируют исследователя или изучающего субкультуру, а также обращают внимание на некоторые упущения в исходной оценке субкультуры Хебдиге, такие как пол и этническая принадлежность.»

[4] Дженнаро, Стивен. «Слышать подлинный голос ребенка: учеба детей в Йоркском университете». Вестник Общества истории детства и юношества, зима 2008 г., № 11.

[5] Карпентер, Кэрол. Личное интервью. 10 сентября 2008 г.

[6] Дженнаро, Стивен. «« Глобализация, история, теория и письмо ». Вестник Общества истории детства и юношества, зима 2010 г., № 16.

[7] Полное описание истории юности и юности как серии коммерческих, медицинских и медийных дискуссий можно найти в книге Дженнаро, «Продажа молодежи».

[8] Генеральная Ассамблея ООН, Конвенция о правах ребенка, 20 ноября 1989 г., United Nations, Treaty Series, vol. 1577, стр. 3, доступно по адресу: **https://www.refworld.org/docid/3ae6b38f0.html** [по состоянию на 9 марта 2021 г.]

[9] См. Стюарт Холл «Кодирование и декодирование» 1973, в Холле, Стюарте и Дэвиде Морли. Основные очерки. Дарем: издательство Duke University Press, 2019. Печать.

[10] См. Луи Альтюссер «Идеология и идеологический государственный аппарат: заметки к расследованию» 1970 г., доступно по адресу https://www.marxists.org/reference/archive/althusser/1970/ideology.htm. Антонио Грамши «Тюремные тетради» 1929–1935 гг., Доступно по адресу https://www.marxists.org/archive/gramsci/prison_notebooks/.

[11] См. Дженнаро, Стивен. «Делаем детей сексуальными: сексуализированная молодежь, беспокойство взрослых и Abercrombie & Fitch» Red Feather: Международный журнал детской визуальной культуры 1 (1) (2010): 56–72.

[12] Дженнаро, Стивен. «Приобретение канадской подростковой идентичности: ИКТ, американские СМИ и потребление торговых марок». Международный обзор социальных наук 80.3 / 4 (2005): 119–136.

[13] Дженнаро, Стивен. «Слышать подлинный голос ребенка: учеба детей в Йоркском университете». Вестник Общества истории детства и юношества, зима 2008 г., № 11.

[14] Дженнаро, Стивен. «Глобализация, история, теория и письмо». Вестник Общества истории детства и юношества, зима 2010 г., № 16.

[15] Смит, Линда Тухиваи. Методологии деколонизации: исследования и коренные народы. Лондон;: Zed Books, 1999. Печать.

[16] Приведенные ниже идеи дополнительно исследованы в совместно редактируемом сборнике: Дженнаро, С. и Миллер, Б., ред. Молодежь и социальные сети: современная детская культура в цифровом пространстве(–ах). Вернон Пресс, 2021 год.

Доктор Стив Дженнаро

ОТ МИФОЛОГЕМ К ИДЕЯМ КАК ОСНОВО-ПОЛАГАЮЩИМ ЭЛЕМЕНТАМ ФОРМИРОВАНИЯ СУБКУЛЬТУРЫ

АВИ НАРДИЯ

Эксперт по безопасности, мастер боевых искусств, основатель оборонительного боевого искусства КАПАП.

Общая позиция заключается в том, что культура — это более широкая структура по отношению к другим концепциям, которые мы помещаем в тему этого резюме, а посему начнем с определения культуры. Культуру можно определить как совокупность образа жизни общества. Члены общества учатся и разделяют общую культуру. Однако понятие культуры очень сложное. Слово «культура» используется в социологической и повседневной лексике по-разному. Во всех отношениях культура явно или неявно противоположна природе. Все, что люди производят или делают, является культурой, и все, что существует или возникает без вмешательства человека, является частью мира природы. **Ральф Линтон определяет культуру**:

> «КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА — ЭТО ОБРАЗ ЖИЗНИ ЕГО ЧЛЕНОВ; СОБРАНИЕ ИДЕЙ И ПРИВЫЧЕК, КОТОРЫМ УЧАТ, ДЕЛЯТСЯ И ПЕРЕДАЮТ ИЗ ПОКОЛЕНИЯ В ПОКОЛЕНИЕ».

По мнению Т. Парсонса, человеческое общество невозможно без общей культуры. Это позволяет людям общаться, понимать друг друга и действовать в соответствии с общими целями. Существование общей культуры является функциональной предпосылкой выживания любого общества.

Культура как основополагающий принцип организации социальной жизни представляет собой систему общих руководящих принципов, согласно которым люди управляются, потому что без руководящих принципов общество не могло бы ни выжить, ни функционировать. Его бы не существовало. Если **культура — это «образец приверженности членов определенного общества»**, то автохтонная, эксклюзивистская культура, которой «придерживаются члены общества», влияет на создание закрытого социального порядка, который, как правило, является консервативным и авторитарным, это отражение самопонимания, самовосприятия своей этнической общности, это отражение коллективных идей, коллективной «памяти». Погруженные в свою национальную культуру, люди

ищут ответы, сформулированные в их собственном прошлом. Нет сомнений в том, что сегодня миф находится в центре теоретического интереса из-за того простого факта, что ни один феномен современной культуры не может быть понят без осознания значительного присутствия мифа. Многие авторы признают, что переход от мира мифов к миру рефлексивного мышления был решающим шагом в европейской цивилизации. Однако с абсолютизацией разума сама жизнь человека стала беднее, и то, что раньше давало надежду, было утрачено. Миф, также, играет очищающую роль. **В мифе представлены три важнейшие функции человека:** религиозная, познавательная и эстетическая. Благодаря этому объединяющему синкретическому характеру мифа мы можем понять, почему миф является доминирующей формой всей духовности людей ранних культур и инициатором моральной и цивилизационной деятельности.

В нашей культуре есть несколько примеров того, как поднимать собственное мифологизированное прошлое. А затем следует политический пересмотр прошлого. Проще говоря, гражданам предоставляется окончательный отчет о политическом и культурном истеблишменте. Значительная часть нашей культуры ищет свое будущее, копаясь в прошлом, руководствуясь верой в свою исключительность по отношению к другим культурам. В двадцатом веке был большой интерес к изучению политических мифов, например, от фашистских идеологий, гражданской демократии до других мифов, возникший из различных политических дискурсов.

Период после Второй мировой войны был периодом великих потрясений, когда традиционные образы жизни были устранены и заменены новыми. Развитие средств массовой информации, изменения в структуре и ролях семьи, свободное время, работа, учеба — все это послужило созданию серии маргинальных дискурсов внутри культуры.

Научный подход к субкультуре появился только в 1920-х годах, когда группа социологов и криминологов в Чикаго начала собирать материалы о молодежных уличных бандах и девиантных группах (преступниках, контрабандистах и т.д.). С этой точки зрения субкультура портретируется как независимый организм, функционирующий вне более широких социальных, политических и экономических рамок.

В последние десятилетия изучение памяти и изучение мифов приобрели известность в социальных и гуманитарных науках. Исследования памяти исследуют способы запоминания и воображения прошлых и настоящих явлений. Изучение мифов исследует способы, которыми определенные представления и идеи становятся правдой. **Субкультуры строятся не только вокруг общих страстей и интересо**в — будь то музыка, политика, но и общие истории, воображение и воспоминания. Реальность, в которой мы живем, передается через язык, и она выживает, передаваясь через различные рассказываемые истории. Центральная роль повествования в организации, поддержании и передаче знаний о нас и мире подчеркивается в нескольких местах Джеромом Брунером, когда он говорит, что:

> «МЫ ОРГАНИЗУЕМ НАШ ОПЫТ И НАШИ ВОСПОМИНАНИЯ О ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ В ОСНОВНОМ В ФОРМЕ ПОВЕСТВОВАНИЙ — ИСТОРИЙ, СЛУЧАЕВ, МИФОВ...»

Миф — это форма повествования, а в последнее время повествование рассматривается как новый вид автобиографического проекта: психологи осознали, что важно иметь дело с историями и тем, как они формируют личность человека. Эта тенденция особенно ярко проявляется в современную эпоху, когда жизнь рассматривается как определенная повествовательная структура, как сюжет, где человек становится актером, который занимает центральное место и играет важную роль в повседневном построении и реконструкции своего личного повествования.

В каждой культуре есть нарративы, которые являются доминирующими и навязываются как нарративы, определяющие желательные формы убеждений и поведения. Культурные или субкультурные

ОТ МИФОЛОГЕМ К ИДЕЯМ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИМ ЭЛЕМЕНТАМ ФОРМИРОВАНИЯ СУБКУЛЬТУРЫ

нарративы влияют на придание значения определенным событиям в жизни людей. Из множества событий выделяются те, что вместе с другими важными нарративами создают нарратив одной культуры или субкультуры. Большинство людей принимают этот взгляд на мир и доминирующую истину как составные части своей идентичности, **но со временем такие доминирующие структуры начинают терять свою силу в свете сомнения в их способности дать удовлетворительный ответ, когда дело доходит до понимания личной идентичности. Эти структуры заменяются более гибкими, относительными, которые пересматривают прошлое и знания и пересматривают существующие нормы.** Такие структуры несут в себе новый вид социального нарратива и отстаивают, что знание относительно как социально, так и политически обусловлено и что оно связано со структурами власти, а **наука является лишь одним из возможных способов познания мира.**

В свете нового положения человека в мире, который является неопределенным, неоднозначным и неопределенным, возникает вопрос о подлинности идентичности, то есть подлинности повествования. **Повествование имело воспитательное значение, давало человеку чувство принадлежности и безопасности, и только некоторые люди могли быть рассказчиками.** Они обладали способностью связывать обычного человека с миром гигантов, героев, которые боролись со злом, проявляли сверхчеловеческие способности и совершали героические поступки, соблюдая высокие этические стандарты, защищая слабых и борясь за общее благо. Вместо этого, мир современного человека соткан из нарративов корпораций, которые превращают рыночную экономику в мета-нарратив и манипулируют инстинктами и эмоциями.

Ави Нардия

СПОСОБЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АТРИБУТОВ И СИМВОЛОВ СУБКУЛЬТУР

ДЕРЕК РИДЖЕРС

Британский фотограф, известный своими фотографиями музыки, фильмов и клубной / уличной культуры

Я должен сразу заявить, что когда я начал то, что оказалось моим фотографическим исследованием британских молодежных субкультур, оно было совершенно незапланированным и очень неформальным. Во-первых, это не было исследование или проект. Я не антрополог и не социолог. На тот момент я даже не был фотографом. Я был просто офисным работником с 35-миллиметровой камерой. На тот момент даже не особо увлеченный любитель. Честно говоря, когда я начал фотографировать британские молодежные субкультуры в 1976 году, это была просто возможность сделать несколько снимков. Легкий вариант. С таким же успехом это могла быть любая социальная подгруппа, которая позволила бы мне фотографировать их — городские банкиры, строительные рабочие, бездомные, танцоры Морриса или практически кто угодно.

Для меня это просто панки. И причина того, что это были панки, заключалась в том, что я был большим меломаном. Каждую неделю я ездил на концерты по Лондону, фотографировал группы, которые видел, и в 1976 году появился панк. Панк-рок-группы и их фанаты начали появляться на многих концертах, на которые я собирался. Так что на самом деле это был просто **фотографический оппортунизм**. Для начала у меня не хватило смекалки сфотографировать панков. Я был слишком застенчивым и не знал, как они отреагируют. Полагаю, как и большинство людей, я предполагал, что они будут агрессивны и что их будет трудно заставить согласиться на фотографирование. Оказалось, что это совсем не так. Я как бы заставил себя набраться смелости, и панки, к которым я подошел, отреагировали хорошо. Я сделал несколько их фотографий, и это отправило меня в фотографическое путешествие, охватывающее шесть десятилетий.

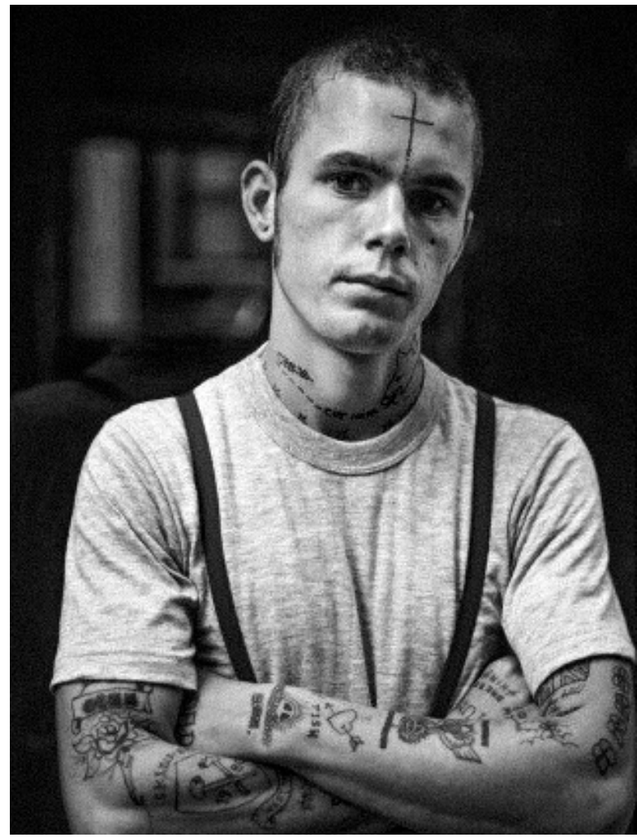
Тем не менее, я уверен, что вначале у меня возникло опасение, почему так много других фотографов не решили снимать их в первые дни. К 78/79 году шокирующий элемент панка сошел на нет, многие другие фотографы присоединились ко мне в этом особом случае, и можно было даже увидеть небольшие группы панков на **Пикадилли-Серкус** и на **Кингс-роуд**, снимающих деньги с туристов, которые хотели сфотографировать. их. Полагаю, мне повезло, что я забрался туда рано. Многие из моих фотографий ранних панк-роке-

ров были выставлены и опубликованы, и после этого я начал относиться к своей фотографии более серьезно. Я решил закрепить свою новую «карьеру» и поискать другую молодежную субкультуру, на которой я мог бы сосредоточить свое внимание на фотоаппарате. Сначала скинхедов не выбирал: на тот момент я даже не знал, что они существуют. Конечно, я знал о скинхедах 1960-х годов. Будучи подростком, который носил очки, я изо всех сил старался их избегать. В 1960-х их сначала называли «Арахисами», а не скинхедами в той части Западного Лондона, в которой я вырос. Но я фактически не видел ни одного костяного арахиса / скинхедов примерно с 1969 года. Я думал, что это аспект молодежной субкультуры полностью вымер.

Однажды вечером я был в маленьком ночном клубе Сохо и фотографировал кучу красочно одетых детей, которые были частью группы, которая вскоре стала известна как **«Новые романтики»**. Другая небольшая группа молодых людей увидела, что я делаю, подошла ко мне и спросила, не хочу ли я их тоже сфотографировать. Я сделал. Они были одеты почти так же, как скинхеды, которых я видел в конце 60-х. **Подтяжки, большие ботинки, брюки Sta-Perst** или **Levis**, **рубашки Ben Sherman или Fred Perry** и, конечно же, **очень короткие волосы**. Они казались достаточно дружелюбными. Немного шумны, но совсем не агрессивны.

В тот момент я действительно подумал, что это может быть группа студентов, изучающих моду или искусство, переодевающихся скинхедами. Я не мог ошибиться больше. В разговоре с ними они спросили меня, не хочу ли я сопровождать их в их следующую поездку на побережье, проводимую каждые два года. Они сказали, что там будут сотни их друзей-скинхедов, и я смогу сделать отличные фотографии. Конечно, я искал отличные фотографии, поэтому с готовностью согласился. Только когда я встретил их и их друзей в тот день на вокзале **Фенчерч-стрит** в лондонском Ист-Энде и начал по-настоящему разговаривать с ними, я понял, что они вовсе не изучающие искусство модные студенты. Они были настоящими! По пути в Саутенд многие из них стремились обратить меня в свою веру и рассказать мне о своих политических и социальных взглядах.

Я был шокирован. На самом деле «испуганный» было бы более точным словом. Я очень хорошо помню, как думал: **«Боже, люди должны услышать хоть кое-что из этого»**. Именно тогда родился мой проект. В тот момент. Я не собирался брать интервью у кого-либо из них, но теперь знал, что должен. Я полагаю, они могли предположить, из-за моего очевидного интереса к ним, что я был репортером или представителем СМИ. Я, конечно, не вводил их в заблуждение по этому поводу; они действительно не казались особенно любопытными относительно того, кем я был на самом деле.

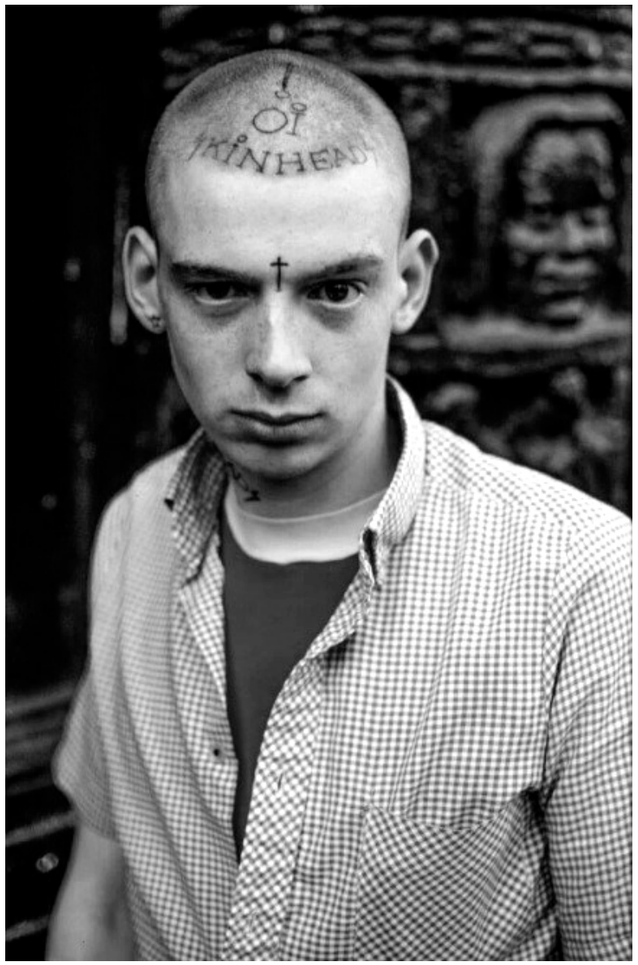


Скинхеды, с которыми я встречался и болтал в тот день, и примерно через шесть месяцев после этого, когда я записал на ленту полноценные интервью — у всех были очень мрачные и негативные социальные взгляды. Они с самого начала ясно дали мне понять, что не любят геев, иммигрантов, иностранцев, цветных людей, евреев, политиков, полицию, СМИ, средний класс и иногда даже своих родителей. Они определенно не любили панков, модников или любую другую британскую молодежную субкультуру. Единственные люди, которые им действительно нравились, были другие скинхеды. Примерно через десять минут в одном из моих первых разговоров в поезде до Саутенда я услышал о:

«ГРЯЗНЫХ, ЛЕНИВЫХ ИММИГРАНТАХ, КОТОРЫЕ ПРИЕЗЖАЮТ СЮДА И ЗАБИРАЮТ НАШИ РАБОЧИЕ МЕСТА».

Я должен прямо здесь заявить для протокола, что за годы, прошедшие с тех пор, как я сделал свои фотографии (которые в конечном итоге растянулись на период с 1979 по 1984 год) и дал интервью, я узнал, что не все скинхеды придерживались таких крайних взглядов. Теперь я это знаю. Из множества личных бесед, а также из прослушивания таких людей, как Дон Леттс и Гэвин Уотсон. Я очень рад признать, что это именно так.

Однако для меня также важно сказать, что в то время мне казалось иначе. Более того, как только кто-то смог немного «поцарапать поверхность», он обнаружил BAME-скинхедов, скинхедов, которые были белыми, но совершенно очевидно не британцами, геев (но не обязательно из них) скинхедов, скинхедов среднего класса и даже одного или двух еврейских скинхедов. Казалось, что их приняли другие скинхеды. Что казалось главным, так это то, что они были скинхедами и разделяли (по большей части) одну и ту же идеологию. Я поговорил с несколькими BAME-скинхедами и спросил их о расизме. Их отношение всегда было таким, что они сами в порядке,



а те люди совсем другие. Всегда был кто-то другой национальности или пигментации, который им не нравился. Кто-то, находящийся ниже по социальной иерархии, как они это видели. Впервые я встретил скинхеда, который явно не был расистом и был политически левым, в 1983 году. Во время работы **в музыкальном журнале NME** я встретил **Криса Дина из группы The Redskins**. У меня нет никаких сомнений в том, что я, вероятно, встречал других людей с подобной точкой зрения раньше, но они по какой-то причине предпочли оставить свои взгляды при себе.

Никто не должен верить мне на слово, потому что почти все скинхеды в тот период, когда я их снимал, невербально заявляли о своей точке зрения с помощью значков на одежде (в основном футболок) и татуировок. Это видно на моих фотографиях. И салют **Sieg Heil был повсеместным**. Я вырезал большую часть **Зиг Хайлинга** из фотографий, которые разрешал публиковать за эти годы, но это все осталось на контактных листах. Я предполагаю, что подавляющее большинство сфотографированных мной скинхедов демонстрировали какое-то невербальное выражение своего мнения. Часто это также связано с их музыкальной принадлежностью, а не только с их социальными и политическими взглядами. В конце концов я дал около дюжины записанных на пленку интервью, отрывки из которых были расшифрованы и распечатаны и выставлены вместе с фотографиями **на моей выставке «Скинхед» в Chenil Gallery в Челси (1980 год)**. Записи в Книге посетителей выставки существуют как еще одно свидетельство того, как вещи были представлены в то время. Сообщения в основном очень односторонние, но есть и очень грустные, и острые.

С тех пор я неоднократно критиковал эту работу. Хотя, надо сказать, редко получал критику от самих скинхедов. Народная критика была двоякой: люди либо думают, что я апологет / защитник скинхедов и, по крайней мере, подсознательно продвигаю их расистскую и жестокую идеологию. Или они думают, что я был очень настроен против скинхедов и просто пытался представить их в худшем свете. Ни одна из этих точек зрения не верна. Я просто пытался быть объективным и говорить правду. Я хотел, чтобы мои фотографии и связанные с ними материалы говорили сами за себя, без чрезмерного вмешательства с моей стороны. Только за годы, прошедшие с тех пор, я понял, что **настоящая объективность невозможна**. Я тогда просто этого не осознавал, будучи просто любителем, когда занимался этим.

Несколько слов о моем подходе, который, казалось, работал хорошо и защищал меня (хотя я обязан сказать, что в последнем аспекте было немало удачи). Мой подход был довольно сдержанным, но всегда очень прямым. Я всегда подходил к кому-то и разговаривал с ними точно так же, как с кем-нибудь еще. Я всегда был вежлив, разговаривал мягко и хотел, чтобы скинхеды увидели, что я искренний. Когда меня спрашивали скинхеды, почему я хочу их сфотографировать, я отвечал, что хочу устроить выставку. Я никогда ничего особо не добавлял к этому.

Я ВСЕГДА ГОВОРИЛ ИМ САМЫЙ МИНИМУМ, КОТОРЫЙ, КАК МНЕ КАЗАЛОСЬ, МОГ МНЕ СОЙТИ С РУК, ПОТОМУ ЧТО Я НЕ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ ОНИ ПРЕДУГАДЫВАЛИ МЕНЯ ИЛИ ДАВАЛИ МНЕ ТО, ЧТО, ПО ИХ МНЕНИЮ, Я МОГ ХОТЕТЬ.

Некоторые из них спрашивали меня, работаю ли я с полицией или с газетами. Я разубедил их в этом, и они, казалось, всегда принимали мое слово. Всякий раз, когда какой-либо скинхед спрашивал меня о моих политических или социальных взглядах, я отвечал им честно, но настолько кратко, насколько считал приемлемым. Моя политика в то время была твердо левой. Я был оплачиваемым активным членом Лейбористской партии все время, пока фотографировал скинхедов. Очень немногие из скинхедов, которых я встречал, были глупы. Я думаю, они могли в общих чертах сказать, каковы были мои взгляды, без необходимости объяснять это. Я ни в коем случае не альфа-самец, но меня нелегко запугать. В любом групповом разговоре 95% времени я слушаю. У меня нет татуировок, я ношу очки, а в зимние месяцы ношу дафлкот. Летом рубашка с открытым воротом, кардиган и джинсы. Я был таким тогда и, полагаю, до сих пор одеваюсь так же.

Я мало ругаюсь. Некоторые скинхеды говорили, что я не такой, как они, потому что я недостаточно ругался.

Я всегда дружил со скинхедами, которых встречал, но на самом деле я не хотел становиться чьим-либо другом. Я хотел быть внимательным и сохранять профессиональную дистанцию. Я не из тех, кто любит «клубиться», и знаю, что недостаточно улыбаюсь.

Я упоминаю здесь свой характер и внешность только потому, что мой подход, кажется, сработал.

Фотограф Ник Найт, когда он фотографировал скинхедов примерно в то же время, что и я, был одет как скинхед. **Гэвин Уотсон был скинхедом**, когда тоже делал свою работу. Эти подходы, должно быть, сработали для них. Итак, horses for courses, я думаю — каждому подходит что-то свое. Для фотографа личность также является важной частью уравнения.

ЛИЧНО Я СЧИТАЮ, ЧТО ВАЖНО НЕ ПОЗВОЛЯТЬ СВОЕМУ ПРИСУТСТВИЮ СЛИШКОМ СИЛЬНО ВЛИЯТЬ НА СИТУАЦИЮ, НО ВЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРЯМОЛИНЕЙНЫМИ И ОЧЕНЬ ЯСНЫМИ В ТОМ, ЧЕГО ВЫ ХОТИТЕ.

Бывают моменты, когда вы можете стоять на обочине и пытаться стать невидимым, а в других случаях вам нужно подходить вплотную к чьему-то лицу. **Всегда нужно выбирать подходящий момент.**

Когда я хотел сфотографировать, я почти всегда сначала спрашивал, нормально ли это. Казалось, они никогда не возражали. Если бы я хотел делать более откровенные фотографии, я бы все равно был в этом довольно очевиден. Мой подход никогда не был хитрым или скрытным. Я никогда не прятался за мебелью.

Все остальное время я держал фотоаппарат в сумке. Несколько раз, когда я был в пабе или клубе и чувствовал опасность, я сразу же уходил. Я никогда не задерживался достаточно долго, чтобы узнать, верно ли мое ощущение или нет. Я всегда старался четко осознавать, что происходило вокруг меня, и что происходило позади меня или вне группы, которую я непосредственно фотографировал. Если бы я видел кого-то, кто, как мне казалось, мог смотреть на меня или говорить обо мне через комнату, я обычно воспринимал это как сигнал к выходу. Если все становилось слишком шумно или слишком пьяно, это тоже было моим временем для возвращения домой. Тем не менее, пока я был со скинхедами, я практически не видел боевых действий и, тем более, серьезного насилия. Много веселья и хулиганства, но тогда все подростки были такими. Единственные бои, которые я видел, были во время государственных праздников на берегу моря, и обычно они заканчивались очень быстро. Я был близок к тому, чтобы быть избитым скинхедами лишь в нескольких случаях, и почти каждый раз, кроме одного, мне помогали и спасали другие скинхеды. Мне нравились некоторые скинхеды, несмотря на их ужасающие взгляды. Некоторых было очень трудно не любить.

Я ДУМАЛ, ЧТО БОЛЬШИНСТВО ИЗ НИХ БЫЛИ В ОСНОВНОМ ПОРЯДОЧНЫМИ ДЕТЬМИ, КОТОРЫХ ОБМАНУЛИ И СИЛЬНО ДЕЗИНФОРМИРОВАЛИ. ДЕТИ, КОТОРЫЕ ВЫРОСЛИ В ОЧЕНЬ ТРУДНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ И ЛИБО НЕ ПОЛУЧИЛИ ПОДДЕРЖКИ СО СТОРОНЫ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ, ЛИБО БЫЛИ ИСКЛЮЧЕНЫ, ЛИБО ИНЫМ ОБРАЗОМ ПОДВЕРГЛИСЬ МАРГИНАЛИЗАЦИИ ШКОЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ. Я НЕ МОГ БЫ ПРОВОДИТЬ С НИМИ СТОЛЬКО ВРЕМЕНИ, ЕСЛИ БЫ МНЕ НЕ НРАВИЛИСЬ НЕКОТОРЫЕ ИЗ НИХ. Я НЕ МОГУ ОБЪЯСНИТЬ ЭТОТ АСПЕКТ. МОЖЕТ, МНЕ ИХ СТАЛО ЖАЛКО.

Я бы не рекомендовал свой подход другим. Когда я начинал, я был очень наивен и понятия не имел, во что ввязываюсь. Если бы я знал тогда то, что знаю сейчас, я бы не начал.

Я надеюсь, что этот материал имеет некоторую ценность, но это теперь решать другим.

Дерек Риджерс

NEIL, 19, FROM CATFORD.

DR Do you find it easy to get on with people?
N Yeah, I do. I'm prepared to go out of my way to get to know someone an' that.
DR Have you ever been in trouble with the police at all?
N Well, I've been in trouble quite a lot with the police, I've been arrested twice and had to go to court twice. Both involving sort of racial incidents but I've got off with both of them. And I was on a sort of a wanted list at one time around my area 'cos I got involved in a big fight and got me neck slashed and er, I sort of injured some bloke who had done me neck. He was in intensive care for a couple of weeks and I was sort of wanted by the police for questioning and that. But they never found me.
DR Yeah, are they still looking?
N No. That was when I was first a skinhead, you know, it was the same night, the first day I was a skinhead. I got in trouble that night.
DR You got into the swing of things pretty quickly.
N Yeah, very swift.
DR Apart from that have you ever hurt anybody really badly?
N Apart from him, no, just sort of general pub type fights, you know and late night sort of fighting. On streets, you know, people starting fights but I've never really gone out of me way to start fights. I prefer just to have a good time and a good drink, you know.
DR Has anyone close to you ever been hurt?
N I think most skinheads I know have had an injury, a pretty bad injury, through fighting. I don't think there's any skinhead I know who hasn't been in what they'd call a serious fight, you know, and injured.
DR Does it bother you?
N I think it's liable to happen to anyone, anyone could get stabbed outside a pub any night. That's the way it is nowadays.
DR Some people would probably describe you as a thug.
N I'd call them ignorant. Because I'm part of a cult that's known as being violent it doesn't mean that I'm violent.
DR Do you consider that you are violent?
N Umm, potentially violent, but I'm not, you know. If you met me in a pub and you started to talk to me you wouldn't think I was a skinhead, like in this interview, I don't think I sound like a skinhead.
DR Are you trying not to sound like a skinhead?
N No, I'm talking the way I usually talk. But, er, I like to suprise people with me intelligence. They immediately think oh, he's a skinhead so he's going to be like that Dick Emery character in, you know, the Dick Emery Show, you know, the skinhead. But I'm not, I like suprising people with me intelligence.

ЖИЗНЬ И МЫШЛЕНИЕ СКИНХЕДОВ В ГЛАЗАХ ФОТОГРАФА ГЭВИНА УОТСОНА

ГЭВИН УОТСОН

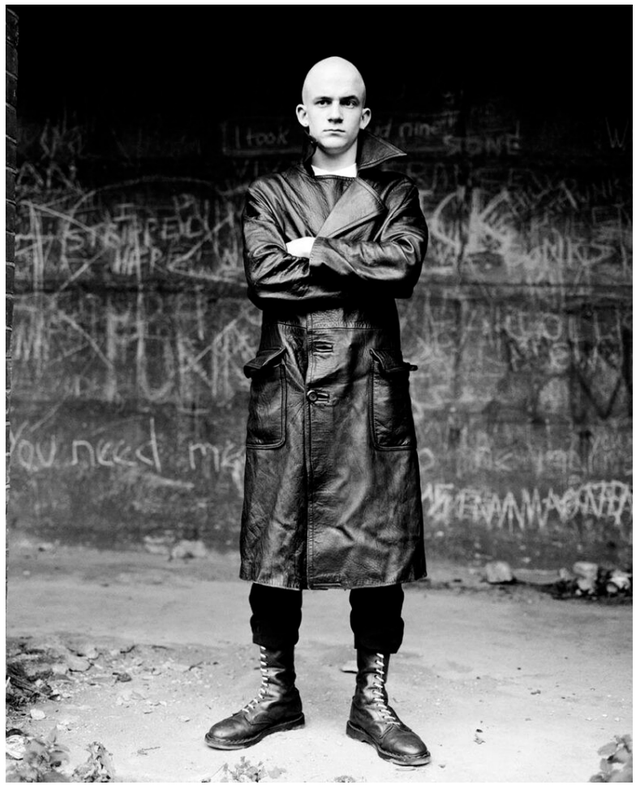
Британский фотограф, прославившийся своей документацией скинхедов и рэйв-субкультур

Я был застенчивым ребенком, живущим в своем собственном мире фантазий, который был намного более захватывающим и в некотором смысле более реальным, чем моя реальность, которая была, прямо скажем, «не очень». Дислексический, болезненно застенчивый; неприятности в доме, несчастные родители. Когда я рассказываю о своем детстве некоторым из моих товарищей, они мгновенно реагируют на это: **«Это не могло быть так уж плохо»**, и потом рассказывают мне, какое блестящее детство у них было, и сколько злоупотреблений общество передало нашим родителям, но это не повлияло на них вообще — говорят они, затягиваясь своим косяком, отхлебывая пиво и заводя историю о своих последних отношениях, которые разрушились.

Когда я оглядываюсь на дни своего детства, я вспоминаю, что самыми счастливыми (и то же самое у моих друзей) были те, которые я провел с друзьями вдали от дома и тяжелой домашней атмосферы. Именно в одну из тех ночей начинается вся эта история о скинхедах. Я гулял с друзьями, причиняя вред и хаос в Хай-Викомб темным октябрьским вечером, рыскал в мусорных ведрах Вулворта и **играл «Он» (также известный как «Тэг» или «Тин Тан Таллио»)** на многоэтажной автостоянке в центре города. Нас было около двадцати, все дворняги из довольно мрачного округа под названием Миклфилд к востоку от Хай-Уиком. Мне было всего четырнадцать.

Я и не подозревал, что этим вечером должно произойти что-то, что навсегда изменит мою жизнь. Я вошел, как обычно, снял обувь у задней двери (одно из железных правил мамы) и вошел в гостиную, где мама сидела в своем любимом кресле, а папа — в своем. Шел **Top of the Pops**, играла группа, группа молодых парней прыгала под мелодию, подобную которой я никогда раньше не слышал. Я был потрясен, а затем потрясен, влияние этой группы на меня было невероятным. Кто они? Как их зовут? Мне сейчас нужна эта запись. Я должен это иметь. Как я выяснил, группа называлась **Madness**. На следующее утро, кажется, я стащил фунт где-то в доме перед уходом в школу. Там все мои друзья говорили о «Безумии». Появлялись разнообразные слухи и предположения о том, кто они такие. **Это были моды? Янки? Панки? Никто не знал**. После школы я пошел прямо в «Вулворт» и купил сингл, который полностью изменил мой образ жизни и отправил меня в невероятное путешествие. Я проиграл эту пластинку до смерти, пока бороздки практически не стерлись, и я был на грани того, чтобы моя семья повесила, потянула и четвертовала меня. **Пластинка называлась «Принс»**; был 1979 год.

Споры о том, какое место занимает «Безумие», продолжались. Активные подростки-исследователи собрали бесчисленные источники, и постепенно сложилась общая картина группы. Хотя они являются частью сцены возрождения **Two Tone / Mod**, их влияние и имидж сильно перекликаются с культурой скинхедов конца шестидесятых. **«The Prince» — это дань уважения ямайской легенде блюбитов и иконе скинхедов Принсу Бастеру.** Альтернативной стороной **«A»** сингла стала кавер-версия песни **Принса Бастера «Madness»**, которая вдохновила группу на выбор названия. Стало выясняться, что **Madness** на самом деле больше похожа на группу скинхедов, чем на любую другую группу.



Я определенно почувствовал это и очень скоро стал скинхедом после того, как обнаружил их. Я стал скинхедом из-за музыки и внимания, которое мне уделяли, особенно со стороны девушек. Я любил танцы, музыку и девушек, и там, казалось, было все: **Madness** полностью говорил со мной о моей среде, в которой росло новое многокультурное поколение детей: пакистанских, польских, ямайских, ирландских и так далее…

То, что я был скинхедом, также привлекло меня к **музыкальному стилю Oi!**, потому что **он был напрямую ориентирован на движение скинхедов**.

Первое знакомство, и я уверен, что впервые услышал об Oi! тогда, случилось однажды в субботу, когда в центре города звучала музыка. Я бродил, наткнулся на одного из моих друзей (думаю, это был Шон Тейлор), который взволнованно сообщил мне о последнем музыкальном дополнении к плейлисту скинхедов и отвел меня в небольшой магазин пластинок «НАША ЦЕНА». В музыкальном магазине было полно моих товарищей, которые взволнованно окружали одну из стоек для пластинок и передавали альбом с желтой обложкой. Я потребовал взглянуть, и это был первый момент, когда мне предстал альбом с изображением Стинки Тернера из «Отверженных кокни», энергично приветствующего мир двумя пальцами. Это был целый альбом музыки, посвященный тому, чтобы быть скинхедами, и группами уличных мальчишек, которые беззастенчиво относились к рабочему классу и гордились этим.

В мире, где скинхеды затронули почти каждого близкого друга, весь район и, казалось бы, всю страну, о нашем культе почти никогда не упоминалось в средствах массовой информации. Если о скинхедах и упоминали, то в крайне негативном свете. Я чувствую, что такое **отношение отрицать все, что трудно понять**, было распространено во всем обществе сверху донизу. Если вы поссорились, вы вышли из-под контроля; если вы хотели секса, вы были извращенцем; если вы хотели быть немного другим, вы были уродом. Казалось, повсюду были скинхеды: они покупали пластинки, поку-

пали одежду, слонялись в бандах, парами, женщинами, от маленьких детей до взрослых. С моей точки зрения, культ, казалось, проник во все части моего мира и, скорее внес, чем нет, свой вклад в развитие общества (у меня был друг-скинхед Крис, который теперь очень богатый изобретатель, он изобрел хитроумное приспособление, чтобы немного облегчить жизнь людям, физически неполноценным, когда он был еще скинхедом). Но в то время скинхедам уделялось столько же внимания СМИ, сколько и конкурсам по выращиванию костного мозга в Сканторпе. Это была музыка и движение, которые были полностью посвящены этому массивному явлению изнутри молодежи, **полностью игнорировавшемуся мейнстримом в надежде, что если они проигнорируют это, мы все уйдем, как хорошие маленькие дети**. Но мы этого не сделали,

и **Oi!-движение** выросло и приобрело всемирное влияние.

Когда у вас есть такие группы, как **Dinosaur JR, цитирующие малоизвестные Oi!** Группы в качестве оказавших наибольшее музыкальное влияние на них, это заставляет вас думать, что в каком-то захолустном городке в Штатах есть дети, с нетерпением ожидающие следующего Oi!-альбома, который им пришлют из Англии. ОЙ! Музыкальная пресса смотрела на него с большой высоты, музыкальные журналисты считали его посмешищем, особенно в середине восьмидесятых, если бы не фэнзины и стойкие сторонники Oi! Возможно, вы ошиблись, что скинхедов и стрит-панка просто не существовало. Но это произошло, и несколько независимых звукозаписывающих компаний обеспечили все еще растущий спрос, особенно за рубежом. Когда эти дети в Америке решили выйти из своих спален и начать свой панк, и Oi!, а затем группы повзрослели, отрастили волосы и приехали в Англию под видом таких групп, как Dinosaur JR, те же самые журналисты наделали в штаны перед новым звуком. Это просто звучало как Oi!-музыка, которую я слушал годами. Если вы хотите добиться успеха, поезжайте за границу, отдайте свой материал кучке неряшливых янки и посмотрите, как они вернутся с тем же материалом через несколько лет и заработают миллион долларов.

«Buster Blood Vessel» из группы «Bad Manners» был единственным певцом в успешной группе, который упомянул слово скинхед в своих песнях «I'm just a Skinhead». Я помню, как из-за таких групп, как **«Cockney Rejects»**, я годами боялся ехать в Ист-Энд, думая, что тебе наверняка ударит по голове, если ты выйдешь из автобуса в Бетнал-Грин. **«Бизнес»** научил нас радостям вождения в нетрезвом виде и познакомил нас с такими пикантными персонажами, как **ГАРРИ МЕЙ** со своим стрелком в багажнике. **«Четыре шкуры»** пели о том, что все копы ублюдки и бросают школу с к черту всех перспектив. **«Петух Спаррер»** требовал: детям нужно бы больше, чем просто мастурбация, чтобы скоротать время. И давайте не будем забывать, что поистине классная группа с текстами, за которые **Боб Дилан** готов был умереть, и мелодиями, которыми гордился бы **Эндрю Ллойд Уэббер**, как вы уже догадались, это единственный и неповторимый **«ПОСЛЕДНИЙ КУРОРТ»** … со **«Smashing every thing up in sight, making old ladies die with fright»**. Для меня и моих друзей стало разочарованием то, что в то время **«Безумие» отрицали свои скинхедские корни из страха перед плохой оглаской**.

Со временем я бросил школу и стал частью еще более тесной банды. Я чувствовал, что **наша мафия из Уикома** отличалась от многих банд скинхедов, поскольку мы были довольно изолированы от остального мира скинхедов, который в начале и середине восьмидесятых был в основном сосредоточен на более правой стороне Oi!-движения. Причина, по которой мы, вероятно, оставались скинами дольше, чем большинство других, заключалась в том, что мы были хорошими друзьями с **Эйденом Стерлингом**, который в то время сыграл очень большую роль в объединении скинов. Родом из Бедфорда, он переехал в Эйлсбери и, благодаря силе своей личности, пользовался большим уважением у всех, кто его встречал. Одно из самых сильных моих воспоминаний об Эйдене было до того, как я действительно стал полноценным скинхэдом и как он повлиял на меня. У меня была стрижка, она отрастала, и мое чутье в одежде оставляло желать лучшего. Я любил «Безумие», но я также был глубоко увлечен — подождите этого — «Гэри Нуман».

Помню, как однажды солнечным летним днем шел из города домой и проезжал мимо магистратского суда. На другой стороне дороги, под полуденным солнцем, стояли трое мужчин, которые резко контрастировали с коричневым стеклянным входом в здание суда. Двое были высокими, безукоризненно одетыми адвокатами в дорогих костюмах, а в центре стоял скинхед, ниже двух адвокатов, одетый в красную рубашку Бена Шермана, безупречно белые Sta-Press, Crombie и вишнево-красные Doc Marten's. Что меня сильно поразило, так это то, насколько гордыми и достойными выглядели скинхеды между этими двумя, очевидно, очень профессиональными, уве-

ренными и успешными мужчинами. **Как он стоял на своем в выбранном им образе жизни.** Он был скином, но также и самим по себе человеком, и в тот момент он, казалось, председательствовал над этими двумя мужчинами. Между этими мужчинами не было существенных различий, несмотря на очевидный, поверхностный контраст. Все они выглядели великолепно в своих мирах. Эта память одна из самых отличных от моих ранних дней со скинхедами, сцена, которая вошла в мою память так же точно, как свет на негатив.

Я помню, как на Королевской свадьбе (Чарльз и Ди) встретил некоторых бритоголовых из Лондона постарше и спросил их, почему они больше не скины. Они сказали, что были скинами в 78-м, и теперь для них все кончено. В их глазах это была «старая шляпа». Я был шокирован. Для меня и моих друзей быть скинхедом было внове, и мы считали, что это на всю жизнь. Я был так увлечен тем, что был скинхедом, для меня это было окончательно. Любой, кто отращивал волосы для работы, учебы, девушки или чего угодно, имел в моих глазах серьезные умственные отсталости. Я был очень разочарован и не мог понять, как можно больше не быть скинхедом, если такой шаг был сделан. Я искренне верил, что это образ жизни.

> *Скинхед — это не только одежда и стиль, но и нечто невероятно глубокое.*

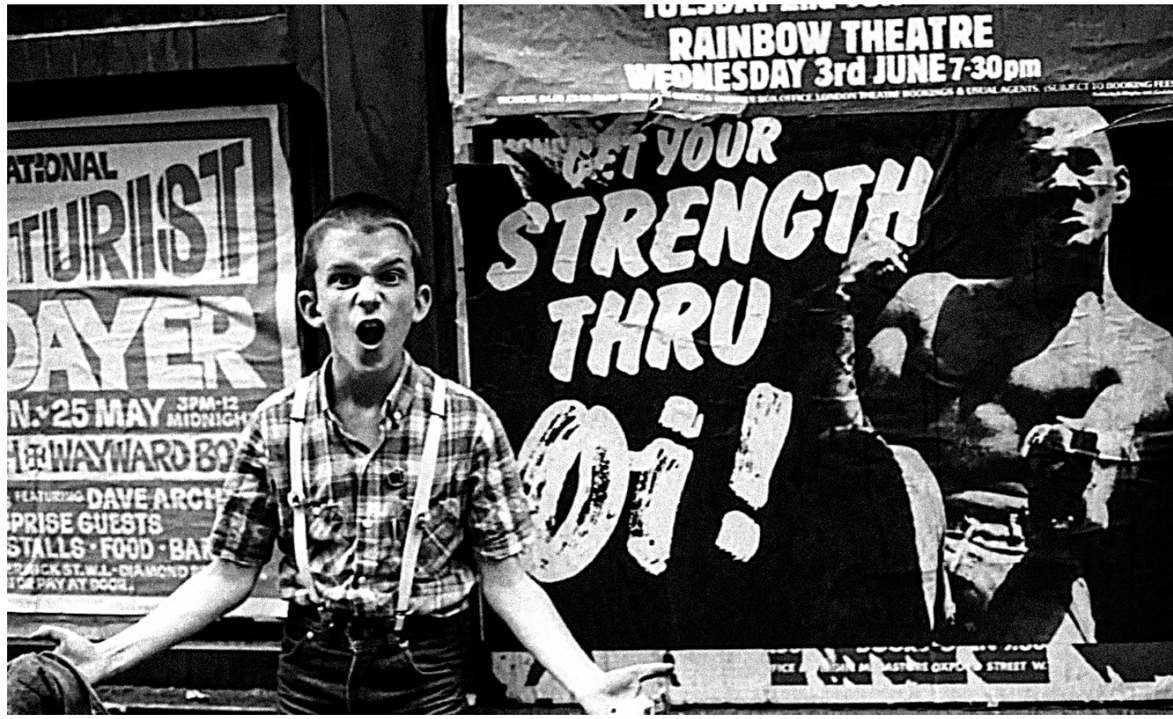
Я чувствую это даже сегодня. Спустя годы, потраченные на попытки понять себя, свои поступки и жизнь, я до сих пор не понимаю, что такое неопределенное значение быть скинхедом. Социология, антропология и психология могут предложить некоторые ответы, но я все же верю, что есть необъяснимая духовная и мистическая часть того, чтобы быть скинхедом. Это похоже на влюбленность: вы просто не можете объяснить это или сформулировать это красивым, аккуратным определением, чтобы лучше контролировать себя.

Я всегда чувствовал, что быть скинхедом было далеко за пределами моего личного выбора. Часто на протяжении многих лет я мельком видел себя в витринах магазинов и думал:

> *«Кто, черт возьми, этот бандит?»*

То, как я чувствовал себя внутри, сильно контрастировало с моим внешним видом. Я все еще считал себя застенчивым, чувствительным человеком, но, оглядываясь назад, я также был глубоко неуверен в себе и очень зол. **Всегда в обороне, напряженный, с достаточной энергией, чтобы запустить электростанцию. Я презирал всякую власть, но сам был довольно авторитарным. Полный сложностей и противоречий. Все это должно было где-то произойти. Я слава богу, что у меня хватило ума сфотографировать и излить хотя бы часть этого беспокойства в форму искусства**, а не просто агрессивничать, попасть в неприятности со Старым Биллом, драться между бандами, грести с моими подругами и вообще стать социопатом. На самом деле, не всегда было так плохо. Большая часть времени, проведенного в банде скинхедов, означала просто сидеть без дела, пить пиво и выливать всякую мочу изо всех и вся, болтать дерьмо и утомлять наших подруг до смерти старыми военными историями, которые произошли много лет назад, а некоторые из них никогда не происходили.

Лондонский Ист-Энд был духовным домом скинхедов. Мы по-деревенски хрустели морковкой и считали, что лондонские скины были самыми трудными подонками, когда-либо ходившими по земле. Я помню, как пошел в Last Resort, единственный в Лондоне магазин чистых скинхедов в то время, с моими мамой, папой и Невиллом. Вид всех этих монстров вкупе с методами продаж «Последних курортов» (вайб «купите что-нибудь, иначе вы не выйдете из этого магазина живым») останутся со мной до конца моей жизни. Мы с братом, будучи туристами, купили футболки скинхедов и были в восторге от посещения Мекки скинхедов, полной настоящих ребят Ист-Энда, тех, что из **книги Никс Найтс «SKINHEAD»**. Книга, которая мне никогда не нравилась, потому что я чувствовал, что делал лучшие фотографии, даже когда мне было всего пятнадцать.



К тому же он не был настоящим скином, просто прыгнул на подножку. С моей стороны, действительно «кислый виноград». Но, оглядываясь назад, его **книга «Скинхед» была единственной современной точкой отсчета**, которая была у меня, моих товарищей и всех остальных скинхедов в то время. Без книги Ника Найтса литературы о выбранном нами пути было бы еще меньше. Пока он не опубликовал эту книгу, это были только вырезки из негативных новостей и архивные материалы конца шестидесятых. Думаю, я даже не видел копию **«Скинхеда» Ричарда Аллана**, пока мне не исполнилось восемнадцать.

Что меня поражает, так это то, насколько неуверенны мы все были, я имею в виду всех нас, девочек, мальчиков, черных и белых. Нет реальных образцов для подражания, очень мало мудрых взрослых, которые могли бы дать совет. С четырнадцати лет у меня всегда было очень сильное чувство, что я был сам по себе, когда дело доходило до этого. Мир, в котором я жил, настолько невероятно отличался от моих родителей и окружающих меня взрослых, что я жестко отрицал, когда мне говорили, что делать, люди, у которых для меня не было опыта, о котором можно было бы говорить. Строка в песне «FOUR SKINS» гласит:

> *«Ты мог бы быть разнорабочим или офисным клерком, ты не поверишь тому, что я видел, а мне всего семнадцать, какой чудесный мир, какой чудесный мир это».*

Эта фраза действительно говорила со мной, у меня всегда было ощущение, что к восемнадцати годам я прожил довольно необычную и насыщенную жизнь.

Гэвин Уотсон

РАМКИ МОЛОДЕЖНОГО ЖИЗНЕННОГО КУРСА

ФИЛ КОЭН

Британский теоретик культуры, городской этнограф, общественный деятель, педагог и поэт

В своем исследовании я выделил **четыре взаимосвязанных каркаса: призвание, карьера, наследование и ученичество**. Их происхождение и развитие можно соотнести с конкретными историческими обстоятельствами. Например, рост популярности «публичного человека» и профессионального среднего класса в позднем викторианском обществе был связан с установлением «карьеры» как доминирующей парадигмы, в то время как призвание было маргинализовано и все больше ограничивалось определенными женскими, интеллектуальными или артистическими занятиями. Таким образом, история этих кодексов связана с конкретным социальным развитием, но не сводится к ним. Грамматики ученичества и наследования обрели самостоятельную жизнь, совершенно не связанную с их происхождением в форме наемного труда или передачи материальных ценностей и богатства.

Сетка наследования изначально возникла в рамках моральной экономики, управляемой патриархальной властью. Жизненный цикл разворачивается как более или менее врожденная связь между фиксированными истоками и судьбами. Вы можете стать тем, чем вы всегда и являетесь, только в силу особого наследия, которое было в вашей жизни, с момента зачатия и далее. Это **закрытое воспроизведение фиксированных позиций** может стать расовым или, альтернативно, служить укреплению границ этнической идентичности, подвергающейся нападению. Но для выполнения этой последней задачи код должен быть эффективно передан подрастающему поколению. Другими словами, это должно быть связано с конкретными культурными формами ученичества, в которых жизнь раскрывается как множество стадий в овладении наследием умений.

Сегодня вырастание в рабочем классе больше не означает, что человека в раннем возрасте отправляют в ученики на унаследование профессиональных или домашних навыков, переданных от родителей или старших на работе и в обществе. Сейчас имеет значение то, как диспозиции интеллектуального, культурного и социального капитала влекут за собой практику обучения, как физического, так и умственного, опосредованного через аппарат расширенной учености. Для тех, кому приходится вырастать из рабочего класса без работы и без классового языка для выражения своего опыта, кодекс наследования может дать ощущение исторической преемственности и идентичности жизни. В то же время, по другую сторону классовой дорожки, его материальная основа в передаче активов не только продолжает переоценивать жизненные шансы, но и становится еще более заметной с финансовой обработкой рынка недвижимости. Ожидание смерти долгожителей, чтобы дети могли унаследовать свою собственность и, следовательно, иметь возможность купить собственное жилье до выхода на пенсию, оживило всю психодраму лишения / наследования, которая была столь важной. ингредиент сюжета для викторианских романистов в более патриархальную эпоху, хотя теперь он переработан в более нарциссический до или послеэдиповый язык, связанный с риторикой **«ренты поколения»**.

Ученичество, хотя оно почти не существует в своей традиционной контрактной форме, за исключением нескольких узкоспециализированных ремесел, также имело бурную загробную жизнь. Не связанное с наследованием, оно предлагает общую модель одноранговой передачи в неформальных сообществах практики как на рабочем месте, так и за его пределами. В современной экономике услуг мы находим целый ряд коучей, инструкторов и наставников, которые **овладели не только специальными рабочими навыками, связанными со своевременным достижением максимальной производительности, но и ценностями и установками разума и тела, которые им сопутствуют**. Ученичество, которое они предлагают своим различным миметическим дисциплинам, включает в себя формы живого труда, которые были абстрагированы от конкретных рабочих культур и сообществ и стали передаваемыми, часто формально отнесенными или переведенными в идиомы среднего класса о призвании или карьере. Вы можете проследить это в современном становлении молодых художников и спортсменов из рабочего класса, не в последнюю очередь в их вдохновляющих воспоминаниях о своей борьбе за успех.

Кодексы призвания и карьеры претерпели аналогичный запутанный процесс трансформации. Под санкциями первоначального кодекса призвания личность является носителем призвания, которое может быть моральным, духовным или социальным по типу, но чьи экзистенциальные императивы побуждают молодого человека развивать особые дары, часто художественного характера, и настраивать развитие на разнообразные эстетические занятия. В этой модели подростковый поиск идентичности становится парадигматическим для всего жизненного цикла, привилегированного в различных гуманистических и экзистенциальных психологиях, и сегодня он был перекалиброван, чтобы придать гламурный ореол шатким условиям фрилансера и портфолио работника. В отличие от этого, карьерная сетка предлагает

РАМКИ МОЛОДЕЖНОГО ЖИЗНЕННОГО КУРСА

гораздо более утилитарное, но не менее индивидуалистическое прочтение жизненного цикла. Здесь **жизнь разворачивается как множество ступенек по лестнице прогресса, отмеченных на каждой ступени приростом навыков или статуса, или по другому измеримому показателю личных достижений**. Молодой человек соревнуется с самим собой и становится объектом более или менее безжалостного контроля и оценки. В пределе непредвиденные обстоятельства жизненного цикла сводятся к предсказуемости бизнес-плана, который разворачивается в соответствии с жестким графиком норм развития. Психология развития помогла сделать карьеру официальной версией жизненного пути в западных обществах. Хотя карьера остается референтной моделью, к которой мы все должны стремиться, на самом деле ее перформативность ограничивается детьми уменьшающейся элиты, часто получающими частное образование, которые переходят к свободным профессиям. Карьера не совсем такая, какой была раньше. Теперь они включают стажировки, работу с портфолио и другие формы псевдо-ученичества. На смену упорядоченному постепенному прогрессу пришли прерывистые и беспорядочные формы саморекламы. Карьера снова приближается к своему первоначальному пониманию «карьеры».

Четыре кодекса используют другие виды времени, чтобы дать ощущение продолжительности и выносливости жизням, истории которых они помогают формировать. В рамках **ученичества / наследования** циклическое время поколения и сезоны могут использоваться для переработки необратимого времени биологического старения, чтобы разбить семейное время на последовательные фазы или переходы. В рамках пары **«призвание / карьера»** обратимое время биографии и народной памяти можно использовать для разграбления исторических событий в поисках особых лейтмотивов значения (например, общих биографий 60-го поколения). В своей самой сильной форме каждый код создает нормативную сетку периодизации и затруднений на протяжении жизненного цикла, отображая ключевые моменты и ритуалы перехода, устанавливая гендерные маркеры незрелости и соответствующим образом редактируя синтаксис опыта. Грамматики в совокупности определяют не только определенные идеалы развития, но и предрасположенности, которые необходимо приобрести для их реализации. Но по мере того, как их нормативная сила ослабевает, их формы артикуляции становятся все более разнообразными и трудными для расшифровки. Ретро-модерн процветает под знаком восстановленного наследства или стремления к утраченному призванию, в то время как ученичество сочетается с карьерой, чтобы заново изобрести понятие современности как прогресса. **Однако существует множество источников противоречий между историческими сообщениями о жизни, передаваемыми этими кодами**. Когда сыновья больше не могли следовать за отцами и девочки за матерями в одну и ту же профессиональную культуру и сообщество, другие жизненные пути стали возможны. Многие из этих противоречий достигают апогея в юности, и **большая часть эмоционального труда традиционного подросткового возраста фактически заключается в обучении расшифровывать, различать и, если возможно, согласовывать конкурирующие жизненные сюжеты**. Одна из причин нынешней популярности жизненных историй о **«победе над невзгодами»** заключается в том, что они формулируют элементы всех четырех кодексов в единую вдохновляющую смесь. Современные мемуары специализируются на утверждении, что все формы невзгод, унаследованные или приобретенные, все препятствия на пути к призванию или неудачи в карьере, навязанные извне или произвольные, следует приветствовать как стимулы к окончательному достижение личного успеха.

Фил Коэн

ИССЛЕДОВАНИЕ СУБКУЛЬТУРЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АКТОРНО-СЕТЕВОЙ ТЕОРИИ

МИХАИЛ МИНАКОВ

Профессор, политический философ, редактор. Его основные философские исследования сосредоточены на человеческом опыте, социальном знании, политической системе, историческом сознании и модернизме. Главный редактор «Kennan focus Ukraine», Институт Кеннана. Главный редактор журнала «Идеология и политика»

Субкультура — относительно хорошо изученное явление в рамках современных социальных наук. В середине 1950-х годов, когда «общество потребления» сформировалось как широко распространенная практика и концепция, и до 1960-х годов, когда человеческие и нечеловеческие коллективы явно реагировали на них посредством новых практик и концепций, и сегодня, когда субкультуры объективированы, описаны и засвидетельствованы в их многочисленных изменениях во многих научных и журналистских исследованиях.

Если вы посмотрите на наиболее цитируемых исследователей субкультур, можно увидеть общее понимание субкультуры, удачно резюмированное **Гербертом Конви** (2015):

> «В ЭТОМ ТОМЕ КУЛЬТУРА РАССМАТРИВАЕТСЯ КАК СОВОКУПНОСТЬ ВЕРОВАНИЙ, ОБЫЧАЕВ, ИСКУССТВА И Т.Д. ОПРЕДЕЛЕННОГО ОБЩЕСТВА, ГРУППЫ, МЕСТА ИЛИ ВРЕМЕНИ. ОБЩЕСТВА ОБЫЧНО ИМЕЮТ (ОБЩИЕ) УБЕЖДЕНИЯ НАРЯДУ С ОБРАЗОМ ЖИЗНИ И МЫШЛЕНИЯ, НАЗЫВАЕМЫМИ КУЛЬТУРОЙ. КУЛЬТУРА РАСПРОСТРАНЕНА И НЕ ЗАВИСИТ ОТ ЛИЧНОГО КОНТАКТА МЕЖДУ ВСЕМИ ЧЛЕНАМИ. ВНУТРИ БОЛЕЕ ШИРОКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ МОГУТ БЫТЬ БОЛЕЕ МЕЛКИЕ СУБКУЛЬТУРЫ ... СУБКУЛЬТУРА — ЭТО ГРУППА ЛЮДЕЙ ВНУТРИ КУЛЬТУРЫ, КОТОРАЯ ОТДЕЛЯЕТ СЕБЯ ОТ БОЛЬШЕЙ КУЛЬТУРЫ». (СТР.2.)

Упомянутое разделение — сложный акт, очень значимый для воображения современных социальных наук. Один из пионеров в изучении субкультур Дик Хедбиге (1979) пишет:

> «... НАС ИНТЕРЕСУЕТ СУБКУЛЬТУРА — ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ И РИТУАЛЫ ПОДЧИНЕННЫХ ГРУПП — “ПЛЮШЕВЫХ МАЛЬЧИКОВ” ТЕДДИБОЕВ, МОДНИКОВ “МОДОВ” И РОКЕРОВ, СКИНХЕДОВ И ПАНКОВ,— КОТОРЫХ ПООЧЕРЕДНО ИГНОРИРУЮТ, ОСУЖДАЮТ И КАНОНИЗИРУЮТ; ОНИ ВОСПРИНИМАЛИСЬ В РАЗНОЕ ВРЕМЯ КАК УГРОЗА ОБЩЕСТВЕННОМУ ПОРЯДКУ И КАК БЕЗОБИДНЫЕ ШУТЫ» (СТР.2).

Это «пренебрежение, осуждение и канонизация» — это как раз набор действий, которые создают объект общественной реакции и академических исследований, а также причину для физических столкновений, судебных преследований и академических дебатов за одно определение постоянного изменяющегося «объекта». Из всего этого можно увидеть, **как «объективный взгляд социальных наук» работает здесь вместе с другими практиками гегемонии и господства**.

Но сегодня исследование субкультуры может попытаться использовать менее пронзительный и гегемонический подход к живой и множественной реальности. Он, к примеру, может быть предложен **акторно-сетевой теорией (actor-networking theory, ANT) Бруно Латура**.

Почему Латур? В своем реалистическом исследовании антропологии науки Бруно Латур сделал ряд выводов, которые были в числе теоретических причин постантропологического поворота (Latour 1999, 2013). Якобы поворота к реальности как таковой. Несомненно, есть сомнения, что этот поворот — способ дотянуться до реальности как она есть. Тем не менее, это действительно искренняя попытка переориентировать науку с чрезмерно человечного и, следовательно, политического, на контекст, в котором при проведении исследования учитываются человеческие и нечеловеческие акторы.

В АСТ Латур предлагает найти и опровергнуть бифуркации, которые создает современная наука при описании (партнерской) реальности (там же). И эта **концептуальная игра затуманивает научное понимание явлений**. Например, разделение между культурой (обществом) и природой, согласно Латуру, является бифуркацией, вызванной акцентом на человека: **антропоцентризм создает язык, который создает неравенство между объектами исследования и приводит к его провалу.**

ЧТО ПРОИСХОДИТ С ОБЪЕКТАМИ ИССЛЕДОВАНИЯ, НЕ ВИДИМЫМИ СКВОЗЬ МОДЕРНИСТСКИЕ РАЗДВОЕНИЯ?

Современная наука является примером модернистского дуализма между субъектом и объектом. **Наука требует, чтобы этот активный субъект познал пассивный объект. Наука производит знание в рамках мифа о субъект-объектных отношениях**. Однако, если мы не будем следовать раздвоению, в науке мы получим коллектив, общее пространство людей, объектов и теорий, которые действуют в сети аффектов.

Таким образом, **ANT смотрит на реальность как на совокупность человеческих и нечеловеческих субъектов, которые действуют, изменяя опыт**. Итак, вместо субъекта и объекта у нас есть аффекты и результаты действий, у нас есть акторы и их сеть совместного влияния.

ANT может быть применен к исследованию субкультур с точки зрения, которая открывает не только структуры «объектов», таких как основное общество и субкультура, но также классы характеристик, которые составляют социальный, психологический и экономический мир. ANT откроет субкультуру не как «реальный объект», а как объект, предназначенный для формирования человеческих действий и влияния на порядок нечеловеческих действий. Изучая субкультуру, мы видим, как акторы опосредуют человеческие отношения и влияют на нашу этику, сексуальность, эстетические суждения или политическую коммуникацию.

Для исследователя это означает, что, описывая реальность субкультуры, исследователь одинаково относится к акторам-людям в отдельной группе и акторам, не относящимся к людям, которые могут включать:

- мотоцикл рокера или черная кожаная куртка как бунтарское послание «рядовому гражданину» (рокерская субкультура)
- шприц с «химическим веществом», а также переживание химически ин-

дуцированного счастья (субкультура инъекционных наркоманов)
- купон на скидку и покупка как способ повышения личной ценности (в субкультуре зависимых от скидки покупателей)
- фотоаппарат Leica с черно-белой пленкой (субкультура пленочных фотографов)

Таким образом, реальный мир и исследовательский текст объединяются в один голос. Этот голос отрицает:

- гегемония / мейнстрим — подчиненный / субстатус
- норма — отклонение от нормы
- сила потребительства — субкультурное сопротивление
- воспитанное поведение — девиантное поведение
- вместе (основное общество) — отдельно (субкультура)

Насколько «толстым» будет описание, решать самому исследователю. Таким образом, этот план исследования должен отвечать:

- Будет ли он включать участников одной субкультуры, или нескольких субкультур, или субкультуры и мейнстрима, или субкультуры, контркультуры и мэйнстрима?
- Превратив современную академическую «иерархию объектов» в топологическое поле, что должно быть в центре, что останется на полях и почему?
- **Уважает ли ваше исследование реальность как множество и разделение, или оно создает и навязывает «полную картину»?**

Таким образом, исследование субкультуры на основе ANT должно:

- помнить исследователя, его / ее метод и его / ее язык
- рассматривать объект исследования как сеть человеческих и нечеловеческих со-акторов
- список участников в сети вашего исследования стоит рассматривать как коллектив сосуществования, в который включен исследователь
- выбрать глубину описания в исследовании.

МИР — ПРЕКРАСНОЕ МЕСТО ДЛЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ. ТАК ЧТО ДАВАЙТЕ ИССЛЕДУЕМ ЕГО, А НЕ НАШИ КОНЦЕПЦИИ И СОЗДАВАЕМЫЕ ИМИ ЛОВУШКИ.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Блок, Андерс и Торбен Эльгаард Йенсен. Бруно Латур: Гибридные мысли в гибридном мире. Рутледж, 2011.
2. Кови, Герберт С. Crips and Bloods: Руководство по американской субкультуре: Руководство по американской субкультуре. ABC–CLIO, 2015.
3. Хебдиге, Дик. Субкультура: смысл стиля. Рутедж, 1979.
4. Хук, Рупа. За пределами субкультуры: поп, молодежь и самобытность в постколониальном мире. Рутледж, 2007.
5. Дженкс, Крис. Субкультура: фрагментация социального. Шалфей (Sage), 2004.
6. Латур, Бруно. «Об отзыве ANT». Социологический обзор 47.1_suppl (1999): 15–25.
7. Треш, Джон. «Еще один поворот после ANT: интервью с Бруно Латуром». Общественные науки 43,2 (2013): 302–313.

Михаил Минаков

АТРИБУТЫ И СИМВОЛЫ В СУБКУЛЬТУРАХ: ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

ИРИНА ЛОПАТЮК

Научный сотрудник Академии наук Украины и Института памяти. Член специального научного подразделения «Экспедиционный корпус». Председатель Одесского историко-литературного научного общества. Секретарь Психолого-философского научного общества

Одно из направлений исследований субкультуры — символизм, присущий этой субкультуре. **Атрибуты и символы — один из 10 параметров, позволяющих досконально изучить это сложное явление**. Указаны параметры по методике, проверенной академиком и ученым, кандидатом технических наук Олегом Мальцевым; эта методика представлена в научно-популярной книге ученого **«Нарисуй субкультуру»**.

Для начала предлагается разобраться в конкретном вопросе. **Должен ли представитель субкультуры обязательно исповедовать символизм и окружать себя сопутствующими атрибутами, от ожерелий и нашивок до татуировок и пирсинга?** Ответ: «Нет». Дело в том, что концепция индивида характеризует субкультуру, которая выбирает все сама. В такой формации нет контролирующего или другого исполнительного органа, который объяснил бы, объявил или наложил какой-либо конкретный набор правил, сколько татуировок должно быть на левой и правой руке».

Подход к изучению субкультуры, фокусирующийся на феномене «символизма», позволяет исследователю концептуализировать несколько моментов:

1. Логика субкультуры проявляет и обосновывает ее центральную идею. Атрибуты и символы передают эту идею; образы и способы их выражения могут быть непонятны никому, кроме приверженцев определенной субкультуры.
2. Символы могут быть выбраны представителем субкультуры из разных культур и эпох. Например, последователь Толкина, играющий в ролевые игры, может иметь татуировку в виде китайского дракона на спине, молот Тора на плече и кольцо всемогущества на шее (как у хоббита Фродо). Таким образом, у каждого представителя субкультуры есть свое восприятие идеи, к воплощению которой он стремится. Символика и атрибуты, которые с ней связаны,— это его или ее выражение.
3. Все атрибуты и символы можно разделить на две категории:
   a) общие отличительные символы;
   b) личные символы и атрибуты.

У каждого в субкультуре есть как общие атрибуты, так и свои собственные. Типичными являются обязательные атрибуты, то, что визуально подтверждает принадлежность к субкультуре. С другой стороны, у каждого представителя также есть свои атрибуты, выражающие какую-то идею с их точки зрения.

Обычно первое знакомство с символикой — это физический облик человека. В качестве наглядного примера предлагается рассматривать байкерскую субкультуру как одну из наиболее широко представленных. Байкеров обычно видят в куртке: можно обратить внимание, есть ли клубные цвета или какие-либо атрибуты, которые не знакомы или неясны. Первое, что обычно бросается в глаза,— это патчи. В США нашивки или полосы на куртках являются идентифицирующими элементами. Есть армейские нашивки, военные нашивки или те, которые получает студент, когда присоединяется к клубу. Европейцы использовали американский подход в качестве прототипа — поэтому у байкеров в Европе тоже есть свои патчи. Хочу обратить внимание читателя: всегда есть прототип — «источник» того, что видишь.

Вид это первое, что фокусирует внимание, помогает сначала определить, а затем классифицировать, к какой субкультуре принадлежит человек, например, одетый в какой-то необычный жилет с несколькими нашивками, который действительно отличает его от остального мира.

Татуировки — отдельный вопрос на исследование. В Интернете существует любительская и авторская подборка самых разных «крутых татуировок», каждый представитель субкультуры выбирает (или не выбирает) ту, которая ему нравится. Это личный символ, личный атрибут, личный способ самовыражения. Однако в таких случаях, как байкерская субкультура, татуировки были повторно преобразованы и превратились в те же патчи.

Таким образом, **традиция татуировок на теле «перекочевала» на жилет** (поскольку тату не видны под одеждой, необходимо выносить отличительные символы вовне, с кожи на одежду и снаряжение). Несомненно, **первоначальная прототипология татуировок восходит к теням ушедших веков**, например, пираты и моряки наносили татуировки на грудь и тем самым демонстрировали свое отношение к жизни. Если посмотреть на российскую криминальную традицию с точки зрения исследования, то символика татуировок практически священна — это само отражение лица человека, его «летопись».

В частности, уверенные в себе байкеры считают себя благородными дорожными рыцарями и поэтому выбирают рыцарские атрибуты. Например, более ранние рыцари умели выражать свое уникальное «кредо» формулировкой, выгравированной на мече либо начертанной на щите. Атрибуты благородного «рыцаря» байкера могут иметь такое происхождение (которое было бы на его нашивках, надписи на спине и т.д.)

Сдвиг идей от одного культурного слоя к другому — это то, с чем исследователь часто сталкивается в исследованиях субкультур. Следует отметить, что перенос военной культуры и военной формы в костюм байкера — это разновидность такого сценария. Вариации здесь тоже весьма разнообразны, поскольку военных флагов несчесть.

Более того, все множество известных древних и современных символов и традиций в контексте современной среды переосмыслено представителями субкультуры, которые, пользуясь уже существующими прототипами, выражают свое восприятие через куртки и жилеты с нашивками, татуировками., ожерелья и другие атрибуты.

Кроме того, с психологической точки зрения, когда люди собираются в группу и образуют какое-то сообщество, им очень важно **«почувствовать» себя кем-то**. Более того, это самый критический момент, иначе вопрос в том, «кто вы». Соответственно,

на этом этапе возникает неизбежная «бифуркация», так как есть два пути:

1) сначала происходит самореализация того, «кто вы есть», а затем превращение этой реализации в атрибут;
2) случай, когда атрибуты помогают стать «кем-то».

ОБА ПУТИ МОЖНО РАССМОТРЕТЬ БОЛЕЕ ПОДРОБНО

Предположим, человек не уверен, кто он, он не может ответить на этот вопрос; теперь ему дарят венок из одуванчиков, красочный шарф, гитару в одной руке и Бардо Тхёдол в другой. Теперь он точно знает, что он хиппи. Однако осознанный подход противоположен. **Сначала человек осознает, кто он такой** (типа «Я байкер»), **а затем это выражается в конкретных атрибутах**. Тем не менее, одна из наиболее прозрачных тенденций «общества потребления», которую выдающийся французский мыслитель и философ Жан Бодрийяр обозначил 50 лет назад:

> *это прямой переход от символов и атрибутов к становлению или олицетворению сообщества, характеризующегося рассматриваемым символизмом.*

Следовательно, каждая формация субкультуры развивает как объекты атрибуции, так и символизма. Например, **чем занимаются профессиональные МС-клубы?** Во-первых, в клубе есть определенный стандарт. Изначально у байкера есть куртка клубных цветов. Затем человек делает эту куртку эксклюзивной, такой, которая характеризует только его лично, и этот байкер знает, «кто он» и почему он носит особую нашивку на своей куртке с характерными буквами. Помимо названия и цвета клуба, могут быть разработаны стандарты, в том числе те, которые определяют место человека в общей субкультурной иерархии.

Например, у байкера может быть эмблема своего клуба МС на спине, нашивка на левой стороне, определяющая его статус в иерархии, и пика матадора, например, справа как личный символ байкера. Итак, мы

видим человека-тореадора, и это является символической составляющей его образа. Другими словами, мы видим тореадора, который убивает быков (древний испанский рыцарский символ). Пика матадора — это синтез его философских идей и взглядов. Действительно, каждый человек самостоятельно решает, как он или она представляет себя в мире.

У всех субкультурных сообществ есть центральный символ, часто заимствованный, например, татуировка волка на шее. Если кто-то видит татуировку волка на металлисте или художнике граффити, слишком рано делать вывод, что это центральный символ их субкультуры. В целом волк символизирует учение Кастанеды, это заимствованный символ, продукт синтеза мексиканской и испанской культур. Причем ожидать его увидеть, как показывает практика, можно не только у кастанедианцев.

Например, хиппи: эта субкультура популяризировала свободу секса. Символ пацифизма **(круг с обращенным вниз «трезубцем») — главный символ хиппи.** В каждой субкультуре есть центральные символы, и исследователь должен быть готов к тому, что **основные символы в 92% случаев являются заимствованными, поскольку 92% субкультур являются синтезированными**.

Естественно, что цель центрального символа — выразить основную идею субкультуры. Таким образом, куртка может отражать основную идею клуба МС — ее можно сравнить с доспехами рыцаря. К тому же байкеры в XXI веке не катаются по городу с мечом на ходу, но это может быть одна из татуировок байкера.

Центральный символ субкультуры в наибольшей степени отражает принадлежность человека к определенной среде, его вовлеченность в ее идеи и определенную философию. Другое дело, как человек это воспринимает, понимает и объясняет. Поэтому при исследовании и анализе символической составляющей субкультуры обязательно учитывать разницу между потенциалом исходного значения символа, его источником (что именно прототипологизируется, откуда заимствованы орнаменты, слоганы, знаки и символы) и индивиду-

альным объяснением или точкой зрения представителя субкультуры.

Итак, символы и атрибуты. Подводя итоги рассмотрения темы в дискурсе субкультур, я считаю, что стоит отметить следующее:

1. **Атрибуты без слов дают ответ на вопрос «кто этот человек прямо перед вами?»** Более того, разумное развитие сознательного представителя субкультуры происходит не из атрибутов, а непосредственно из того факта, что человек живет осознавая, «кто» он / она.
2. **Символика и атрибуты — это не «скучное» и «статичное» явление.** Каждый член субкультуры развивает личное видение и понимание как центральной идеи субкультуры, так и того, как она реализуется. Это также явно выражается через символический компонент.
3. **Атрибуты бывают общие и частные;** оба вида требуют особого внимания исследователя и могут раскрыть и научить нас многому о конкретной форме субкультуры и ее общем окружении.

Ирина Лопатюк

ГЛОБАЛЬНАЯ ТЕХНО-ИДЕОЛОГИЯ КАК РЕЛИГИЯ

ПОЛ РОАДС

Американский художник, проживающий во Франции с 1990 года. Является учеником последователей Ганса Хоффмана и Марселя Дюшана. Также Роадс – автор концепции и главный редактор «Vance Integral Edition» (полное собрание сочинений Джека Вэнса), композитор (опера: La guerre Picrocholine). Автор книги «Thoughts on Jack Vance and What Is Art?»

Я не только отвергаю концепцию «субкультуры», я отвергаю само понятие культуры. Феномен «субкультур» я бы определил более традиционно с помощью таких терминов, как:

- **«Движение»:** группа, посвященная художественному стилю или политическому делу.
- **«Деми-монд»:** люди, сосредоточенные вокруг секса и торговли наркотиками.
- **«Богема»:** определенные художники, сексуальные извращенцы и неудачники, которые отвергают или не могут интегрироваться в общество, тем не менее, гармонично взаимодействуют с ним в определенных моментах, сохраняя при этом отдельные моральные стандарты и ценности.
- **«Фаддисты»:** люди, разделяющие чрезмерную озабоченность каким-либо увлечением, стилем или отношением: тип поп-музыки — например, хэви-метал или панк — или манера одежды и отношения — например, хиппи или готы.

Таких терминов достаточно для определения сущности этих групп, избегая при этом претенциозных с научной точки зрения и метафизически грандиозных ассоциаций с «культурой».

Более серьезное использование термина «культура» обозначает предполагаемые «горизонты открытий»: нации, языки, религии. Но есть и всегда были диалог и сотрудничество, а также недопонимание и конфликт между «культурами», понимаемыми таким образом (точнее, «цивилизациями»). Строго говоря, они не являются «горизонтами открытий», поскольку открывают друг друга. Так что, не говоря уже о разрушительных для искусства и международных отношений использованиях этого понятия, этот термин кажется бессмысленным. В конце концов, даже отношения мужей и жен, являющиеся продуктами идентичной социальной среды, характеризуются совершенно одинаковыми способами взаимодействия (диалог, сотрудничество, недопонимание, конфликт), и мы не называем их «культурами».

Более того, еще в 1960-х годах, по крайней мере в богемной «субкультуре» Нью-Йорка, в которой я вырос, термин «культура» относился только к тому, что было у человека, который был хорошо начитан и знаком с западной живописью, музыкой, историей и, если возможно, иностранными языками, искусством и историей других цивилизаций. «Культура», согласно этому определению, была результатом выращивания, точно так же, как овощи и цветы являются результатом возделывания вашего сада, а не замкнутых систем бытия.

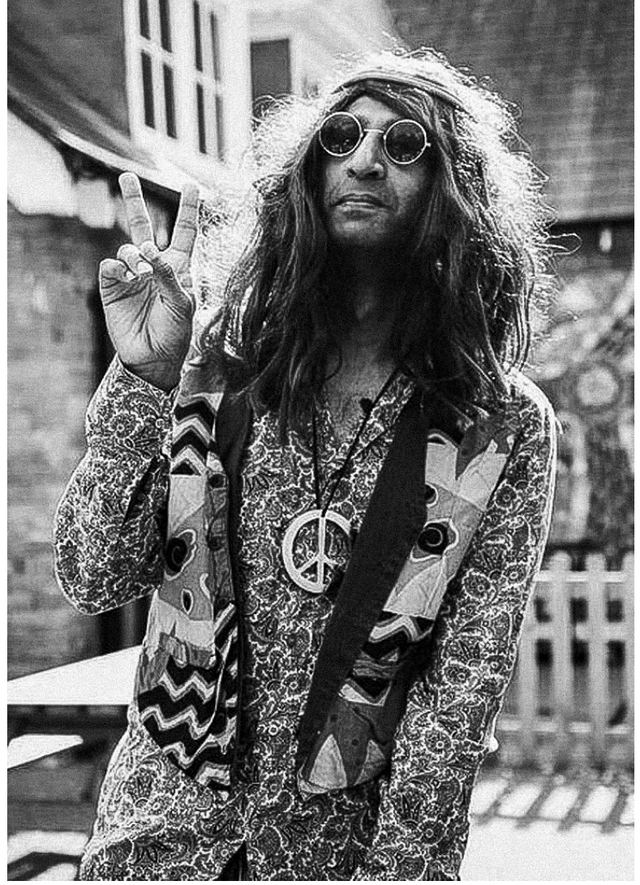
Новое, нынешнее использование термина «культура» и метафизики, которую он выражает, я называю **неофашистским**. Оно привело нас к нигилистическому индивидуализму, который вызывает это согласие.

Наша цивилизация рушится: есть ли уцелевшие фрагменты старого общества, такие как христианство, все еще живущие в сердцах и умах некоторых групп? Можно ли ожидать от них цивилизационного обновления? Могут ли они стать противоядием от нигилистического индивидуализма, который сделал нас уязвимыми для бессвязного неофашистского авторитаризма, быстро заглушающего оставшиеся отголоски западной цивилизации расистским и химическим шумом?

Ислам предоставляет такое противоядие, но неумолимо для той части населения мира, которую, разумеется, нельзя назвать «субкультурой». С точки зрения, скажем, 20-х годов это удивительно. Сколько из тех мусульман, не одаренных пророческим видением, оставили энтузиазм, который их сонная религия, затем превратившаяся в очаровательный и беззубый местный колорит в мире, где доминируют западные люди, будет вдохновлять столетие спустя?

Так может быть и с христианством. До сих пор существуют остатки благородных семей, которые все еще гордятся участием своих далеких предков в крестовых походах. Борьба с исламом, хотя и не единственный источник христианской энергии и творчества, безусловно, была одним из них; и вот мы снова живем в городах, где по-прежнему часто доминируют башни собора или шпиль церкви.

Подобные причины вызывают аналогичные эффекты. Возникают движения, какими бы маленькими они ни были, такие как белые тождественники. Их враги окрестили их «исламофобами». Сказать невозможно, но такие вещи — по крайней мере, возможное начало нового крестового похода. **«Война с террором» — это жалкое заблуждение — еще один неадекватный ответ формирующейся техноглобальной элиты в бесконечном списке их неуклюжих взаимодействий с человеческой реальностью**, которую они так стремятся уничтожить. Между тем, в конце концов, все большее число людей может почувствовать, что следует попробовать христианскую реакцию.



Такой поворот событий будет не влиянием субкультуры на то, что эту бурлящую бессвязную массу нигилистических личностей некоторые могут назвать **«нашей культурой»** (подумайте, как бы Гегель съежился, услышав их!), Но всплеск, перекрашивание, переупорядочивание тех вещей, которые в извращенных, разбавленных и искаженных формах все еще составляют основу нашего цивилизационного наследия.

Это наследие — больше, чем просто набор особенностей, которые с тем же успехом могут быть иными. Это глубокое понимание самой реальности, вливаемое в общий бассейн руководящими шпилями нашей цивилизации на протяжении тысячелетий. Эта цивилизационная вода жизни не является расовой прерогативой, это западное соперничество, открытое для бесчисленных жителей Востока и Юга и принимаемое бесчисленным количеством жителей Востока и Юга на протяжении веков. И это не парадигма или прекурсор «глобальной культуры», потому что это не смирительная рубашка правил и ритуалов, а, как сказал о себе Иисус, путь и жизнь; движение, которое не является ни бегством, ни разрушением, накоплением опыта, который не является ни легкомысленным, ни недостатком в благодарности.

Конечная природа человечества гарантирует, что всегда будет несколько законных способов существования, поскольку они убеждают многих людей в своей конечности. Отвержение Иисуса всегда может быть одним из них, поскольку, как христиане не могут обязательно спастись от своих единоверцев, которые злоупотребляют религией как источником гордости, так и горделивое неприятие послания Иисуса (не говоря уже о других видах) никогда не прекратится.

Итак, моя реакция на первый вопрос (разница между субкультурой и религией и конкретные элементы, которые формируют каждую из них) состоит в том, что **категория «культура», даже если она применима к религии, бесполезна**. В разных частях общества, таких как армия, академия, нижний средний класс или в различных более или менее неуместных социальных захолустьях, существуют причуды, увлечения, движения и взгляды, а также существуют постоянные и фундаментальные проблемы и вопросы, с которыми сталкивается человечество., наши реакции на то, какую структуру мы приходим к реальности и строим основные институты, такие как церкви и политические системы. Таким образом, такое учреждение, как **Церковь, по сути своей отличается от модного увлечения**. Она коренится в самых основных аспектах взаимодействия человека с реальным.

Причуды, увлечения и движения берут свое начало в спонтанном возбуждении, мелком неудовлетворении и амбициях. Даже если их эстетика и взгляды проникают в другие сферы общества, такое влияние никогда не будет чем-то большим, чем разновидностью уже действующих влияний большего масштаба. Например, движение **хиппи, а не присущая себе «субкультура»**, заражающая более широкое общество странными и оригинальными концепциями, было лишь новым вкусом постоянных склонностей в американском и западном

обществах, ранее выраженных, например, эмиграция в новый мир, контакты с коренными американцами и восторженное восхищение «естественным» человеком и такими теоретиками, как **Торо**. По сути, движение хиппи было просто еще одной попыткой свободы личности в сочетании **с идеализированной ностальгией по более простой, естественной и свободной жизни**. Настоящим выражением этого же импульса является движение **Pepper**, которое также идеализирует независимость и бегство от общества. Или **готы**: что их, в сущности, характеризует, кроме смутного желания отличиться, но при этом принадлежать; быть захватывающе оригинальным и непристойным, но при этом культивировать аттитюд загадочного шика и псевдофилософского безразличия к обычным заботам? Такие по сути ничтожные попытки **создать симулякр превосходства в позе отчужденной отстраненности и стильной дифференциации — мания**, которая регулярно коагулирует в привилегированных слоях общества.

Первая часть второго вопроса касается того, как религия используется другими социальными институтами в своих целях. Сначала можно посмотреть, как **определенное духовенство использует религию в нерелигиозных целях**! **Педофилия, теология освобождения или феминизм некоторых прелатов — современные примеры**; история дает бесчисленное множество других случаев духовного вмешательства в политику, мораль и искусство. То, как верующие (члены того или иного движения, учреждения или клуба) используют свою религию — это всего лишь обратная сторона медали. По сути, это всегда вопрос религиозного престижа, умело перенесенный на нерелигиозную арену для достижения цели, присущей последней.

Что касается второй части второго вопроса: поворот религии в переходе от христианского общества, основанного на божественной трансцендентности, к универсальному обществу, основанному на техно-идеологических принципах: моделью такой эволюции является **переход от искусства к «современному искусству»**. Это было

осуществлено в 1960-х годах, но выросло из-за напряженности в дисциплине живописи, особенно во времена Французской революции. Существенным аспектом, однако, было растущее убеждение в умах большинства художников, что определенные соображения, не связанные с живописью, должны определять будущее живописи — особенно идеология прогресса, а также возрождение в умах ранних беспредметных художников, таких как Кандинский, определенных религиозных принципов.

То же самое и в музыке с Арнольдом Шенбергом, который, также находясь под влиянием немузыкальной идеологии прогресса, пришел к убеждению, что тональность осуждается Историей. Эти эволюции, которые якобы были естественными и историческими или каким-либо образом необходимы и полезны, привели ни к чему иному, как к разрушению двух величайших памятников западной цивилизации: живописи и музыкальной композиции. Достаточно взглянуть на буквально груды мусора, представленные в художественных музеях, или услышать беспорядочный шум, представленный в концертных залах, чтобы осознать печальную истинность этого утверждения. К сожалению, самые представления о том, что такое живопись и музыка, господствовавшие во все времена до 20 века и основаннеы на реальности, в течение нескольких поколений были заменены другими, которые не имеют ничего общего с живописью, музыкой и реальностями, на которых они основаны. Вот триумфальный пример того,

как религиозное влияние наводняет другую сферу жизни!

То, что произошло с искусством в 1960-е годы, теперь происходит и с остальным обществом. Представления, основанные на реальности, на которых до сих пор всегда основывалось общество, переворачиваются в пользу расистской, неофашистской гендерной текучести и постправдивой «истины». Мы являемся свидетелями ниспровержения согласованных норм Закона, Справедливости и Истории и, как это ни невероятно, находимся на грани социального эквивалента кучи мусора как искусства и случайного шума как музыки.

КАК РЕЛИГИЯ ОТВЕТСТВЕННА ЗА ЭТО ЯВЛЕНИЕ?

Религия — это то, что мы считаем выше самих себя, будь то Бог, просветление в майе, наука или видение себя как космического центра. Если это так, то религия определяет все, включая глобальное техно-идеологическое общество. Не является ли глобалистское техно-идеологическое общество действительно идеалом, несущим спасение? Какое спасение? Спасение в атеистической форме: всеобщая справедливость и равенство, максимальное удовлетворение желаний за счет технологических возможностей и устранение моральных барьеров, а также удовлетворение от того, что вы оказались на правой стороне войны, чтобы спасти планету от угрозы традиционного человека (понимаемого как белый и только для мужчин). Это рай, дело более великое, чем мы сами. Это религия, в которой есть священники (зеленые и антирасистские активисты) и свои обряды (езда на велосипеде и компостирование), которые наделяют верующих своей версией святости. Религия во всем этом не играет роли, религия — ее суть!

Тем не менее, мы можем спросить, какую роль в этой эволюции сыграло христианство, которое до недавнего времени занимало центральное место в западном обществе? Ведь даже если мало кто из западноевропейцев остается прихожанами церкви, нельзя сказать, что христианство полностью исключено из западного общества. Марксизм, хотя и не христианский по своему материалистическому и механистическому характеру, является «христианским» в своей цели человеческого спасения и является идеалом человеческого равенства. Спасение может быть физическим, а не духовным, и равенство может быть в соответствии с человеческой справедливостью, а не в глазах Бога, но такие идеалы, даже в некоторой искаженной форме, отсутствуют в большинстве восточных или южных цивилизаций.

Что же тогда является христианской составляющей таких радикальных идеалов, как гендерная изменчивость? Каким бы удивительным это ни казалось, существует христианский идеал, который, хотя и извращенный, и искаженный, скрывается в основе этой мерзости, а именно: свобода. Где христианин был свободен избежать своего греха и вины, чтобы оправдаться перед Богом и, таким образом, с верной надеждой ожидать вечного счастья, так что гендерно-изменчивый человек свободен избегать искусственных социальных построений и их барьеров стыда, а также своего произвольного назначена телесная оболочка, чтобы достичь блаженства в совершенной гармонии тела и шпиля. Эта гармония может быть только чахлой и ничтожной версией примирения земли и неба в христианском спасении, но это его версия.

Точно так же техническое господство человека над миром, наиболее ярким примером которого является его претензия на способность уничтожить или спасти планету, не безразлично к дару Бога человеку, в известной главе Библии, господству над землей, а также свобода противостоять Ему.

Бог изгнал человека из Эдема, чтобы помешать ему вкусить плод Древа Жизни и обрести бессмертие. Затем он поставил ангела, вооруженного огненным мечом, вечно охранять портал Эдема. Наше технологическое нападение на Эдем, чтобы, наконец, вкусить плод Древа Жизни — разве это не продолжение библейского мифа, пусть даже и незаконное?

Пол Роадс

МОДЕЛЬ ПЕРЕВЕРНУТОГО ДЕРЕВА ПРОФ. ЛОУРЕНСА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СУБКУЛЬТУР

МЭТТЬЮ УОРЛИ

Профессор современной истории в Университете Рединга и один из создателей «Сети субкультур». Он написал несколько работ о британском труде и политической истории в период между войнами, его последние работы были сосредоточены на послевоенных отношениях между молодежной культурой и политикой. Он является автором книги «Без будущего: панк, политика и британская молодежная культура, 1976–1984 годы». А также редактором нескольких книг, одна из них: «Эстетика нашего гнева: анархо-панк, политика и музыка»

Теория профессора Лоуренса, безусловно, интересна и всегда полезна, когда люди предлагают способы понять, что является довольно расплывчатым или аморфным предметом. **Субкультуры — по самой своей природе — расплывчаты и зачастую нечетко определены**. Культуры органично формируются и меняются со временем, даже когда они становятся узнаваемыми и определяются определенными способами практики, языком или представлением. В сфере, с которой я наиболее знаком — молодежных субкультурах,— их понимание и границы обычно становятся предметом обсуждения или оспаривания внутри (а также за пределами) культур. Таким образом, хотя попытка определить «субкультуру» конкретно или в целом может показаться чем-то вроде прибивания желе к стене, формулы, подобные той, что представил Лоуренс, полезны с точки зрения понимания того, как культуры объединяются и развиваются. И хотя я не признаю описание Лоуренсом «современного ученого», воспроизводящего существующие работы, а не проводящего исследования, потребность в плане исследования, процессе или методологии (я предпочитаю термин «модель») очевидна.

Неудивительно, что мотив дерева Лоуренса сразу напомнил мне о том, как Делёз и Гваттари использовали «ризому» как «образ мысли», подходящий для понимания множественности культурного и социального развития. Это, конечно, было противопоставлено иерархическим и хронологическим моделям, включая модель дерева, которое, как отмечает Лоуренс, **долгое время представлялось как наглядное пособие для понимания социальных, политических, культурных и т. д. структур**. Но биологическая аналогия остается. Лоуренс добавляет к этому мистический поворот, **переворачивая дерево — раскрывая корни и искажая изображение, чтобы, в свою очередь, раскрыть субкультуру**. Вопрос о том, преодолевает ли это проблемы иерархии и хронологии, которые **мотивировали Делёза и Гваттари**, остается открытым. То, что субкультуры часто содержат (можно сказать, хозяин) свои собственные иерархические структуры, становится ясно, когда внимание обращается на то, как они функционируют и самореализуются в культурной форме или группах. Точно так же основополагающие мифы и конкурирующие хронологии предполагают, что потребность в повествовании влияет на культурное восприятие. И все же такие иерархии или хронологии остаются навсегда нестабильными и часто оспариваются, вызывая беспокойство по поводу того, остается ли модель Лоуренса слишком жесткой для эффективной работы. То, что у него есть четкое начало и обозначенное настоящее / конец, вызывает вопросы о том, **как субкультуры возникают**, а затем продолжают развиваться, видоизменяться и рассеиваться. **В самом деле, границы и жесткости, которые придают форму дереву** (как бы то ни было),— по крайней мере, на мой взгляд — не поддаются неструктурированному и часто нечетко определенному существованию субкультур.

Что касается раздела о максимальном / минимальном количестве корней: я действительно не понимаю эту идею, и мне пришлось бы прочитать больше работ Лоуренса, чтобы правильно ее понять. В обобщении, которое нам было дано, это не имеет для меня смысла. Теория становится слишком шаблонной — как и комментарий к исследованию «полной субкультуры», который, кажется, противоречит идее непрерывной эволюции / развития. Существуют ли когда-либо субкультуры?

Подрыв дерева подчеркивает еще один момент — или, возможно, предположение. Лоуренс предполагает, что субкультуры придерживаются мировоззрения, которое «часто противоречит декларируемой политике их государств». Но так ли это? Это предполагает, что субкультуры по своей сути оппозиционны, и подпитывает идею, что они должны сигнализировать о форме сопротивления. Это согласуется с грубым прочтением тезиса CCCS. Честно говоря, он действительно говорит «часто» — так что я сам немного груб,— но возникает вопрос, почему и как субкультуры «часто» читаются или понимаются таким образом. [Ответ можно найти в субкультурных исследованиях, вытекающих из социологических исследований отклонений]

ОБЛАСТИ, В КОТОРЫХ Я БОЛЕЕ СИМПАТИЗИРУЮ ПРЕДСТАВЛЕННОЙ ЗДЕСЬ МОДЕЛИ, ЗАКЛЮЧАЮТСЯ В СЛЕДУЮЩЕМ:

- Субкультуры продолжают развиваться и расходиться; синтез старых и новых идей. **Мотив дерева** — как в некотором роде ризома — позволяет визуализировать и понимать это, хотя и в определенных пределах.
- **Аналогия с «фруктами»** привлекает меня, поскольку я склонен рассматривать субкультуры как творческие пространства и часто связанные с творческими процессами. Это также позволяет тем, кто находится в субкультурах, быть активными: у них есть свобода выбора.
- Я также думаю, что в ОЧЕНЬ общем плане **представление о корнях, окружающей среде, «росте» / развитии и «плодах»** может служить полезным способом подхода к исследованию субкультур: все это ключевые области исследования.

Таким образом, в целом перевернутое дерево Лоуренса может оказаться полезным, помогая визуализировать развитие субкультур и объем необходимых исследований. Но модель ни в коем случае не является абсолютной и остается слишком жесткой, чтобы дополнять предмет, чтобы помочь учебе. Я мог бы использовать его дерево, чтобы опереться на него, но не забраться на него.

Что касается того, может ли одна идея информировать целую субкультуру. Напротив, культуры объединяются вокруг

множества идей, людей, пространств, настроений и импульсов и развиваются из них. Я бы пошел дальше и сказал, что именно поэтому субкультуры — или большинство из них — продолжают развиваться и видоизменяться с течением времени. **Субкультуры — это спорное пространство: их значения и истоки часто становятся предметом споров и напряжений.** В частности, вы видите напряжение между поколениями по мере развития субкультур. Постоянные дебаты / жалобы внутри субкультур вращаются вокруг того, «что пошло не так» или «что размывает или искажает» некую чистую — аутентичную — культурную сущность.

Я недавно смотрел панк- и фанзины, связанные с панком, 1970–80-х годов. В них вы видите интересную закономерность. Автор фэнзина принимает культуру, с энтузиазмом пишет о ней и погружается в нее. Со временем энтузиазм ослабевает, и ищут причины для того, что «вещи не те же самые» — может быть, воцарилась коммодификация? Или вовлекаются люди, которые не понимают панк? Возможно, люди увлекаются модой, так поверхностно. Или, возможно, произошла кодификация, и люди разыгрывают клише и стереотипы … и таким образом разрушают сцену. Может быть, эго воцарилось? Я бы посоветовал варианты этого повтора для большинства, если не для всех субкультур [отсюда и мой мир, населенный старыми панк-занудой, которые говорят, что в прежние времена все было лучше]. Возможно, конечно, субкультуры должны развиваться, чтобы выжить в любом творческом смысле — чтобы не окостенеть.

Возвращаясь к вопросу: работа Ника Кроссли, основанная на теории сетей, интересна тем, что прослеживает, как сливаются сцены. Он в основном утверждает, что для формирования сцены — и связанной с ней субкультуры — необходимо определенное количество людей, которые населяют ее, отсюда их стремление к городской ориентации. Таким образом, он объединяет связи между людьми, чтобы показать, как формируются культуры. Сомневаюсь, насколько это определенно. Мне не хватает рассмотрения того, что объединяет людей в Сети. Каковы общие интересы, идеи, чувства? Как только вы начнете исследовать тезисы, вы обнаружите как общие черты, так и вариации и различия, которые допускают синергию и расхождения. Для меня это то, почему **панк — как культурный термин — означает разные вещи для разных людей и эволюционировал во многих суб-направлениях.**

В качестве предостережения, я не был бы так уверен в том, чтобы сказать, что это должно быть образцом для всех субкультур. Я думаю, что **субкультуры различаются по своему становлению и развитию, и что исследовательские методологии должны быть гибкими в подходах и многогранными в применении.** Я не уверен, что существует определенная модель или «путь» через субкультуры. Как я сказал ранее, они обязательно аморфны, и любое понимание должно быть чувствительным к множеству контекстных факторов. И, наконец, я думаю, что это хорошая вещь — это помогает поддерживать субкультуры и наши представления о них живыми и динамичными.

Мэттью Уорли

МОДЕЛЬ ПЕРЕВЕРНУТОГО ДЕРЕВА ПРОФ. ЛОУРЕНСА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СУБКУЛЬТУР

ЛЮСЬЕН-САМИР УЛАХБИБ

Писатель, лектор, социолог, политолог. Главный редактор научного журнала «Догма». Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины. Dr. Улахбиб много лет работал вместе с французским мыслителем Жаном Бодрийяром. Автор многочисленных научных статей и книг по французскому нигилизму и неоленинизму, радикальному исламизму, антиамериканизму и антисемитизму

МАРКО АНДРЕАККИО

Независимый исследователь, педагог и автор трудов по политической философии. Исследования Андреаккио затрагивают работы от китайско-японских философских классиков до западных аналогов. Dr. Андреаккио преподавал в различных высших учебных заведениях и систематически публиковал статьи на тему проблем политико-философского характера, особенно о Данте Алигьери. Член редакционной коллегии журнала «Догма»

РЕЛИГИЯ И СУБКУЛЬТУРЫ: ЧТО ПОСТАВЛЕНО НА КАРТУ

ВСТУПЛЕНИЕ

На заре современности новый образ мышпления привел к систематическому проекту превращения христианства в аполитичное средство построения нового «атеологического» мира. Христианский Бог должен был питать, так сказать, человечество, постепенно отвыкшее от любых ссылок на божественную трансцендентность в пользу реализации универсального общества и морали, основанных на чисто техно-идеологических принципах. И все же все больше и больше христиан (в Африке, Азии и на Ближнем Востоке, не меньше, чем на «Западе»), кажется, не в своей тарелке по крайней мере с некоторыми из наших нововведений, оставаясь довольно не впечатленными большими успехами, которых добились наши общества. в сторону антигуманизма. Однако это еще не все.

Сегодня фундаментальные термины всего религиозного дискурса оторваны от своего первоначального теолого-политического контекста, подпитывая дихотомию, которую мы, как наследники современности, научились принимать и больше не подвергать сомнению, **между предположительно «субъективной» или «частной» Верой** (которая все больше задыхается) **и Политикой**, которая рискует в любой момент консолидироваться в «социалистическую» идеологию (Достоевский), противостоящую всей человеческой сущности. Отсюда, например, наша привычка говорить о религиозной вере, как если бы она имела отношение к тому, существует ли божество или нет, в противоположность тому, чтобы быть вопросом доверия; настолько, что сегодня вера в Бога кажется лишь вопросом «пари» на то, что Он существует, а не верой в Его присутствие, подтвержденным Откровением. Тогда как в первом случае мы выбираем установить связь с божественным, во втором мы отвечаем на постоянство божественного как на данность.

Отсюда вопрос, который традиционные религии неявно предлагают нам задать себе: является ли божественное в конечном счете излишним для построения собственно человеческого или политического мира? Религии, конечно, предлагают отрицательный ответ, но как кто-то может помочь нам сегодня понять взаимосвязь между политикой и божественностью? Желательно ли нам искать взаимную совместимость политики и религии?

Сможет ли какая-либо традиционная религия помочь нам понять даже окончательную и несводимую природу политического действия? Может ли кто-нибудь помочь нам лучше понять, а не сказать преодолеть современный кризис нашей цивилизации (потерю доверия) как на политическом, так и на богословском фронтах? Может ли какая-либо традиционная религия, как ее представляли литературные герои ее истории, по-прежнему преподнести нам важный урок относительно проблемы посредничества между этими двумя целями или способами счастья (земного и другого — потустороннего), которые поэт Данте, как духовный отец Возрождения, провозгласил подходящими человеку? Или религиям суждено быть «секуляризованными» и, таким образом, использоваться просто в качестве побасенок?

ВОПРОС 1: РАЗНИЦА МЕЖДУ СУБКУЛЬТУРОЙ И РЕЛИГИЕЙ. КАКИЕ КОНКРЕТНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ФОРМИРУЮТ КАЖДОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ?

Попытки модернистов «приручить» религию, заключив ее в узкие рамки «субкультуры», потерпели неудачу:

- традиционная религия не только продолжает попытки обосновать светские институты, неспособные объяснить свою собственную формальную легитимность;
- сам секуляризм просит оправдания, которое он не может предоставить суду общественного мнения.

Провал современного секуляризма сводится к неспособности современности создать мир, основанный на привлекательности власти в ее разнообразных обличиях финансов, оружия, «фаустовских» технических знаний, соблазнительной высокопарной пропаганды (прогрессивные идеологии, вращающие мечты), повседневной риторической лести. и множество стратегий вымогательства, скрытого или иного, как разжигания, так и использования страха народа в попытке

раз и навсегда истощить наши моральные ресурсы. Действительно, проблема страха лежит в основе нынешнего кризиса современности.

Макиавеллистской современности еще предстоит укротить страх, который она давно стремилась направить, подпитывая его, а не просто смягчая его (как классическая философия), не говоря уже о том, чтобы подавить его (как теократы прошлого). Страх оказался устойчивым, даже несмотря на то, что он систематически упаковывался для массового потребления, как непревзойденный товар, который можно купить, конечно, не за деньги, а за нашу собственную жизнь, как физическую, так и моральную: мы отказываемся от себя ради него, даже если человеческая природа продолжает протестовать.

Наши торговцы страхом одновременно являются нашими поставщиками противоядий, вторя старой классике черного юмора Винсента Прайса, в которой убийство является прибыльным делом для самых хитрых гробовщиков. Пророки спасения прямо из **притчи доктора Сьюза о Снитче обещают нам лекарства, питающиеся коллективным заблуждением.** И все же страх остается необузданным, заставляя тиранов признавать себе, что они занимаются опасным делом — играть с огнем. Спрос на страх угрожает перегрузить глобальную индустрию, занятую как созданием, так и «разрушением» всемирной сети страха — как в маскировке, так и в разоблачении страха как двух полюсов дьявольского цикла, определяющего продолжающееся неуклонное вырождение цивилизации в откровенное варварство.

Вынужденная порождать страх, больший, чем он когда-либо мог постичь, индустрия страха вполне может взорваться еще до того, как исчерпает унаследованные нами гражданские ресурсы. Именно здесь старая религия всплывает с необузданной силой, напоминая современному человеку, что его бегство от страха было в лучшем случае детским способом замаскировать неизбежное, хотя в худшем (и более вероятном) — **мазохистским упражнением по снижению себя до состояния самой беспомощной, радикальной уязвимости перед страхом**.

Несмотря на деспотические исключения, старая религия отличается от модернизма тем, что в принципе представляет страх как открытый вопрос — или знакомя нас с божественной тайной как фундаментальной альтернативой торжеству абсурда, скрывающемуся за каждым уголком лабиринта прогрессивных усилий модернизма. Там, где наша индустрия страха истощила и превратила культуру в «субкультурный» мусор, религия обнажает себя из-под гомогенизирующей оболочки субкультуры, чтобы подтвердить свои истинные цвета, цвета страха, способствующего развитию цивилизации посредством морального совершенствования, страх, успокаивающий все мысли. ошеломляющие, свободно плавающие химерные страхи; Короче говоря, изначальный страх, как постоянно открытое окно, естественным образом обнажил Изначальное Благословение. Религия, «воскресшая» из пепла консьюмеризма, не продает нам новые фетишистские страхи, но напоминает нам о первом, о том, что знаменует наше вступление, более того, падение в этот мир — страх, побуждающий нас спросить «почему?» из глубины нашей души, вместо того, чтобы бесконечно скакать от одного страха к другому, как если бы то, чего мы действительно боялись, было причиной, по которой мы боимся в первую очередь.

ВОПРОС 2: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЛИГИИ ДРУГИМИ СОЦИАЛЬНЫМИ ИНСТИТУТАМИ (БИЗНЕСОМ, ПОЛИТИКОЙ И Т. Д.) В СВОИХ ЦЕЛЯХ. ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИИ: ОТ БОЖЕСТВЕННОГО ПРЕВОСХОДСТВА К УНИВЕРСАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ, ОСНОВАННОМУ НА ТЕХНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ.

Несомненно, религия использовалась на протяжении веков. Тем не менее, использование религий долгое время считалось исходящим от изначальной цели, истинного телоса религии. Иными словами, священник мог быть волком в овечьей шкуре, если он являлся напоминанием о Боге овец. Его «работа» заключалась в том, чтобы указывать на вечные цели, а не воплощать их. Итак, в течение долгого времени религия использовалась в соответствии с собственным **raison d'être (смыслом существования)** религии, причиной, по которой люди просили религию,— причиной, имеющей отношение к нашей общей потребности в напоминании, если не в напоминании себе, о том, что политика это в лучшем случае зеркало богословских тайн, а не бегство от всех божественных тайн.

Сегодня нас систематически учат, что институты не имеют первоначального значения, а имеют просто значение, определенное «исторически» в результате использования их людьми. **Нас воспитывают отвергать само понятие религии, которое выходит за рамки того, как мы ее используем, подвергая нас неопровержимым границам всякого «использования», то есть для достижения божественных целей.** Однако современное формальное превращение религии в игрушку глобальных рыночных сил не искоренило трансцендентное измерение религии в наших обществах; он просто заслонил его, заставив нас забыть о нем, даже если мы по-прежнему тянусь к нему, хотя бы потому, что мы вдохновлены нашей коллективной неспособностью построить мир средств, основанных на целях, или средств (которые мы используем), процветающих за счет проектируя себя в беспрецедентные, новаторские, прогрессивные гипотезы.

Как только мы перегрузим рынок нашими страхами и желаниями, религия снова предстанет перед нами как сосуд Правого (то есть правильного образа жизни), в свете которого техноидеологические принципы нашего «универсального» общества будут вынуждены растаять, как восковые крылья, на которых отважились лететь слишком близко к Солнцу.

В конечном итоге у нас есть веские причины сомневаться в способности глобального рынка управлять человеческой природой, особенно там, где, учитывая светское противостояние между Цезарем и Богом, Цезарь выдает себя за Бога, в то время как его адепты выступают в роли Цезаря. На таких макиавеллистских предпосылках наш театр претензий, кажется, обречен подчиняться собственной логике. Ибо над нашим Золотым Тельцом неумолимо движется дамоклов меч, а именно взрывное негодование идолопоклонников, которые ненавидят своего «Бога», по крайней мере, так же сильно, как они делают вид, что любят его.

Как нам понять и жить диалектикой между Цезарем и Богом, не становясь жертвой самоубийственного безумия современного секуляризма? Лео Штраус указывал на постоянную напряженность между Афинами (политика) и Иерусалимом (божественность), предполагая невозможность «мирового гражданства», требующего окончательного исчезновения лица, которое Эммануэль Левинас называл неотъемлемым элементом любой достойной жизни.

Люсьен-Самир Улахбиб, Марко Андреаккио

НОВЫЙ БЕРЛИН: НЕОБЫЧНЫЙ, РАЗРУШИТЕЛЬНЫЙ И ОПАСНЫЙ

ПОЛ ХОКЕНОС

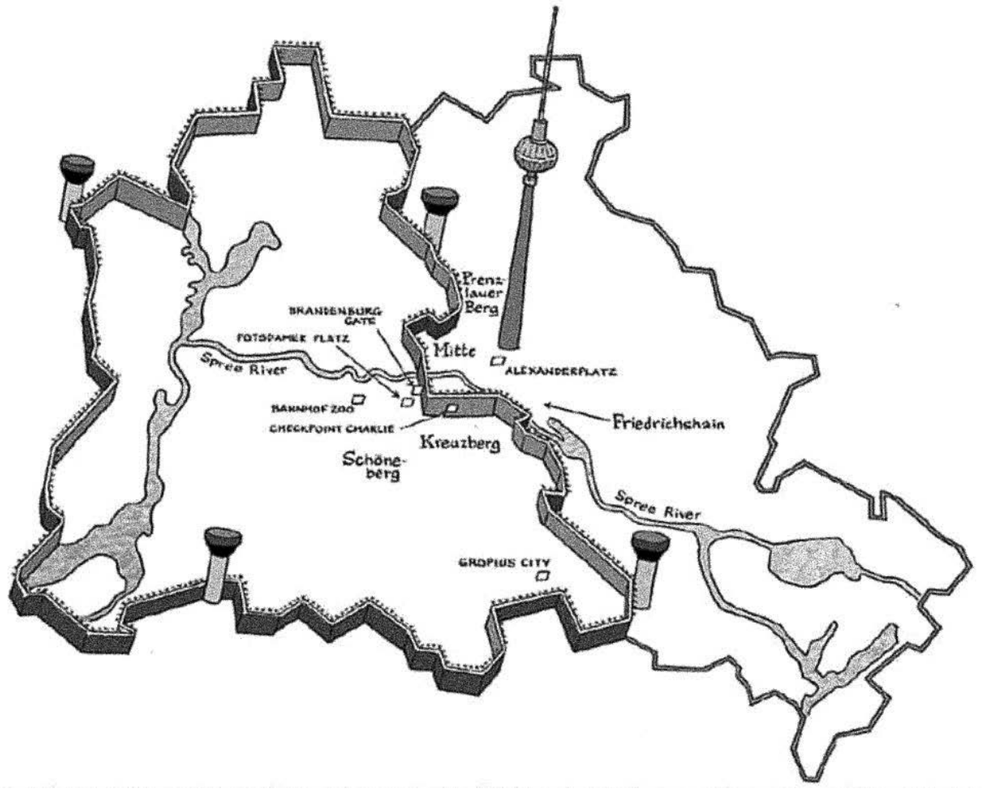
Берлинский писатель, освещавший крах коммунизма, войны в Югославии и преобразования Европейского Союза за два десятилетия. Сегодня его внимание сосредоточено на возобновляемых источниках энергии и климатическом кризисе. Хоккенос является лауреатом за написание четырех книг о европейских делах, и был научным сотрудником Американской академии в Берлине. Пол работал редактором отдела новостей в агентствах Foreign Policy, The Guardian Newsweekly и Internationale Politik

Креативная индустрия Берлина [1] и модный, контркультурный брендинг города позволили мегаполису на берегу Шпрее подняться и процветать после долгого, мучительного переходного периода после стены. Но, в ущерб, город не позаботился о помощи своему творческому классу — художникам и ремесленникам, дизайнерам, музыкантам, кинематографистам, писателям, артистам, владельцам небольших клубов — наиболее важными способами, а именно сохранением условий, благоприятных для художников и художников. другие оригинальные некоммерческие предприятия для процветания. **Используя свою крутость, город подрывает свой источник с помощью стратегии роста**, которая предлагает инвесторам и разработчикам самую почву под ногами творческой группы. Джентрификация, рост населения, коммерциализация и массовый туризм угрожают подорвать процессы, которые оживили и сформировали город, сделав его привлекательным в первую очередь для профессионалов и туристов. Если эти тенденции не ослабеют, Берлин окажется в том же состоянии, что и европейские города-клоны из стекла и металла с завышенными ценами, которых новаторы вытеснили из самых кварталов и, возможно, даже из города, в котором они изначально были проникнуты изюминкой.

Разочарование девелоперов и градостроителей, инвесторов и политиков экономическим развалом Берлина после стены в 1990-х и большей части нулевых было глубоким и горьким. **После прорыва Берлинской стены в ноябре 1989 года и когда Берлин снова превратился в один город** — столицу объединенной Германии — лига профессионалов в области развития предвидела радикальное преобразование города, которое быстро окупилось бы. Не посоветовавшись с жителями Берлина, в общей сложности 3,43 миллиона недавно объединившихся жителей Востока и Запада, город приступил к осуществлению планов по превращению Берлина в мировую финансовую и торговую столицу. В полностью перестроенном центре Берлина были бы небоскребы. Большие городские кварталы с офисными зданиями, конгресс-холлами и элитными квартирами будут стоять на месте стены. Модернистское бельмо на Александерплац в бывшем Восточном Берлине станет «берлинским Манхэттеном». Должен появиться новый крупный аэропорт, такой как Франкфурт, и все будет готово к 2000 году, когда Берлин сможет, если его выберут, принять у себя летние Олимпийские игры.

Так получилось, что очень немногие из этих грандиозных планов когда-либо реализовывались. Безусловно, в годы, прошедшие после возведения стены, началось бурное строительство: торговые центры, кинотеатры и высотные здания на Потсдамской площади, например, выросли из 150 акров ничейной земли, которую Стена разделила пополам. Поблизости Берлин построил высокий центральный железнодорожный вокзал, крупнейшее в Европе и ультрасовременное залитое светом здание для размещения федерального правительства и депутатов Бундестага, которое было полностью модернизировано для этой цели и украшено поразительным стеклянным куполом. Однако лиги ожидаемых инвесторов с глубокими карманами остались в стороне. И за исключением признания самой большой и шумной строительной площадки в мире, город не мог определиться с имиджем и стратегией развития нового Берлина.

Фактически, после разработки, а затем отказа от одного плана города за другим, прошло около десяти лет после объединения, когда город наконец осознал природу своей уникальной черты, чего не хватало во Франкфурте, Гамбурге и Мюнхене: песчаный, изобретательный Самодельный изнанка, которую сам город не делал ничего для воспитания и, как это ни парадоксально, даже пытался скрыть. **Примерно в 2000 году проектировщики поняли, что Берлин привлекает множество молодых, новаторских, образованных людей**, которые искали город прямо из-за его острых углов, низкой арендной платы и нетрадиционного чутья. Туристов приходило все больше и больше для посещения клубов и ночных клубов. За этим последовали коммерческие интересы:



некоторые поддержали творческих людей, такие как звукозаписывающие компании и издательства, но и многие другие, которые просто хотели получить место в этом модном новом Берлине, такие как медиа-предприятия, ИТ-компании, девелоперы и многие другие.

Город запрыгнул в фургон с рвением новообращенных, хвастаясь заброшенными закоулками Берлина, которые можно было использовать для всевозможных самопровозглашенных проектов и малого бизнеса.

> *Мантра «творческий город» была интегрирована в городской маркетинг Берлина,— пишет социолог Клэр Коломб,— с помощью различных кампаний, в которых постоянные изменения, эксперименты и установление тенденций, происходящие в городе, рассматриваются как важные факторы привлекательности. Некоторые из «нестандартных», альтернативных или андеграундных культурных и художественных сцен были официально интегрированы в маркетинговые стратегии, например, техно и клубную сцену [2].*

Планировщики не могли догадаться, что поток культурных предприятий и посетителей, устремившихся в Берлин, только начался. К 2002 году креативная экономика вдохнула жизнь в 18000 предприятий, которые поддерживали 90000 рабочих мест, что составляет 8 процентов рабочей силы города. К 2012 году таких предприятий и рабочих мест было почти в два раза больше, а валовая прибыль составила 21,5 миллиарда долларов, что составляет 10 процентов от общей суммы в Берлине. Два года спустя в филиале появилось еще 20000 рабочих мест. Что-то в Берлине стимулировало создание стартапов в различных секторах, которые к 2010-м годам сделали Берлин чемпионом по стартапам во всей Европе. Между тем, Берлин обогнал Рим и стал третьим по популярности туристическим направлением в Европе после Парижа и Лондона. Эти посетители приходили не ради высокой кухни (действительно, ее нет в Берлине), а чтобы прогуляться воскресным утром по обширному блошиному рынку в Мауэрпарке, осмотреть художественные галереи на Брунненштрассе или просто побродить по улицам Кройцберга и Пренцлауэра. Берг.

Гей-туризм в Берлине уже давно превратился в мир и индустрию.

Берлин как плодородное место этого вдохновенного подъема и притяжения имеет объяснения, уходящие корнями в его отчетливое прошлое. Город во время его разделения, а затем в течение десятилетия после Стены предлагал иконоборцам и демимондам два важных элемента, которые позволяли им процветать в его окрестностях: **Freiraum (свободное пространство) и Freizeit (свободное время)**. Новое поколение, которое с тех пор приехало в город, могло не знать об этом, но именно это богатство сделало и Восточный, и Западный Берлин редутами для свободных духом и склонных к творчеству людей, позволив им вырастить чрезвычайно изобретательные субкультуры в конце 1970-х и 1980-е годы, задолго до объединения Германии.

Как ни странно, неотъемлемой частью уникальных биотопов Восточного и Западного Берлина была Берлинская стена, самый яркий символ разделенной Европы и жестокой логики советского коммунизма. Хотя в 1961 году именно поддерживаемый Советским Союзом коммунистический режим Германской Демократической Республики (ГДР) построил шлакоблоки и перегородку из колючей проволоки, Западный Берлин оказался городом, окруженным стеной. 106-мильный путь от материковой части Федеративной Республики, известной как Западная Германия, пролегал через Восточную Германию по специальным «транзитным магистралям», с которых было запрещено отклоняться. Чтобы попасть в Западный Берлин, нужно было пройти мимо восточногерманских пограничников, что могло занять минуты или часы, о которых никто не знал, и обычно дольше, если в вашем паспорте было написано «Соединенные Штаты Америки».

Столь сильный негативный эффект, среди многих других, сделал Западный Берлин маловероятным местом для осторожных или карьерных людей. Фактически, недостатки Западного Берлина вынудили администрацию города просто поддерживать население города, что было решено в основном за счет субсидирования почти всего в городе, включая его богему, которая в основном придерживались стойких левых политических взглядов. К 1980-м годам даже я знал о репутации Западного Берлина и прибыл сюда осенью 1985 года, двадцатидвухлетним выпускником колледжа, который пытался сбежать из северной части штата Нью-Йорк, из Америки эпохи Рейгана, и от давления, требующего выбора карьеры. В конце концов, Дэвид Боуи и Игги Поп продюсировали там одни из своих лучших работ в 1970-х годах. В вечерних новостях я видел драку между поселенцами и полицией. Я знал о репутации Свободного университета как центра критической социальной мысли. И, что, пожалуй, лучше всего, я не знал там ни души.

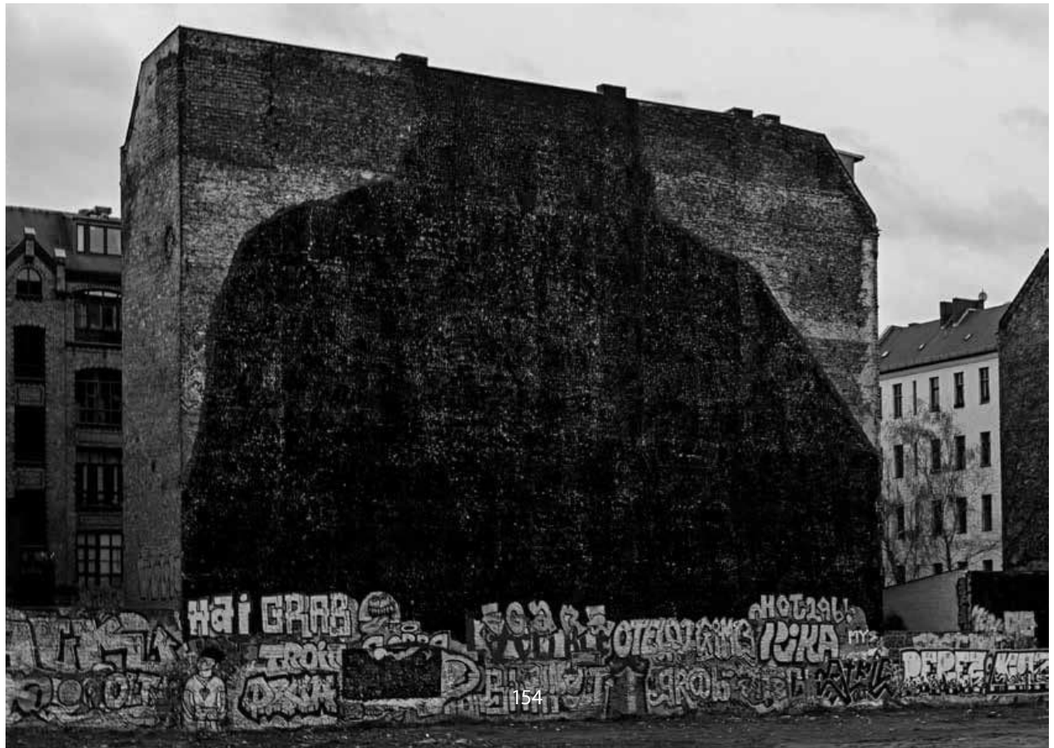
Но чего я не понимал, так это того, сколько других было в Западном Берлине, спасающихся от чего-то: будь то призыв в армию Западной Германии, провинциальные родные города или шпионские службы Восточного блока. **К концу 1970-х и на протяжении большей части 1980-х в этой среде процветала яркая субкультурная сцена**, слухи о которой просочились через милитаризованные границы, **привлекая еще больше талантов, таких как Ник Кейв, Мартин Гор из Depeche Mode, фотограф Нэн Голдин., Лу Рид и многие другие. Всемирно известный модельер Клаудиа Скодер начинала свою карьеру в Западном Берлине**, как и некоторые из самых известных современных художников Германии, среди которых Йорг Иммендорф и Мартин Киппенбергер. Более того, студенческое движение 1960-х годов и последовавшие за ним новые социальные движения семидесятых — экологические, антиядерные, женские и мирные кампании — также оставили свой отпечаток на западных зонах города. А «альтернативное движение», смесь бросивших школу и идеалистов, приверженных автономным проектам и образу жизни, создало параллельную экономику, варьирующуюся от кооперативов по производству органических продуктов питания до подвальных кинотеатров. В их проектах были тесно переплетены инновации в повседневной жизни, политике и культуре.

В 80-е годы наиболее одаренные новаторы в искусстве Западного Берлина вращались в кругах «Бриллиантовых дилетантов» [3] — неформальной группы ху-

дожников и музыкантов, которые близко относились к духу панк-рока «сделай сам». (Свидетельства того, что эксперименты Берлина в повседневной жизни, политике и культуре уходят корнями в далекое прошлое, так это то, что 1960-е годы, имя дилетантов и большая часть их вдохновения были взяты из послевоенного движения Дада). Возможно, самым знаменитым из множества проектов и начинаний — или, по крайней мере, самым впечатляющим — была **индустриальная группа Einstürzende Neubauten** (буквально: разрушающиеся новые здания), которая навсегда стала источником вдохновения для **индустриальных групп из Nine Inch Nails и Мэрилин Мэнсон — Rammstein. Нойбаутен создавал музыку с помощью кувалд и бетонных плит, циркулярных пил и смеси промышленных отходов**. Семена электронной танцевальной музыки были посеяны и в Западном Берлине, не в последнюю очередь благодаря организации **Atonal Music Festivals** музыканта и владельца клуба Хегеманна, новаторскому проекту в области электронной музыки. Дилетанты и другие в их приемном доме имели freizeit и freiraum, которые современные креативщики не могут себе представить.

Многие жители Западного Берлина не знали об этом — на самом деле, многие могли / не могли бы заботиться о Восточном Берлине меньше — но за Стеной существовал еще один усеченный город, в котором богатые творческими проектами проекты пустили корни в старом переломе. Здесь тоже есть жилые дома века и заброшенные фабрики. Как и творения Западного Берлина, в них переплетаются повседневная жизнь, политика и субкультура. Но в государстве, где правит серьезная диктатура, их деятельность и продукты представляют собой подстрекательство к мятежу и преследуются по закону. Действительно, ставки для его главных героев были чрезмерно выше, чем для их сверстников в Западном Берлине, и их крайние средства новаторства и импровизации отражали это. В ГДР инновации, выходящие за рамки предписанных государством, воспринимались как угроза.

Возможности выражения мнения для граждан с независимым нравом, которые не только ощетинились диктатурой, но и стремились выступить против нее, были крайне ограничены. В соответствии с курсом советского блока все партии, кроме коммунистической партии и ее сателлитов, были запрещены, а свобода собраний и другие формы организации жестко контролировались государством. Не было ничего похожего на студенческое движение Западной Германии или Новые социальные движения в Восточной Германии. (Фактически, в ГДР были попытки организовать вокруг схожих тем, но они были либо подавлены, либо более тонко подорваны.) Не было легкодоступного freiraum в отцовском государстве, которое считало, что последнее слово во всем. Единственным учреждением, которому удалось создать некую свободу, была протестантская церковь, и действительно, под крылом ее более бесстрашных пасторов контркультура и свободная арт-сцена сумели оказать сопротивление режиму — и в конечном итоге приложить руку к его свержению.



Культура была особенно сложной территорией, поскольку государству было намного труднее контролировать, чем открытая политическая деятельность, и ее идеи всегда открыты для интерпретации. Таким образом, именно с помощью контркультуры политическая оппозиция ГДР в 1980-х годах стремилась открыть интеллектуальное пространство и заняться политикой. В Восточном **Берлине была своя богема, в которой были экспериментальные группы, визуальные художники, скульпторы и даже андерграундная сцена из фильмов.** Панк-рок был особенно важен, особенно для самого молодого поколения радикальных критиков, живущих в городах ГДР. (Это был всего лишь крошечный осколок самого молодого поколения в целом, но его дух и намерения напугали коммунистов достаточно, чтобы привлечь их к ответственности, отправив их главных героев в тюрьму, в армию или в ссылку за границу.)

> *«Государство заявило, что вы ничто и ничего не можете без него сделать», — объясняет Хайнц Хавемайстер, музыкант, родившийся в Восточном Берлине и соавтор книги о независимой музыке ГДР. «Самостоятельная работа обошла иерархию музыкального сектора ГДР, всю систему молодежных клубов, цензоров и всего остального».*

Когда стена рухнула, субкультуры Восточного и Западного Берлина столкнулись друг с другом на руинах Восточного Берлина, породив что-то совершенно новое в порыве эксцентричных экспериментов. Восточногерманские чиновники, чей авторитет был подорван или аннулирован, остались в стороне, в то время как более двух сотен зданий были сквотированы: восточными немцами, западными немцами и главными героями со всей Европы. Впервые с начала 1930-х годов Берлин снова был открыт для мира. Там был freiraum для любого, у кого есть лом и хорошая идея. Одиннадцать месяцев между падением стены и объединением были удачно названы «годом чуда анархии», который для многих берлинских импресарио, таких как те, кто стоит за гигантскими клубами электронной танцевальной музыки, такими как Tresor, Planet, WMF и E-Werk, увеличился. в конце 1990-х гг. Отключенные от сети контркультуры источали мощные, интенсивные политические течения, которые вдохновляли новичков, которые приходили вслед за ними, даже тех, кто был слишком молод, чтобы помнить о разделенном городе.

СОХРАНЕНИЕ УНИКАЛЬНОСТИ БЕРЛИНА

Сегодня Берлин — уважаемая столица не только объединенной Германии, но, возможно, и самой Европы. Мускулистая экономика Германии не имеет себе равных на континенте, и именно на Берлин, а не Брюссель или Париж, смотрят президенты США и другие мировые лидеры, когда возникают кризисы между Атлантикой и Уралом. Далеко за Потсдамской площадью, маниакальный рост Берлина сгладил многие его края, покрывая некогда вездесущие дикие участки земли, а также стирая все признаки печально известной стены Восточной Германии. Девелоперы и брокеры по недвижимости, пережившие суровые 1990-е, наконец-то увидели исполнение своих мечтаний о богатстве.

Проблема, с которой сталкивается Берлин, заключается в том, может ли мегаполис мирового класса, столь одухотворенный авторитетом, оставаться своеобразным, резко критичным и экспериментальным, привлекательным как для нонконформистов, так и для ИТ-специалистов и государственных деятелей. Пока что Берлину это удается,

хотя и с трудом, и не без жертв. Многие из определяющих проектов Берлина эпохи пост-стены — такие как сквотированные руины под названием Kunsthaus (Art House) Tacheles, танцевальные клубы Planet и Bar 25, инди-локации IM Eimer и Knaack, и это лишь некоторые из них — упали до джентрификации и теперь ушли навсегда. Клубы электронной танцевальной музыки переполнены тусовщиками. Список субкультурных достопримечательностей, включая Мауэрпарк, в настоящее время борющихся за свою жизнь, длинный и душераздирающий. Арендные ставки в бывших бастионах субкультуры — в районах Пренцлауэр-Берг, Кройцберг и Фридрихсхайн — настолько выросли, что многие художники не могут позволить себе там жить. Район Митте, один из центров пост-Стены, теперь является игровой площадкой для состоятельных профессионалов Берлина; роскошные коктейль-бары и бутики уже давно заменили обычные кафе.

Среди городов развивающегося мира эта траектория характерна не только для Берлина, как знает любой, кто побывал в Нью-Йорке, Лондоне или Сан-Франциско в 1970-х годах. По мере того, как он вылезал из дна 1990-х годов, арендная плата в Берлине постепенно росла. Хотя повышение арендной платы, вероятно, было неизбежным, у города были средства для сокращения излишков и увеличения социального жилья. Вместо этого он распродал большую часть социального жилья на восточной стороне, выручку от которого он сдал в ссуду новым владельцам для обновления жилищного фонда. Кварталы исторических зданий значительно выиграли от полномасштабной реконструкции, в которой им отказывали со времен войны. Реконструированные фасады и свежая краска творили чудеса, но приватизация означала, что жилье малооплачиваемых людей и изобретательных умов в их числе оставалось на произвол судьбы.

ЦИКЛ ДЖЕНТРИФИКАЦИИ

Я испытал на себе облагораживание Берлина еще на передовой, когда он тянулся наружу из центра города. Первым был нанесен удар по центру Митте, где я жил в начале 1990-х на Фридрихштрассе, большой торговой миле 1920-х годов. Я сдал в субаренду квартиру на первом этаже с роскошными удобствами, такими как центральное отопление и телефон (удобства на восточной стороне не считались само собой разумеющимися). Это место находилось в стороне от оживленной Фридрихштрассе в анклаве, построенном гугенотами, французскими протестантами, бежавшими из Франции 17-го века. За пределами моего балкона была дикая чаща, сквозь которую я мог слышать слонов, лошадей и других животных в ветеринарной клинике Шарите по соседству. Квартал гугенотов был настолько желанным в течение десятилетий ГДР, что партия зарезервировала его для выдающихся восточных немцев, среди которых были **художник-дадаист Джон Хартфилд и философ Эрнст Блох** (оба давно умерли к тому времени, когда я приехал).

Моя удобная обстановка была типичной для того времени. Моим «арендодателем» был инженер из ГДР, имя которого было указано в договоре аренды. Уехав на работу в Баварию, он сдал мне свою субсидируемую квартиру, увеличив арендную плату (против закона) на сотню долларов или около того. Но на 235 долларов в месяц я не мог жаловаться. Я уехал через два года, когда строительная буря подкралась к Фридрихштрассе в моем направлении.

Следующее мое жилище было в одном из старых пятиэтажных домов на Иммануэлькирхштрассе в Пренцлауэр-Берге, примерно в 10 минутах езды от Фридрихштрассе. Мощеная улица, обсаженная грушами, плавно поднималась вверх от основания парка Фридрихсхайн к церкви Иммануила на Пренцлауэр-аллее. Когда в 1994 году я переехал в многоквартирный дом из трех человек, на улице было всего несколько предприятий, одним из которых было тихое **кафе Briefe an Felice (Письма к Феличе) по адресу, по которому чешско-немецкий писатель Франц Кафка отправил свои знаменитые письма своей невесте Феличе Бауэр.** Через дорогу от моей квартиры небольшая угольная площадка действовала из дыры в городском пейзаже, оставленной бомбардировщиком союзников. За своим столом я смотрел эту сцену прямо из 1930-х годов, когда угольщики, черные, как вороны, укладывали свои задние доски брикетами и тащили их к грузовику. Промежуток пропускал солнечный свет в течение всего дня и давал мне беспрепятственный вид на луковичную телебашню на Александерплац. Район по-прежнему был в основном населен жителями 1980-х годов: низкооплачиваемыми рабочими, обездоленными людьми без формальной работы, пожилыми людьми, студентами и местной богемой. После падения Стены в нее вошли и посторонние, вроде меня.

На протяжении 1990-х улица развивалась медленно, хотя поначалу незаметно. Малый бизнес приходил и уходил быстро, например, мастерские по ремонту обуви, кафе, бары, салоны эротического массажа, крохотные художественные студии и галереи, магазины спиртных напитков. Некоторые из более бедных семей перебрались в обшитые цементными панелями многоэтажные дома на периферии Берлина, в то время как более обеспеченные семьи

направились в зеленые пригороды Берлина. По мере того, как молодые одиночки тяготели к району, чтобы заменить их, местные детские сады и школы закрывали свои двери. Качественные ночные клубы, такие как Knaack и Magnet, были усеяны на карте, как и ночной Kommandantur у подножия старой водонапорной башни, погружение, в которое окрестности погрузились около полуночи.

Не прошло и двух лет, как джентрификация шла полным ходом. Briefe an Felice и угольный склад закрылись, последний в конечном итоге был заменен современным жилым домом, который блокировал мой заветный солнечный свет. Строительный хаос перешел из Митте в Пренцлауэр-Берг, начав 10-летний процесс ремонта, который вызвал неумолимую демографическую смену сверху вниз, которая изменила Киезе или районы до неузнаваемости. Я превратил одну из светлых передних комнат с высокими потолками в моем просторном вестибюле в кабинет. Но мне это не нравилось. Отбойные молотки начались в 6:30 утра и не прекращались до наступления темноты. Ни разу в течение всего года в пределах слышимости не было ремонтных площадок.

Тем временем мое здание было продано восьми лицам, проживающим в этом доме. Хотя они не были склонны к коллективизму, они хотели управлять домом на благо всех в нем. Их ежемесячные собрания длились часами, но не так долго, как у наших ближайших соседей, которые превратили свое здание в кооператив, сама структура принадлежала некоммерческой строительной ассоциации, каждый член кооператива имел один голос. Эта модель владения, с вариациями от случая к случаю, была формой, которую в конечном итоге приняла большинство легализованных сквотов в Берлине.

Демографический сдвиг в Пренцлауэр-Берге был очевиден, поскольку молодые специалисты и небольшие семьи из высшего среднего класса переехали в красиво отремонтированные здания, которые к тому времени были одними из самых желанных объектов недвижимости во всем Берлине (а к тому времени все они имели телефоны и центральную станцию обогрева). Машины новоприбывших забились по обе стороны узких улочек. И одиночки 90-х соединились друг с другом, чтобы стать семьями нулевых. Детские сады открылись снова, а игровые площадки выросли, как одуванчики, поскольку Пренцлауэр-Берг приобрел репутацию семейной столицы плодородия Германии. Нигде в стране — где в течение многих лет количество смертей превышало количество рождений — немцы не рожали больше детей.

Почти все мои знакомые работали в творческом секторе — журналисты, переводчики, музыканты, дизайнеры — и большинство из них предпочли пожертвовать безопасностью работы с девяти до пяти ради свободы гибкой контрактной работы. Помимо общей доступности в Берлине, это возможно благодаря уважаемому учреждению под названием **Künstlersozialkasse, Фонд социального страхования художников, который предлагает широкий круг художников, включая писателей и переводчиков**, страхование здоровья и инвалидности, а также соответствующие выплаты по социальному страхованию., за ежемесячную ставку, рассчитанную по доходу. Улицы Пренцлауэр-Берг заполнились книжными магазинами, студиями йоги, площадками для совместной работы дизайнерских фирм и ИТ-стартапов, переводческими коллективами и новинками. В настоящее время я делю офис с программистом, профессором культурной антропологии и кинокритиком-фрилансером.

Я тоже был холостяком из Пренцлауэр-Берг, который нашел спутницу жизни и остепенился. Наш ребенок ходит в один из детских садов, расположенных между Kulturbrauerie — бывшей пивоварней, в которой сейчас находятся кинотеатры, клубы и театральная труппа — и супер-модной площадью Kollwitzplatz. Типичный Пренцлауэр-Берг, все дети детского сада и их родители белые, образованные и хорошо работающие, что разительно контрастирует, например, со старым западным берлинским районом Кройцберг, где этническое разнообразие (в основном в виде жителей турецкого происхождения) сохранился, хотя арендная плата там взлетела до небес. Родители друзей моего сына приехали из Восточной и Западной Германии, а также со всего Европейского Союза. Но не из Турции или Восточной Европы. И, конечно же, есть североамериканцы. Нас здесь значительное меньшинство. Некоторые вообще не прикладывают никаких усилий, чтобы выучить немецкий язык. Зачем беспокоиться? В настоящее время почти все говорят по-английски.

Каким бы комфортным ни был патриций Пренцлауэр-Берг для семей, нельзя отрицать, что он утратил свою привлекательность. Если вы хотите погулять по городу, вам обычно нужно покинуть его улицы и отправиться в Кройцберг, Фридрихсхайн или Нойкельн. Кнаак-клубу, пережившему диктатуру и резкий переход после стены, пришлось закрыть магазин, потому что его соседи в недавно построенном здании не могли справиться с шумом выходных. Все пустые участки заполняются, некоторые из них закрытыми сообществами, такими как ослепительно белые Швейцарские сады на краю парка Фридрихсхайн, построенные на участке, где караванное сообщество бросило якорь в начале 1990-х гг. Можно только предположить, что эти новички за своими запертыми воротами хотят не пускать Берлин.

Район сейчас настолько дорог, что круг замкнулся: художники и ремесленники сталкиваются с вытеснением. Действительно, владельцы моего здания теперь имеют в своих руках чрезвычайно ценный актив. Как и многие из наших знакомых с более

старыми арендаторами, мы изо всех сил пытаемся остаться.

ГОРОД НЕЖИТИ

Тем не менее, Берлин сохранил свое причудливое поведение, и его чутье сегодня в огромном долгу перед непредсказуемыми, противоположными течениями, которые проходят через него. Еще есть **freiraum, или свободное место, хотя найти его труднее;** сегодняшним блестящим дилетантам приходится жонглировать и экономить, чтобы заработать на своих проектах freizeit. Но это возможно. **Kreativen, или креативный класс, как их сегодня называют, являются неотъемлемой частью нового Берлина**. Из-за того, что самые избранные адреса в центре города недоступны, многие из нонконформистов и вместе с ними выпускники американских колледжей, которые год или два занимаются Берлином, направляются в Веддинг и Нойкельн, два района бывшего Западного Берлина, которые еще в прошлом. день населяли пролы, мигранты и студенты. Сегодня это районы, куда мы ходим, чтобы попробовать крафтовое пиво и послушать живую музыку.

Бунтарь в Берлине не был искоренен, а скорее вытеснен. Например, танцевальные клубы, которые когда-то располагались на окраине Потсдамской площади, в самом центре Берлина, за несколько миль прошли несколько миль на восток к берегам Шпрее между Кройцбергом и Фридрихсхайном. Хотя техно-клубы не стали той потусторонней сенсацией, которой были в 1990-х годах, они остаются на переднем крае электронной музыки, чему помогают многие продюсеры в Берлине, и расширили свой репертуар, включив в себя концертные выступления, выступления и художественные выставки.

Многие художники эмигрировали за пределы исторического города, где у них до сих пор есть большой выбор свободных мест. В 12 минутах езды по скоростной железной дороге от Александерплац, старый рабочий район Шеневейде, где есть заброшенные промышленные склады и фабрики из красного кирпича с длинными ставнями, в которых сейчас проживают 400 художников, и есть свободные места.

В 90-е годы был период, когда никто из здравомыслящих людей не хотел входить в сборные цементные многоэтажки ГДР, которые когда-то были модернистской гордостью коммунистического государства. Однако сегодня солнечная трехкомнатная квартира в Марцане, Хеллерсдорфе или Хоэншёнхаузене стоит около 500 долларов в месяц — примерно четверть от текущей цены в Митте. Это не массовый исход, а скорее тонкая струйка, которая вполне может увеличиться, если арендная плата в городских районах продолжит расти. В 2012 году, когда город закрыл Kunsthaus Tacheles после того, как инвесторы купили недвижимость, горстка его изгнанников, таких как французский скульптор Керта фон Кубин и ее итальянский партнер Клаудио Греко, перенесли свою студию в высотный пригород Марцана (который находится ближе к центру Берлина, чем Гринпойнт, Бруклин, к Пенсильванскому вокзалу), где они присоединились к другим, избежавшим джентрификации. Теперь бесстрашные туристы даже отправляются в Марцан, чтобы проверить свой Kunstwerkstadt и полюбоваться живыми остатками реального социализма.

Мейнстрим Берлина, возможно, подтолкнул его политику к центру, но Берлин остается политически заряженным и домом для огромного количества кликов-активистов.

Reclaim Your City (RYC) — это слабо организованная организация, выросшая из движения уличного искусства Берлина и идущая по стопам великого ситуациониста Анри Лефевра, автора классической книги «Право на город». RYC позиционирует себя как сеть различных берлинских кампаний, пропагандирующих доступную жизнь, прямую демократию и открытость общественного пространства для искусства. Молодые мужчины и женщины очень похожи на берлинских скваттеров и художников стены 80-х годов, но в современной интерпретации. **RYC проводит акции протеста** — включая сквотирование общественных пространств — против распродажи городами открытой собственности в центре города в отчаянном стремлении пополнить

свою казну. Среди союзников RYC — такие группы, как Kotti & Co, упорная группа по защите прав арендаторов, в которой старые и молодые, немцы и турки объединились, чтобы оспорить выселение местных жителей и их магазинов из старого квартала Кройцберг вокруг Коттбюссер Тор, на который берлинцы ссылаются, как «Котти».

Одна громкая кампания, в которой участвовали обе группы, вращалась вокруг Куври-Браш, участка пустоши площадью три акра вдоль Шпрее в Кройцберге, где в середине 2010-х годов разные кочевники построили поселение из палаток и хижин. Участок граничил с двумя кирпичными многоквартирными домами, высокие брандмауэры которых без окон **создавали идеальный холст для двух самых знаковых фресок Берлина: гигантских белых существ итальянского художника Блю.** Первый из них продемонстрировал раннюю борьбу восточных и западных немцев в годы после воссоединения, изображая две парящие, неопределенно человеческие фигуры, разоблачающие друг друга. Второе изображение, бизнесмен, руки которого скованы золотыми часами, украсил столько же открыток, сколько летающие существа.

Тем не менее, пустырь и разрушенные здания были центральными для как и Mediaspree, городская инициатива по превращению берегов реки Шпрее между Янновицбрюке и Эльзенбрюке в центр средств массовой информации и коммуникаций. RYC была лишь одной из десятков гражданских групп, протестовавших против Mediaspree. Тем не менее в декабре 2014 года городские власти очистили палаточный городок на участке Куври, огородив территорию. На следующий день, в знак солидарности с изгнанными скваттерами, Блу закрасил гигантские фрески черной краской для классной доски, возмутив город и нарисовав мрачные статьи. Один из его помощников, поклонник уличного искусства Лутц Хенце, объяснил неожиданный шаг в The Guardian:

> *«Джентрификация в Берлине в последнее время не ограничивается разрушением творческих пространств. Поскольку ему нужно, чтобы его художественный бренд оставался привлекательным, он имеет тенденцию искусственно реанимировать вытесненное им творчество, создавая таким образом «город нежити». Эта зомбификация грозит превратить Берлин в город-музей фанеры, «арт-сцену», сохраненную как парк развлечений для тех, кто может позволить себе растущую арендную плату».*

Если скваттеры и художники не могли занять Куври-Браш, то Блу не собирался одалживать городу или владельцам участка свои работы — и способствовать зомбификации.

Сегодня берлинские предприятия и даже местные власти нанимают художников-граффити для украшения своих стен с целью стимулирования бизнеса. Некоторые художники с радостью соглашаются, что, как утверждают Блю и его со-

юзники, отводит фальшивому, коммодифицированному искусству видное место, в то время как открытые общественные пространства, где может происходить настоящее искусство, разрабатываются теми же бизнес-интересами.

Вероятно, самой большой победой власти народа после торпедирования заявки на Олимпиаду было сохранение Темпельхоф-Филда. **Просторное здание площадью 877 акров — размером с Центральный парк — в центре старого Западного Берлина было аэропортом в центре города,** главным залом из полированного мрамора, построенным нацистами. Он завоевал международную известность как спасательный круг Берлина во время воздушных перевозок 1948–1949 годов, когда почти за год на его взлетно-посадочные полосы приземлилось около 200000 рейсов с припасами для жителей Западного Берлина, находящихся в закрытом пространстве.

Во время эксплуатации лететь из Темпельхофа всегда было удовольствием, потому что до него так легко добраться на метро, а из-за его миниатюрных размеров ориентироваться в нем быстро и легко. Нацистская архитектура, полная симметрия и римский китч придавали ему вид Лени Рифеншталь, как и построенный в 1930-х годах стадион Олимпия сегодня. Шум и его размер обрекли его, хотя поначалу у берлинских политиков не было конкретных планов относительно элитной недвижимости и исторического здания. Но пока город обдумывал это, берлинцы превратили взлетно-посадочную полосу в крупнейший общественный парк Германии, используя заброшенную гудронированную площадку для велосипедных и роликовых коньков, а травянистое поле — для пикников и запусков воздушных змеев. Соседи таскали в парк старый диван и пляжный зонт, чтобы провести день за чтением. Появились бейсбольные бриллианты, а также городские садовые участки, самодельное поле для мини-гольфа и сады скульптур.

Неудивительно, что выбранная недвижимость попала в поле зрения девелоперов, и город предложил превратить около трети ее в жилые и коммерческие здания. Поскольку в планах были сотни акров площадей для отдыха, открытых для публики, город скептически отнесся к суеты вокруг своего проекта. Тем не менее противники плана были настолько разгневаны, что гражданская инициатива под названием **100 Percent Tempelhof Field** положила начало референдуму о судьбе земли, в результате которого более 60 процентов берлинцев проголосовали за сохранение собственности. С тех пор ангары использовались для проведения концертов, выставок и даже национального бала для прессы. Уже более года в этом здании временно проживают беженцы из Сирии и других стран. Десятки тысяч мигрантов из стран Ближнего Востока, Африки и Азии, поселившиеся в Берлине, преобразят город в следующие десятилетия больше, чем что-либо другое. Если их присутствие будет влиять на джамбалаю Берлина так же энергично, как турецкие мигранты делали Западный Берлин в 1970-х и 80-х годах, город от этого станет намного богаче.

МОЖЕТ ЛИ ДЕТРОЙТ БЫТЬ БЕРЛИНОМ?

Задолго до 2011 года, когда Детройт задал вопрос о моделировании возрождения Берлина из постиндустриального крушения поезда в прохладный, но безопасный для столицы город, другие города подхватили этику Берлина «сделай сам» и вторичную переработку городского мусора. И все же Детройт выглядел особенно удачно: когда-то гордый промышленный город превратился в зону экономического бедствия с обширными кладбищами пустующих заводов. В его руинах все еще текла артистическая энергия, например, на сцене электронной музыки, вспышка гения еще в 1990-х годах, которую Берлин позаимствовал себе во благо. Тысячи зданий стояли пустыми в депрессивном Мотор-сити, когда **Дмитрий Хегеманн, владелец легендарной берлинской дискотеки Tresor, инициировал Detroit-Berlin Connection**, проект, целью которого является привнести часть Берлина в его американскую вторую половинку. Хегеманн сосредоточил внимание на двух особенностях, которых не хватало Детройту, а именно на круглосуточных часах питья и условиях

временного использования заброшенной собственности. Уроки Берлина: обнимите ночь и снова конфигурируйте пространство.

Но есть еще кое-что, что другие города могут извлечь из столицы Германии. Берлин показывает, что города ошибаются на пути к собственному несчастью, когда интересы бизнеса заглушают корень городской культуры. Творения художников и посторонних отражаются далеко за пределами их маленьких студий и клубов. Их круги имеют ценность, которую в краткосрочной перспективе не всегда можно исчислить в долларах и центах. Городские власти могут создавать фонды для культуры или даже отдавать студии художникам, как сейчас в Берлине, но важнее условия, необходимые для того, чтобы сделать это самостоятельно. Эксцентричность и подлинность оригинала требуют места и времени. Города могут сделать больше всего для творческих людей, поддерживая низкие арендные платы с помощью законов, которые защищают права арендаторов и ограничивают повышение арендной платы. Они должны поддерживать жилые районы и обеспечивать доступную социальную и медицинскую страховку для художников и писателей. Новая левая администрация Берлина с 2016 года в мэрии взяла на себя обязательство сделать это, но пока мы видели очень мало.

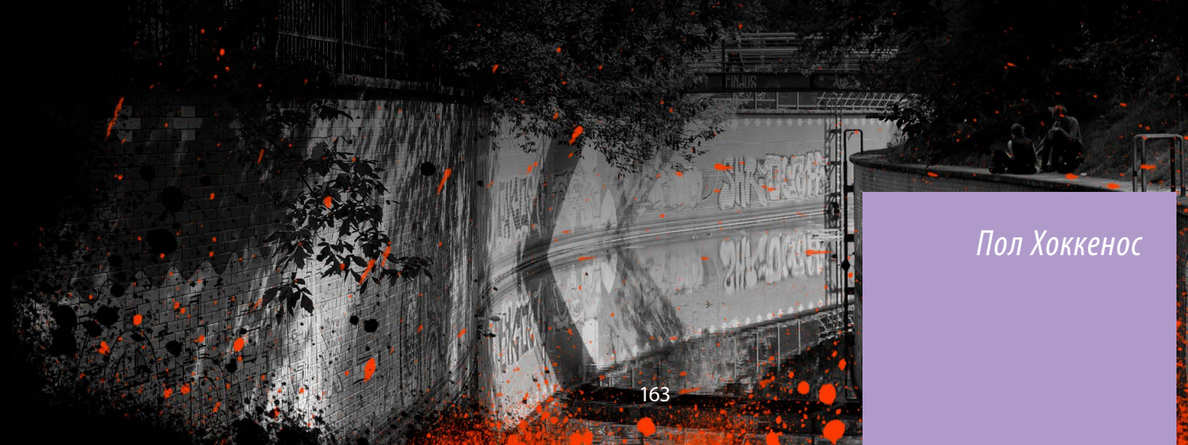
Что касается самого креативного гражданского общества, то ему тоже нужно засучить рукава. Создатели Берлина должны начать борьбу с джентрификацией, внедряя такие кампании, как RYC и Kotti & Co, с той страстью, которая отличала от движений снизу прошлого, таких как движение сквоттеров в Западном Берлине 1980-х годов. Бунтари уличного искусства, такие как Блю, идут впереди, сражаясь с коммерциализацией Берлина — и его искусства — из окопов. Движения давно минувших эпох, которые смешивали подрывную политику с субкультурой и живыми экспериментами, не были случайностью того времени. Они бросили вызов статус-кво — и изменили его, попутно вдохновляя других. Обладая таким богатством новаторских талантов в городе, с точки зрения их большего, чем когда-либо, количества, сегодняшние международные берлинцы могут добиться этого, если вступят в борьбу. В противном случае им придется винить только себя, когда Берлин выглядит так же, как Франкфурт, Гамбург или Мюнхен.

ССЫЛКИ:

[1] В Германии творческие индустрии в широком смысле включают радиовещание, музыку, кино, дизайн, издательское дело, СМИ, рекламу, искусство, исполнительское искусство, архитектуру и разработку программного обеспечения. Я не считаю рекламу, телерадиовещание и разработку программного обеспечения средами культуры, которые могут составлять критическую культуру.

[2] «Урбанизм своими руками» в Берлине: дилеммы и конфликты в мобилизации «временного использования» городского пространства в местном экономическом развитии. Семинар «Быстродействие и постоянство в городском развитии», Университет Шеффилда, 14–15 января 2015 г.

[3] По-немецки это были Geniale Dilletanten, слово «дилетанты» написано неправильно, чтобы подчеркнуть их дилетантство.



Пол Хоккенос

БОЕВЫЕ ИСКУССТВА КАК ШКОЛА ЖИЗНИ

САНДЖАЙ СОКХУ

Профессиональный тренер по силовой и физической подготовке, тренер по боксу и видеооператор. В настоящее время тренирует спортсменов по разным дисциплинам. Он один из немногих в мире тренеров, сертифицированных Westside Barbell, и первый в Нидерландах. Его исследовательские интересы – боевые искусства, улучшение спортивных результатов и силовая подготовка. Он также пишет для международного издания World of Martial Arts

ВСТУПЛЕНИЕ

Термин **«боевые искусства» (Martial Arts) восходит к латинскому языку и означает «искусство Марса»**, имея в виду римского бога войны. Однако изображение драк восходит к далекой истории человечества. Истории о войне можно найти **в индийской Махабхарате и египетском искусстве**, но одна из них выделяется больше всего среди других. История Бодхидхармы, вероятно, самая популярная в мире история боевых искусств. История идет примерно так. Индийский монах Бодхидхарма направился к храму Шаолинь в Дэнфене, Китай. Он заметил, что местные монахи не в хорошей физической форме, и научил их нескольким упражнениям, которые монахи продолжают развивать по сей день. Спустя годы после Бодхидхармы мир познакомился с другим человеком, который продолжает влиять на мир боевых искусств сегодня.

ВЛИЯНИЕ БРЮСА ЛИ

До Брюса Ли стереотипный китайский актер был либо тихим, умным, либо излишне комичным. Иногда в Голливуде даже не азиаты выглядели азиатами. **Все изменилось, когда один человек вошел в мир кино в США в 1973 году**. Когда Ли скончался в 1973 году, его фильм **«Войдите в дракона»** заставил мир взглянуть на китайцев с другой точки зрения. Это был первый фильм с участием азиатского супергероя. Внезапно все захотели быть похожими на азиатских актеров, и все захотели быть Брюсом Ли. Не азиаты хотели быть похожими на азиатов.

Фильм вызвал рост интереса к фильмам о боевых искусствах. Западный мир вдохновился тренировками и занятиями боевыми искусствами. Было доказано, что Ли был прав, говоря, что фильмы — лучший способ привлечь внимание людей на Западе, чем книги.

ПОЧЕМУ БОЕВЫЕ ИСКУССТВА?

На протяжении десятилетий самыми популярными людьми на планете были мастера боевых искусств. Такие люди, как **Роберто Дюран, Брюс Ли, Мухаммед Али, Майк Тайсон и Флойд Мэйвезер-младший, были и остаются героями для многих людей во всем мире**. В 21 веке мир боевых искусств популярен как никогда. Боевые искусства более доступны, чем когда-либо. С ростом MMA трудно не найти школу боевых искусств в конкретном городе. Что привлекает людей в искусстве, которое относится к римскому богу войны? У всех участников деструктивный характер? Что происходит, когда кто-то надевает Ги или зашнуровывает боксерские перчатки? Почему мастера боевых искусств говорят, что боевые искусства — это образ жизни, а не просто досуг?

Зайдите в любую хорошую школу боевых искусств, и вы услышите, как тренер говорит, что запрещено использовать то, чему вы научились, на улице, что лучший бой — это вообще не бой. Даже если люди могут бездумно с кем-то сразиться. Часто они достаточно быстры, чтобы понять, что драки могут быть разными, но бессмысленность — не одно из них. Для борьбы с искусными боевыми искусствами требуется (импровизированная) стратегия, настройка атаки, заманивание противника, чтение его движения, определение темпа и многое другое. Вот почему боевые искусства могут быть как умственной деятельностью, так и физической. Многие тренеры даже говорят, что это больше психическое, чем физическое. Что получает кто-то, занимаясь боевыми искусствами, кроме причинения боли другому человеку?

ДИСЦИПЛИНА

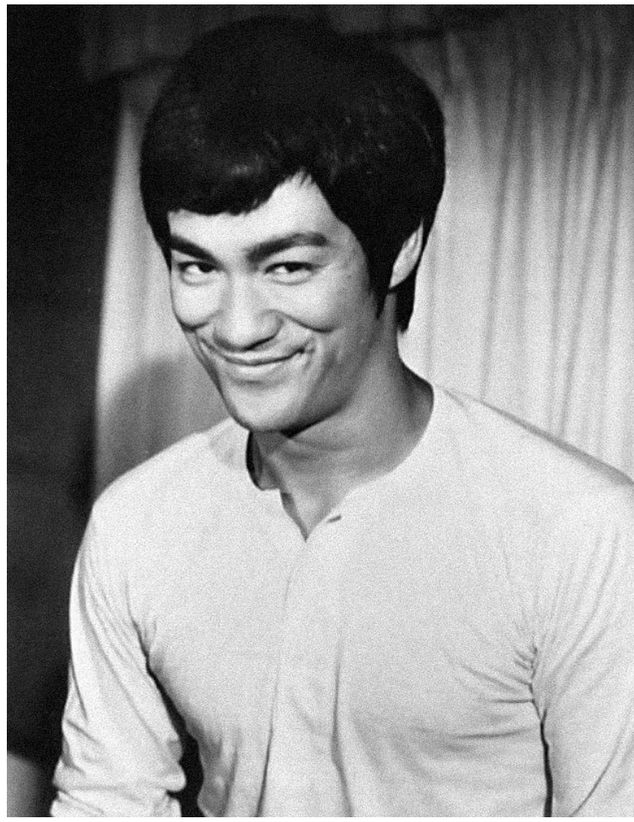
В тот момент, когда кто-то приходит в зал боевых искусств, он или она становится частью новой системы. Система, которой управляет главный тренер или сенсей. Этот сенсей играет решающую роль в определении поведения нового участника. По сути, сенсей играет доминирующую роль в формировании тренировочной среды для всех участников.

Новый участник присоединяется к этой среде и тем самым принимает все правила, которых придерживается каждый участник. Некоторые из этих правил несложны: занятия начинаются в это время, приветствуются начальство и т. д. Некоторые из этих правил могут быть сложными, всегда заканчивайте тренировку 100 отжиманиями или делайте что-то, что стоит запомнить.

Помимо вышеперечисленных правил, **новый участник должен учится слушать, быть объективным в своих действиях, уважать других и себя, иметь позитивное психическое состояние и множество других качеств.** Как можно догадаться, эти атрибуты очень ценны не только в боевых искусствах, но и в том случае, если кто-то хочет добиться достойных результатов в других областях.

Еще один ценный аспект дисциплины — умение ставить цели. Это не только помогает направить ваше обучение, но и помогает оставаться дисциплинированным в своем ремесле. Это учит вас тому, что вы контролируете то, что можете, а что не можете.

Требуются определенные умственные усилия, чтобы отказаться от субботнего



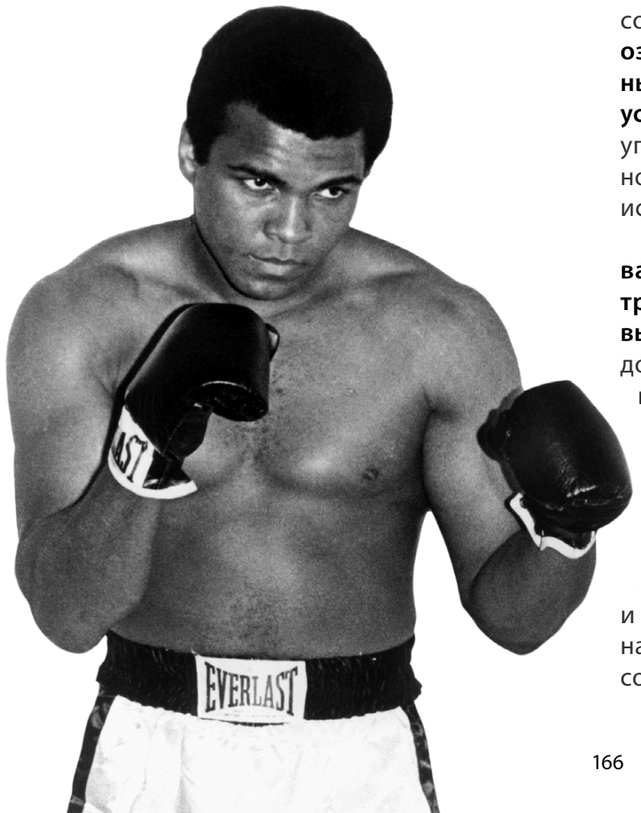
вечера, чтобы восстановиться после тренировки или рано встать для тренировки. Регулярные тренировки помогают научить лучше контролировать эмоции. Это также учит вас долгосрочной стратегии. У мастера боевых искусств должен быть план для достижения своей цели. Это требует от мастера боевых искусств видеть цель и видеть необходимые шаги для достижения этой цели.

АДРЕНАЛИН

Большинство современных людей живут жизнью, полной мер предосторожности, боясь неожиданностей или беспокойств своему эго. Наш новый посетитель тренажерного зала хочет отклониться именно от этого образа жизни. Как утверждает автор **Нассим Талеб**:

> «ВЕЩИ МОГУТ ВЫИГРАТЬ ОТ БЕСПОРЯДКА».

Конечный продукт соревновательных боевых искусств является ярким примером беспорядка. Сражаться с обученным противником, с кем-то, кто хочет вырубить вас, поставить в удушающий захват или ударить вас об пол,— это то, чего большинство населения избегает делать всю свою жизнь.



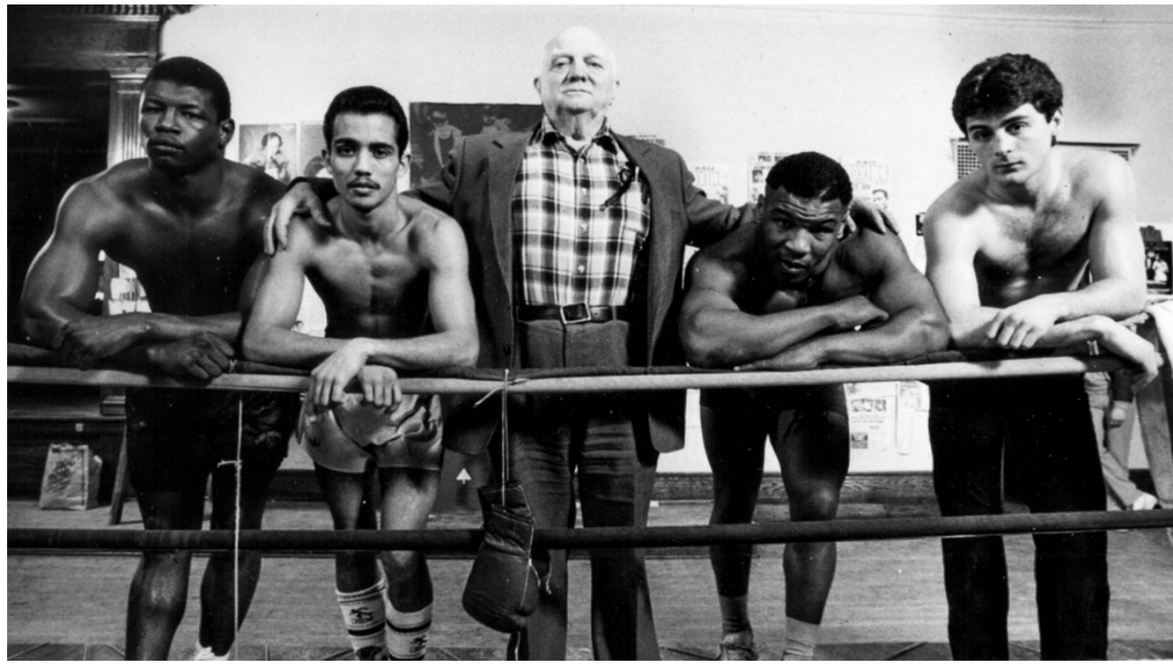
Но именно эта ситуация жизни или смерти может заставить кого-то почувствовать себя живым. **Прилив адреналина, вызванный противостоянием противнику, трудно ощутить при обычном образе жизни.** Существует множество историй о бойцах, которые получают травмы во время боя, но замечают травму только после окончания боя. Автор этой статьи на собственном опыте знает, как это происходит.

Поскольку современный образ жизни в большей степени вращается вокруг цифровых технологий, кажется, что наблюдается постоянно усиливающаяся тенденция к поиску реальных впечатлений. Наступает момент, когда люди чувствуют, что чего-то не хватает. Конечно, нельзя забывать, что из-за доступности мероприятий и наличия поблизости тренажерного зала для боевых искусств люди тяготели к боевым искусствам.

УПОРСТВО

Распространенная фраза в спортивном сообществе: «**оставить все на поле**», **что означает выполнение своих максимальных возможностей, то есть максимальные усилия.** В каком бы месте вы ни находились, упорный труд всегда вызывает определенное уважение. То же самое и в мире боевых искусств.

Единственный способ совершенствоваться в любом боевом искусстве — это тренироваться и получать опыт из первых рук. Это требует настойчивости. Чтобы добиться успеха, новый участник должен приходить и тренироваться, повторяя одни и те же процедуры снова и снова, пока каждое действие не станет его второй натурой. Для получения всех этих навыков необходимо приложить значительные усилия. Чтобы стать хорошим, нужны тысячи часов тренировок, и единственный способ овладеть этими навыками — через кровь, пот и слезы. Это совпадает со следующим моментом.



ПРЕДЕЛ

Принято считать, что в процессе достижения цели будут возникать препятствия. В мире боевых искусств их несколько. **Травмы могут отбросить вас на недели, месяцы или даже годы**, но, в конце концов, врач должен продолжить или уйти. Застой в тренировках случается часто. Практикующий не видит заметных улучшений в своей работе. Это может вызвать неуверенность в себе и может стать началом отказа от преследования предыдущей поставленной цели.

Еще одно **серьезное препятствие — проигрыш в соревновании.** На то, чтобы вступить в бой, нужно время, но если кто-то проиграет бой, он или она рано или поздно поймет, что годы упорной работы прошли насмарку. Приобретенного набора навыков было недостаточно. Снова может возникнуть неуверенность в себе, заставляя практикующего усомниться в своих навыках и способности вообще побеждать.

Именно эти препятствия заставляют вас смотреть в зеркало и спрашивать себя, действительно ли вы хотите продолжить этот план. Вы сможете найти то, из чего вы сделаны, только если столкнетесь с этими проблемами прямо сейчас. Опять же, мы видим, что цитата Нассима Талеба верна и в этой ситуации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если вы внимательно посмотрите на все эти элементы, вы увидите, что каждый из них можно использовать в повседневной жизни вне боевых искусств. Будь то ваша карьера или личная жизнь, каждый из этих навыков имеет свою ценность. Думал ли Бодхидхарма, что с помощью боевых искусств можно научиться этим навыкам, кто знает? Что мы действительно знаем, так это то, что с ростом популярности боевых искусств многие люди осваивают ценные навыки. Будем надеяться, что через 10 лет люди все еще будут идти в додзё и не надевать гарнитуру виртуальной реальности, чтобы участвовать в боевых искусствах.

Санджай Сокху

«ЭКСПЕРТ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ» КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОПРЕДЕЛЕННОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

ФЕДЕРИКО РОЗО

Бывший карабинер, консультант по вопросам здоровья и безопасности, консультирует организации по снижению рисков для здоровья и безопасности на рабочих местах. Он имеет квалификацию в таких областях, как служба предупреждения и защиты, техника безопасности, пожаротушение с повышенным риском, также он является инструктором по самообороне

Определение «субкультура», безусловно, можно охарактеризовать всевозможными определениями, учитывая все подходы, с помощью которых было изучено это явление. Тем не менее, в большинстве случаев это не проясняет разницу с другими смежными понятиями, такими как «сообщество» и «образ жизни».

Согласно теоретикам субкультуры, существуют социальные группы со своими собственными установленными нормами и ценностями. Внутри этих групп между субъектами существует определенного рода солидарность, они используют друг друга как точки отсчета для определения своей самооценки и для установления отношений с другими членами субкультуры.

Безусловно, нормы субкультуры могут просто отличаться от норм общества, к которому принадлежат последователи, или быть более акцентированными в некоторых аспектах, не контрастируя при этом с ними и, следовательно, не обязательно иметь отрицательное значение. Более того, субкультура никогда полностью не отделяется от глобального общества, в котором она существует как подсистема. **Субкультуры характеризуется набором определенных ценностей**, которые в том числе могут относится к более широкой общественной системе, но и отличатся. Кроме того, в понятии субкультуры я не встречал явной выраженной отрицательной ценности. Последователи той или иной субкультуры, по их мнению, являются приверженцами только благих идей. На самом деле такое положение вещей свойственно также и для большинства профессиональных или рабочих групп. Поэтому в этой статье я хочу рассмотреть «Эксперта в области безопасности» как представителя определенной субкультуры.

«Эксперт в области безопасности» — это профессионал, обладающий полезными и конкретными навыками для управления учебным процессом по безопасности. Жизненно важно стимулировать граждан и все профессиональные категории к приобретению определенных навыков обеспечения безопасности.

«ЭКСПЕРТ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ» КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОПРЕДЕЛЕННОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Под «культурой безопасности» мы подразумеваем совокупность организационных процессов и профессиональных практик, письменных правил и неформальных условностей, языков, способов мышления, восприятия и представления рисков в компании и в обществе. К сожалению, ее продвижение и интернализация среди рабочих и граждан сталкивается с различными препятствиями повседневного характера. Во-первых, признание многими организациями, работниками и гражданами того, что для достижения результата необходимо столкнуться с определенным риском и расходами. Также следует отметить наличие значительного разрыва между процессами реорганизации методов оценки и управления рисками и действительная организация труда и общества.

Часто знания о сопутствующих рисках ограничены: восприятие и интерпретация рискованных ситуаций недооцениваются. **Многие люди неверно воспринимают риск, поскольку они основывают свой анализ не на объективных цифрах, а на психологическом воздействии несчастных случаев, особенно произошедших недавно.**

Это можно охарактеризовать с помощью концепции «потери страха»: каждый раз, когда рабочий и простой гражданин пренебрегают процедурой, не нанося вреда, они перестают испытывать любого рода страх, который побуждал их к безопасному поведению. К сожалению, «Культура безопасности» по-прежнему считается набором абстрактных, но трудных для применения принципов. Следовательно, нам следует задуматься о прекрасной возможности улучшить качество нашей жизни. Все это должно привести к представлению реального генератора ценностей для всего общества. Чтобы в компаниях и обществе привить необходимую «культуру безопасности», необходимо распространять информацию и делиться принципами безопасного поведения путем организации специальных учебных курсов. В этом случае следует детально изучить фигуру «Инструктора по безопасности».

Например, как мы можем заметить в иерархии и взаимоотношении между членами субкультур, так и в этой отрасти — пример для подражания должен исходить с верхнего уровня. Следовательно, предполагается, что установленных категорий будут придерживаться на нижних уровнях. Поэтому необходимо, чтобы на более высоких иерархических уровнях использовался эффективный подход, предусмотрительно и с особым вниманием к деталям организована работа на всех уровнях. Такой. Принцип самоорганизации мы можем наблюдать в различных субкультурах, и в обществе как таковом.

В отрасли безопасности необходимо исключать иррациональные убеждения, которые приводят рабочих и граждан к неправильному восприятию риска. Это осуществляется в том числе посредством обучающих мероприятий, ориентированных на человеческий фактор, а не только на технический фактор, которые способствуют осознанию и возникновению индивидуальной ответственности у каждого человека. Программы учебных курсов могут быть стандартизированы или адаптированы в соответствии с различными операционными потребностями. У каждого эксперта по безопасности есть возможность обогатить содержание курсов, создав образовательный учебный план, который будет активно стимулировать людей к обучению.

В таком курсе можно было бы рассмотреть следующие аспекты:

- Концепции риска
- Повреждения
- Профилактика
- Защита
- Организация профилактики
- Права, обязанности и наказания по различным предметам
- Контрольно-надзорные и вспомогательные органы
- Риски несчастных случаев
- Общие механические и электрические принципы
- Механизмы и оборудование
- Падение сверху
- Риски взрыва
- Химические риски

- Туман, масла, пары, пары и пыль
- Маркировка
- Канцерогенные риски
- Биологические риски
- Физические риски
- Шум, вибрация, излучение
- Микроклимат и освещение
- Видео терминалы
- СИЗ (средства индивидуальной защиты) для организации работы
- Рабочие места
- Стресс, связанный с работой
- Ручная обработка грузов
- Погрузочно-разгрузочные работы (подъемное оборудование, транспортные средства)
- Вывески
- Чрезвычайные ситуации
- Процедура безопасности со ссылкой на конкретный профиль риска
- Процедуры в случае пожара
- Организационные способы оказания первой помощи
- Несчастные случаи и промахи
- Прочие риски
- Риск агрессии и техники самообороны

В заключение следует отметить, что в отрасли безопасности обязательная подготовка играет фундаментальную роль в повышении осведомленности о проблемах безопасности. Как мы можем заменить в субкультурах изначальная подготовка и разъяснение основных идей также играет важную роль. Обучение или подготовка человека может создать благодатную почву, которое может стать наследием как отдельного человека, так и группы, субкультуры и пр., начиная с первых этапов социализации индивида.

Федерико Розо

«ЭКСПЕРТ В ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ» КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ОПРЕДЕЛЕННОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

ОТКРЫТИЕ НАСТОЯЩЕГО КОНТИНЕНТА

МАРКО ТРОВАТО

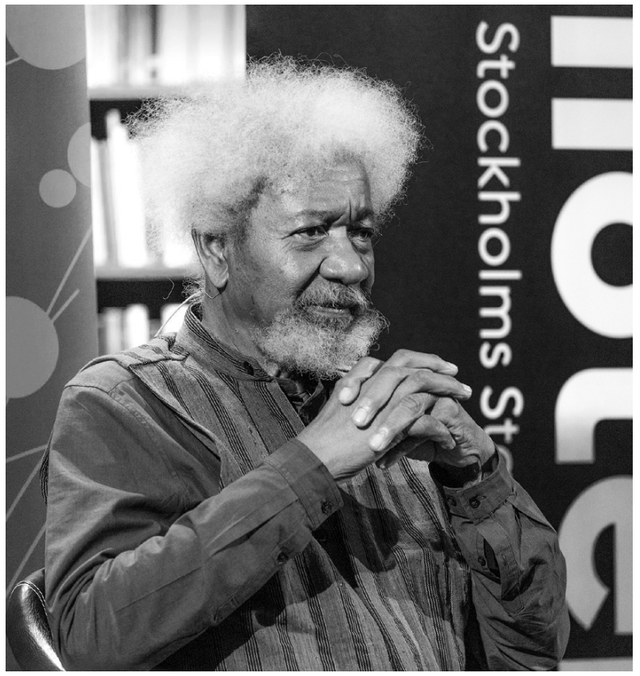
Фотограф, главный редактор издания «Africa». Он путешествует по африканскому континенту с 1990 года, составляет справки и доклады. Он заботится об организации фотовыставок, конференций и культурных инициатив по теме Африканской культуры

«УТВЕРЖДЕНИЕ О ТОМ, ЧТО АФРИКА ПОЛНОСТЬЮ ИССЛЕДОВАНА, СТОЛЬ ЖЕ ОПРОМЕТЧИВО, КАК И ИЗВЕСТИЕ О ЕЕ НАДВИГАЮЩЕЙСЯ СМЕРТИ. ПОИСТИНЕ ИНФОРМАТИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АФРИКИ ЕЩЕ ПРЕДСТОИТ».

Эти горькие слова произнес Воле Шойинка, нигерийский писатель и поэт, первый африканский интеллектуал, получивший Нобелевскую премию по литературе. Многие думают так же: образ этого континента до сих пор искажен пиетизмом, экзотикой, безразличием, беспечностью … близорукостью, с которой Запад смотрит на Африку, подпитывает стереотипы и клише. И это не позволяет нам увидеть, как и насколько меняется «черный мир». Только гражданские войны, вопиющая бедность, от которой страдают миллионы людей, болезни прошлого, убивающие детей, становятся широко известными. Но мы игнорируем необычайную жизнеспособность Африки: средний возраст ее жителей — 19 лет (у итальянцев — 45 лет). Население Африканского континента, как предполагается на сегодняшний день, составляет примерно 1 миллиард 200 миллионов человек и должно удвоиться в последующие тридцать лет. **В 2050 году каждый четвертый житель Земли будет африканцем. А к 2100 году каждый третий житель нашей планеты будет иметь смуглую кожу. Говорить сегодня об Африке — это значит говорить о проблемах человечества: прежде всего, о содействии совместному и устойчивому развитию.**

Безработица и отсутствие перспектив подпитывают феномен миграции. Хотя экономика континента демонстрирует положительные признаки в течение как минимум пятнадцати лет, рост ВВП недостаточен и не распределяется равномерно, а разрыв между самыми богатыми и самыми бедными продолжает увеличиваться. Более того, во многих случаях широко известный экономический бум, похоже, обусловлен экспортом стратегического сырья, углеводородов и минералов для мировой промышленности. К экспорту необработанных товаров также относится экспорт рабочих мест. Африка с ее молодым и жаждущим будущего населением отчаянно нуждается в рабочих местах. Ежегодно на этом континенте создается 3 миллиона новых рабочих мест, но в четыре раза больше парней и девушек продолжают искать работу. На пути противостояния кровопролитию среди молодежи можно столкнуться с множеством проблем, которые будут создавать судьбу континента: стабильность и мир, борьба с бедностью и социальным неравенством, доступ к воде и поддержанию здоровья, борьба с коррупцией, колоссальные инвестиции в области связи, инфраструктуры, транспорта и возобновляемых источников энергии, развития сельского хозяйства и промышленности. Рост производственного сектора (то есть преобразование сырьевых продуктов в потребительские товары) и создание свободного рынка в Африке создает огромные возможности для трудоустройства, диверсифицирует статьи баланса (делая национальную экономику более устойчивой и менее зависимой от колебаний на рынке товаров) и в конечном итоге будет стимулировать внутреннее потребление. Безусловно, что-то уже предпринимается. В Нигерии (ведущий экспортер нефти в Африке) строятся нефтеперерабатывающие заводы; в Камеруне — промышленные лесопилки и мебельные фабрики; в Кот-д'Ивуаре (мировой лидер по производству какао) строятся первые шоколадные фабрики. Зарождающийся средний класс — образованный, богатый, амбициозный — хочет наверстать упущенное. В больших городах процветают торговые центры, тренажерные залы, кинотеатры.

Акинванде Воле Бабатунде Шойинка (Воле Сойинка, англ. Akinwande Oluwole «Wole» Soyinka) — нигерийский драматург, писатель, поэт



Демографический бум и рост покупательной способности делают Африку рынком необычайного интереса в будущем. Если за десятилетия бывшие колониальные державы потеряли позиции и авторитет в Африке, то это пространство постепенно было оккупировано другими странами: Россией, Турцией, Индией, Бразилией, Кореей, Саудовской Аравией. И прежде всего Китаем. **Пекин стал первым торговым партнером и крупнейшим инвестором Африки.** Они завоевали приоритет дипломатических и экономических отношений со стратегически важными странами, когда-то связанными с Европой и Соединенными Штатами. Сама штаб-квартира Африканского союза, 20-этажная башня, открытая шесть лет назад в Аддис-Абебе, является подарком Китая.

Число китайских иммигрантов в Африке оценивается в один миллион двести тысяч человек, что, вероятно, намного ниже, чем на самом деле. В некоторых странах, особенно в самых уязвимых и коррумпированных, пограничный контроль является неэффективным, а к нелегальной иммиграции относятся более чем терпимо. Корни связей между Китаем и Африкой уходят в историю (в 1415 году, когда португальские каравеллы высадились в Гвинейском заливе, китайский торговый корабль привез в Пекин жирафа, вывезенного из восточных районов континента: обстоятельства этого события восстановлены по картине, хранящейся в Историческом музее китайской столицы). Но за последние двадцать лет массовый миграционный поток из Китая резко увеличился (в 1998 году в Африке проживало 150000 китайцев) и продолжает расти впечатляющими темпами. Китайский колониализм, безусловно, представляет собой новую форму колониализма, но при ближайшем рассмотрении он отвечает логике всех времен. Китай добывает нефть из Анголы и Нигерии, медь из Конго, уран

из Намибии, бокситы из Гвинеи. **Многие обвиняют Dragone в поддержке авторитарных режимов, однако трудно утверждать, что в прошлом европейцы вели себя иначе**. Только подумайте о длинной череде безжалостных диктаторов, пользовавшихся попустительством и защитой бывших колониальных держав. И можно было бы сделать аналогичные соображения, когда в Пекине появляется критика — которая часто является вполне обоснованной — на экологический ущерб, причиненный его компаниями, на низкое качество и негативное воздействие его продукции, за эксплуатацию рабочих, хищническое призвание и расистское отношение многих бизнесменов. Можно сказать, ничего нового.

Вторжение некачественных и иногда токсичных китайских тканей разрушило кустарное производство традиционных тканей. Точно так же Европа разрешила и позволяет экспортировать старые автомобили (один из многих примеров), которые считаются слишком загрязняющими и небезопасными для путешествий по старому континенту, но подходящими для распространения ядов на дорогах Африки. Растущий спрос Китая на шкуры осла (для производства популярного традиционного препарата эцзяо, используемого для лечения бессонницы и повышения либидо) резко сократил популяцию ослов — и вызвал резкий рост их цен — в Нигерии, Эфиопии, Кении и Буркина-Фасо, что привело к разрушительным последствиям. Местные фермеры заставили свои правительства притормозить бойню. Спрос на слоновую кость и рога носорога подпитывает незаконную торговлю браконьеров, что подвергает опасности исчезающие виды.

Однако жители Запада определенно не в состоянии преподавать уроки. Неслучайно суждения Запада о политике Китая в Африке звучат бесстыдно и раздражают многих африканцев. Во всяком случае, беспокоит уровень задолженности многих стран к югу от Сахары перед Пекином. Основные работы финансируются контролируемыми государством китайскими банками, которые обладают огромной ликвидностью и предлагают десятилетние планы погашения по доступным ставкам. Взятые долги связывают африканские правительства с Китаем на будущее. И их вес рискует стать невыносимым. В некоторых случаях, например, в Кении, Анголе или Мозамбике, уровень неправомерных действий превышает уровень предупреждающих действий.

Рост населения Африки постепенно компенсирует опустошение континента работорговлей, когда десятки миллионов молодых людей были насильно изгнаны со своих земель. Неудивительно, что даже сегодня, учитывая свои размеры, Африка остается в значительной степени малонаселенным континентом (33 человека на квадратный километр) и с огромным потенциалом развития (она может похвастаться 60% пахотных земель и 65% еще не освоенных природных ресурсов планеты). Вместо того чтобы жаловаться на подавляющую мощь Китая на континенте, мы должны спросить себя о нашей неспособности поддерживать плодотворные отношения сотрудничества и взаимодействия с африканскими государствами. Нашего внимания недостаточно, оно часто уделяется периодически, в результате интереса к хищническим проектам. Наша политика имеет поверхностный, самоуверенный, патерналистский характер и отношение. Вне времени и вне всякой логики. Мы продолжаем смотреть на Африку недальновидным и искаженным взглядом. И вина в первую очередь лежит на СМИ: тех, кто фильтрует, обрабатывает и распространяет новости.

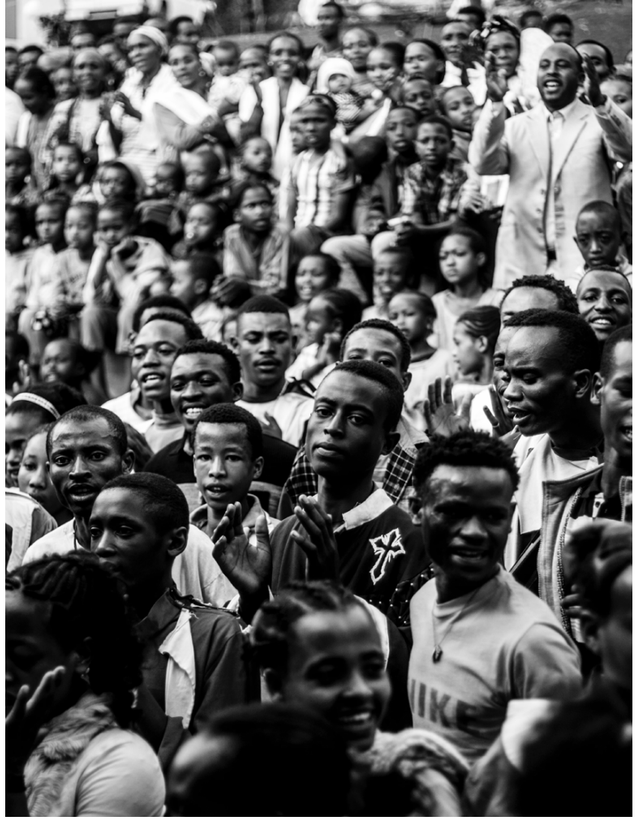
«ПУБЛИКОВАТЬ НОВОСТИ ОБ АФРИКЕ — ЭТО ЗНАЧИТ ДАТЬ ГОЛОС ТЕМ, У КОГО НЕТ ГОЛОСА».

Это выражение, которое я слышал десятилетиями в мире миссии, журналистики и сотрудничества. В свое время, возможно, у него были свои благородные причины

для существования, но это все еще остается неоднозначным: в какой степени процесс «усиления» «голоса» Африки оставался по-настоящему однонаправленным. То есть совпадает ли голос посредника-информатора с голосом «африканского континента»? Таким образом, эти слова, хотя и сказаны с наилучшими намерениями, свидетельствуют о неуместном гуманитарном подходе, типичном для тех, кто по разным причинам сталкивается с Африкой. Привлечение внимания общественности к важным фактам и личностям — это работа журналиста; но если речь идет о документировании забытого кризиса в Конго или Центральной Африке, репортер в конечном итоге воспринимает себя и другие видят в нем «новостного миссионера». Это культурное наследие (которое часто скрывает предполагаемую презумпцию или искаженное восприятие превосходства), от которого мы еще не смогли избавиться, хотя африканцы — интеллектуалы, блоггеры, репортеры, активисты — справедливо хотят, чтобы их слышали без участия каких-либо представителей.

Африку не следует исследовать, изучать, рассказывать о ней, основываясь на не искаженных рассуждениях. Ей нужно помочь, ее нужно спасти. Если мы прилагаем усилия, чтобы освободиться от риторики и самоудовлетворения, все в некотором смысле кажется нам перевернутым. Например, в моей деятельности, именно благодаря Африке у меня есть работа, которая доставляет мне большое удовольствие, и с помощью которой я могу обеспечить себя финансово. Я не в чести у этого континента, во всяком случае, я должен чувствовать себя обязанным, должным этому континенту. И при детальном рассмотрении мне бы хотелось расширить свои рассуждения.

Рассмотрим итальянскую плеяду некоммерческого сектора, в которой работает около восьмисот тысяч человек: многие из них работают на нефтеперерабатывающих заводах, некоммерческих организациях, кооперативах, ассоциациях, благотворительных организациях, которые тесно связаны с Африкой. Кроме того, есть десятки тысяч итальянцев, которые живут и работают на африканском континенте (для сравнения, в одной только Южной Африке в консульском реестре зарегистрировано более 35,00 человек). Это предприниматели, торговцы, бизнесмены, дипломаты, исследователи, репортеры, туроператоры, художники, сотрудники агентств по развитию или представители транснациональных корпораций… Технически их следует считать «экономическими мигрантами», но это определение в западном коллективном воображении не согласуется с цветом кожи. Поэтому мы предпочитаем называть себя «экспатриантами». Имейте в виду, это не просто формальный тезис: слова, которые мы используем, подразумевают образ мышления. Некоторое время назад мой друг из Конго раскритиковал меня: «Вы, европейцы, любите повторять: «Давайте поможем им дома». Это припев, который я постоянно слышу от политиков, активистов, мужчин и женщин, которые тем или иным образом связаны с культурой. Что ж, с интеллектуальной точки зрения правильная фраза должна звучать так:



«ДАВАЙТЕ ПОМОЖЕМ ДРУГ ДРУГУ В ИХ ДОМЕ».

На наших отношениях с Африкой часто негативно сказывается эгоизм, патернализм, пиетизм. Даже когда мы выполняем свой долг, свою работу, мы чувствуем себя облеченными гуманитарной миссией по спасению. По моему мнению, африканцам не нужны благотворители и благодетели. Им нужно уважение.

Все движется с впечатляющей скоростью. Однажды, **когда я прибыл в Африку, у меня было ощущение приземления на другой планете, мир вокруг меня казался другим**. Сегодня, когда я приземляюсь в столице континента, я нахожу знакомые сцены и образы: люди, сосредоточенные на смартфонах, рекламе успешных брендов, переполненные магазины транснациональных сетей, которые колонизировали все уголки мира. **Глобализация и цифровая революция превратили планету в большую деревню**, подтолкнув население к стандартизации поведения и образа жизни. Появление новых технологий, несомненно, открывает перед Африкой большие возможности. Использование мобильной телефонии компенсирует хроническую нехватку фиксированных линий, устраняя технологический разрыв, который значительно ограничивал возможности общения и информирования. Доступ к Интернету позволил 400 миллионам африканцев (одна треть населения) стереть чувство изоляции, расширить кругозор, разрушить барьеры, которые до недавнего времени казались непреодолимыми.

Сегодня также в Найроби, Лагосе, Киншасе, Дакаре молодые люди используют Интернет для удаленного сотрудничества, обмена контентом, разработки идей и проектов. Точно так же, как их сверстники на любой широте. Блоги, приложения, стартапы, платформы, созданные африканскими разработчиками, процветают. И есть те, кто использует потенциал Интернета, чтобы заявить о себе, продвинуть себя, выразить свой художественный, культурный и предпринимательский талант мировой аудитории (тем самым помогая изменить само восприятие Африки в мире).

Интернет благоприятствовал доступу к знаниям, способствовал гражданскому участию, поощрял и облегчал контроль гражданского общества над правителями (которые не случайно стремятся ограничить и подвергнуть цензуре свободу Интернета).

Но цифровая революция также способствовала импорту и распространению культурных моделей, которые потрясали традиционные африканские общества.

Новые поколения смотрят на Запад — или, скорее, на его образ, которым хвастается весь мир, воспринимая его как на маяк. Их привлекает это, и они естественно поглощают все, вместе с положительными стимулами и ценностями также и искажения, и наиболее проблемные последствия. Не только индивидуализм, но и необузданное потребление, вредитель экономического успеха, жизнь все более безумная и беспощадная (те, кто не успевают, отстают, маргинализируются). **Монетизация социальных отношений и распад большой семьи — это симптомы кризиса, который начался с урбанизации и теперь усугубляется развитием эры цифровых технологий.**

Возможно ли теперь не подчиняться конформизму, сохранить свое изначальное творчество, не сбиться с пути, противостоять омологации, которая, кажется, охватывает всю планету? Реальный риск состоит в том, что глобализация потребления в конечном итоге уничтожит все существующие различия. Но неукротимый дух Африки сможет выдержать даже это испытание. Так же, как он оставался живым в темные периоды своей истории: рабство, колониализм, прокси-войны, которые подпитываются жадностью тиранов и иностранных держав (часто вступающих в сговор друг с другом). Слишком много раз аналитики и наблюдатели именовали континента «проклятым, безнадежным, на грани, обреченным на гибель». И все же даже в самые трудные моменты, в самые тяжелые испытания первобытная колыбель человечества с ее необычайной стойкостью смогла нас удивить. Так будет продолжаться и дальше — как будто для того, чтобы показать нам, что другой мир не только возможен: он уже существует.

Марко Тровато

РЕЗОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «НАРИСУЙТЕ СУБКУЛЬТУРУ»

21-26 ФЕВРАЛЯ 2021 Г. | https://subculture.euasu.org/

УЧАСТНИКИ:

ДЖЕРОМ КРЕЙС

Заслуженный профессор социологии, профессор Школы гуманитарных и социальных наук Murray Koppelman. Президент Европейской академии наук Украины. Эксперт в области социологии и джентрификации (этнических групп и итало-американской политики, в особенности, в Бруклине и округах Бруклина, культуры, класса, городской жизни, городской культуры, этнической и расовой принадлежности в Нью-Йорке). Один из его последних трудов – книга «Раса, класс и джентрификация в Бруклине: взгляд с улицы» (2016). Dr. Крейс является общественным активистом-ученым и консультантом государственных и частных агентств по вопросам городского сообщества. Соредактор журнала Urbanities и член редакционного совета журнала Visual Studies и CIDADES.

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Ученый, стратегический консультант, писатель, криминолог, психолог. Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины. Основатель и руководитель «Института Памяти», руководитель «Экспедиционного корпуса». Председатель старейшего Одесского Фотографического Общества. Он является автором многочисленных книг в таких областях, как прикладная история, социология, глубинная психология, философия, криминалистика и криминология. Dr. Мальцев более 6 лет проводит научные исследования с Экспедиционным корпусом во многих странах мира с целью изучения технологий и механизмов, которые позволяли правителям добиваться власти в разные исторические периоды. Главный редактор нескольких рецензируемых междисциплинарных журналов.

ЭЛИЗАБЕТ ХААС ЭДЕРШАЙМ

Адъюнкт-профессор Tisch института Нью-Йоркского университета. Создатель ThEME, изучает организации, пишет о них и консультирует их более 30 лет. Бывший партнер McKinsey & Company, основатель New York Consulting Partners. В настоящее время она консультирует руководителей высшего звена, а также работает с клиентами — от быстрорастущих молодых компаний и крупнейших глобальных некоммерческих организаций до компаний из списка «Fortune 100». Автор книг «Марвин Бауэр, основатель McKinsey & Company» и «Бескомпромиссный Друкер: Вызовы для руководителей завтрашнего дня — последний совет от отца современного менеджмента».

МАССИМО ИНТРОВИНЬЕ

Профессор, социолог религии и адвокат по интеллектуальной собственности. Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины. Основатель и управляющий директор Центра изучения новых религий (CESNUR). Dr. Интровинье был представителем в ОБСЕ в вопросах по борьбе с расизмом, ксенофобией и дискриминацией, уделяя особое внимание дискриминации в отношении христиан и представителей других религий.

ДУГЛАС КЕЛЛНЕР

Автор, теоретик-критик. Заслуженный профессор факультетов образования, гендерных исследований и германских языков Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины. Dr. Келлнер является автором страницы Бодрийяра в Стэнфордской онлайн-энциклопедии. Dr. Келлнер сотрудничал со Стивеном Бестом при написании трилогии книг, отмеченных наградами, в которых исследуются постмодернистские направления в философии, искусстве, науке и технологиях. Dr. Келлнер был литературным исполнителем документального кино Эмиля де Антонио и был редактором «Сборника статей Герберта Маркузе», в котором собраны шесть томов статей критического теоретика Герберта Маркузе.

СТИВ ДЖЕННАРО

Профессор Йоркского университета в Торонто. Dr. Дженнаро исследует то, как пересекаются между собой СМИ, технологии, психология и молодежная идентичность. Он является одним из основателей Программы изучения детей, детства и молодежи Йоркского университета, где почти два десятилетия он преподавал на факультетах гуманитарных наук и коммуникационных исследований, имея более чем десятилетний опыт преподавания в онлайн-режиме. Dr. Дженнаро является автором книги «Selling Youth» («Продавая молодость», 2010 г.) и регулярно публикует статьи в областях, связанных с философией технологий и критическими медийными исследованиями идентичности и политики молодежи.

ЛЮСЬЕН-САМИР УЛАХБИБ

Писатель, лектор, социолог, политолог. Главный редактор научного журнала «Догма». Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины. Dr. Улахбиб много лет работал вместе с французским мыслителем Жаном Бодрийяром. Автор многочисленных научных статей и книг по французскому нигилизму и неоленинизму, радикальному исламизму, антиамериканизму и антисемитизму.

САЙМОН МАКГРЕГОР-ВУД

Телевизионный корреспондент и ведущий с 30-летним опытом работы на самых разных должностях. Он работал в ABC News, Reuters и Al Jazeera English. В 2015 году он присоединился к лондонскому бюро TRT World в качестве европейского корреспондента. Будучи с детства поклонником мотоспорта, он снял часовой документальный фильм о гонках TT на острове Мэн в 2012 году «TT, опасная зависимость». Саймон много лет ездит на мотоцикле.

ЛЮДМИЛА ФИЛИППОВИЧ

Религиовед, заведующая Отделом философии и истории религии Института философии имени Г. С. Сковороды НАН Украины. Профессор Национального университета «Киево-Могилянская академия». Вице-президент Украинской ассоциации религиоведения. Исполнительный директор Центра религиозной информации и свободы Украинской ассоциации религиоведения.

НИК АЙНОЧ

Американский мотогонщик, писатель и инструктор по вождению мотоциклов (США). Он был участником нескольких классов Американской ассоциации шоссейных гонок, гонок на мотоциклах Гран-при и в классе Гран-при AMA 250. В течение двенадцати лет Ник Айноч был ведущим инструктором в школе езды на мотоцикле Фредди Спенсера. Он является основателем, генеральным директором и ведущим инструктором школы езды на мотоцикле Yamaha Champions. Айноч является генеральным директором школы чемпионов, а также автором книг «Техника спортивной езды» и «Гонщики на ранчо Хилл».

МИХАИЛ МИНАКОВ

Профессор, политический философ, редактор. Его основные философские исследования сосредоточены на человеческом опыте, социальном знании, политической системе, историческом сознании и модернизме. Главный редактор «Kennan focus Ukraine», Институт Кеннана. Главный редактор журнала «Идеология и политика».

БЕРНАРДО АТТИАС

Профессор кафедры коммуникационных исследований CSUN. Его исследовательская деятельность подчеркивает культурные подходы к изучению коммуникации, а также ориентированные на коммуникацию подходы к культурологическим исследованиям. Его философия преподавания, которая подчеркивает интерактивность и навыки критического мышления, отражает приверженность образовательному процессу. Dr. Аттиас разрабатывает уникальные и сложные учебные материалы и находится в интеграции новых технологических ресурсов в образовательный процесс.

ФРИДРИХ ЛОРЕНС

Заслуженный профессор, социолог Ланкастерского университета, Великобритания. Эксперт с более чем 40-летним опытом исследования субкультур.

ГЭВИН УОТСОН

Британский фотограф, известный своими документальными работами о субкультурах скинхедов и рейвов (и фотографией музыкального направления). Архив Гэвина Уотсона — это постоянный проект оцифровки, направленный на сохранение и распространение этого бесценного культурного достояния, рассказывающий его необыкновенную историю и прокладывающий путь для будущих поколений. Его коллекция фотографий 1970-х и 80-х годов превратилась в одну из самых важных и влиятельных фотографических книг о молодежной культуре за последние 20 лет. Он является автором книг «Skins» (1994), «Skins and Punks» (2008), «Oh What Fun We Had!» (2019), «Raving».

МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

Доктор философских наук, профессор кафедры социологии факультета социологии и управления Запорожского национального университета. Председатель, член президиума и академик Европейской академии наук Украины. Председатель исследовательского комитета социального прогнозирования Социологической ассоциации Украины.

ПОЛ ХОККЕНОС

Берлинский писатель, освещавший крах коммунизма, войны в Югославии и преобразования Европейского Союза за два десятилетия. Сегодня его внимание сосредоточено на возобновляемых источниках энергии и климатическом кризисе. Хоккенос является лауреатом за написание четырех книг о европейских делах, и был научным сотрудником Американской академии в Берлине. Пол работал редактором отдела новостей в агентствах Foreign Policy, The Guardian Newsweekly и Internationale Politik.

ПОЛ РОАДС

Американский художник, проживающий во Франции с 1990 года. Является учеником последователей Ганса Хоффмана и Марселя Дюшана. Также Роадс — автор концепции и главный редактор «Vance Integral Edition» (полное собрание сочинений Джека Вэнса), композитор (опера: La guerre Picrocholine). Автор книги «Thoughts on Jack Vance and What Is Art?»

АТИНА КАРАТЦОДЖИАННИ

Профессор медиа и коммуникаций в Университете Лестера, Великобритания. Член Президиума и академик Европейской академии наук Украины. В настоящее время она является главным исследователем проекта Европейской комиссии Horizon 2020: «DigiGen: влияние технологических преобразований на цифровое поколение», она руководит исследованиями в области ИКТ и трансформации гражданского участия (2019–2022 годы).

ВИТАЛИЙ ЛУНЕВ

Ассоциированный профессор Национального медицинского университета им. А. Богомольца. Академик Европейской академии наук Украины, член Американской психологической ассоциации, Американской академии клинической психологии, Всемирной федерации психического здоровья (США), Европейской академии естественных наук (Ганновер, Германия).

РОСС ХЭНФЛЕР

Профессор социологии Гриннелл-колледжа в Гриннелле, штат Айова. Росс является автором книг «Субкультуры: основы»; «Straight Edge: чистая живая молодежь, хардкор-панк и социальные перемены» и «Готы, Геймеры и Grrrls: Девиантность и молодежные субкультуры». Он публиковался в различных журналах, включая «Исследования социальных движений», «Журнал современной этнографии», «Исследования символического взаимодействия» и «Мужчины и мужественность». Его несколько раз награждали как преподавателя, а также он снялся в документальном фильме «Edge: перспективы культуры, свободной от наркотиков» и «Внутри движения Straight Edge» на канале National Geographic.

МАРКО ТРОВАТО

Фотограф, главный редактор издания «Africa». Он путешествует по африканскому континенту с 1990 года, составляет справки и доклады. Он заботится об организации фотовыставок, конференций и культурных инициатив по теме Африканской культуры.

ФИЛ КОЭН

Британский теоретик культуры, эксперт в городской этнографии, общественный деятель, просветитель и поэт. Фил Коэн играл активную роль в лондонской контркультуре и сквоттинге с 1965 по 1978 год. Впоследствии он стал городским этнографом и приобрел международную репутацию благодаря своим исследованиям по вопросам расы, класса и молодежной культуры. Его работы переведены на семь европейских языков и японский язык. Он работал в Университете Восточного Лондона, где он основал и руководил Центром исследований новых этнических групп и Лондонским институтом исследований Востока.

КОНСТАНТИН СЛОБОДЯНЮК

Глава Научного совета Института информационной безопасности. Член Президиума Европейской академии наук Украины. Главный редактор газеты «Нераскрытые преступления». Его научные интересы касаются следующих направлений: информационная безопасность, управление репутацией общественных деятелей и компаний, расследование недобросовестных методов конкуренции в бизнесе.

ВЛАДИМИР СКВОРЕЦ

Доктор философских наук, заведующий кафедрой социологии, профессор кафедры социологии Запорожского национального университета. Член Социологической ассоциации Украины. Академик Европейской академии наук Украины. Автор 127 публикаций, в том числе двух монографий «Жизнеустройство народа как социальный феномен» (2012) и «Трансформация социоисторического организма Украины: аналитика социальных процессов» (2019).

ИРИНА ЛОПАТЮК

Научный сотрудник Академии наук Украины и Института памяти. Член специального научного подразделения «Экспедиционный корпус». Председатель Одесского историко-литературного научного общества. Секретарь Психолого-философского научного общества.

ИГОРЬ КАПРИЦЫН

Доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социологии, Запорожский национальный университет. Является автором более 50 работ по истории, археологии, палеоантропологии, культурологии, религиоведению, социальной философии, из которых две работы — монографии. Сфера научных интересов: социальная философия, антропология, религиоведение, культурология, практическая психология, экспериментальная археология, этнология, ресурсология.

САНДЖАЙ СОКХУ

Профессиональный тренер по силовой и физической подготовке, тренер по боксу и видеооператор. В настоящее время тренирует спортсменов по разным дисциплинам. Он один из немногих в мире тренеров, сертифицированных Westside Barbell, и первый в Нидерландах. Его исследовательские интересы — боевые искусства, улучшение спортивных результатов и силовая подготовка. Он также пишет для международного издания World of Martial Arts.

ФЕДЕРИКО РОЗО

Бывший карабинер, консультант по вопросам здоровья и безопасности, консультирует организации по снижению рисков для здоровья и безопасности на рабочих местах. Он имеет квалификацию в таких областях, как служба предупреждения и защиты, техника безопасности, пожаротушение с повышенным риском, также он является инструктором по самообороне.

КУЛИК МАРИЯ

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Запорожского национального университета. Член Социологической Ассоциации Украины.

МЭТТЬЮ УОРЛИ

Профессор современной истории в Университете Рединга и один из создателей «Сети субкультур». Он написал несколько работ о британском труде и политической истории в период между войнами, его последние работы были сосредоточены на послевоенных отношениях между молодежной культурой и политикой. Он является автором книги «Без будущего: панк, политика и британская молодежная культура, 1976–1984 годы». А также редактором нескольких книг, одна из них: «Эстетика нашего гнева: анархо-панк, политика и музыка».

ДЕРЕК РИДЖЕРС

Британский фотограф, известный своими фотографиями музыкальной, кинематографической и клубной / уличной культуры. Он фотографировал таких людей, как Джеймс Браун, «Spice Girls», Клинт Иствуд и Джонни Депп, а также политиков (Тони Блэр), гангстеров (Фредди Форман), художников (Джулиан Шнабель), писателей (Мартин Эмис), модельеров (Джон Гальяно) и спортсменов (Тайгер Вудс). Риджерс также фотографировал британские социальные явления, такие как скинхеды, фетиш, клуб, панк и Новых романтиков.

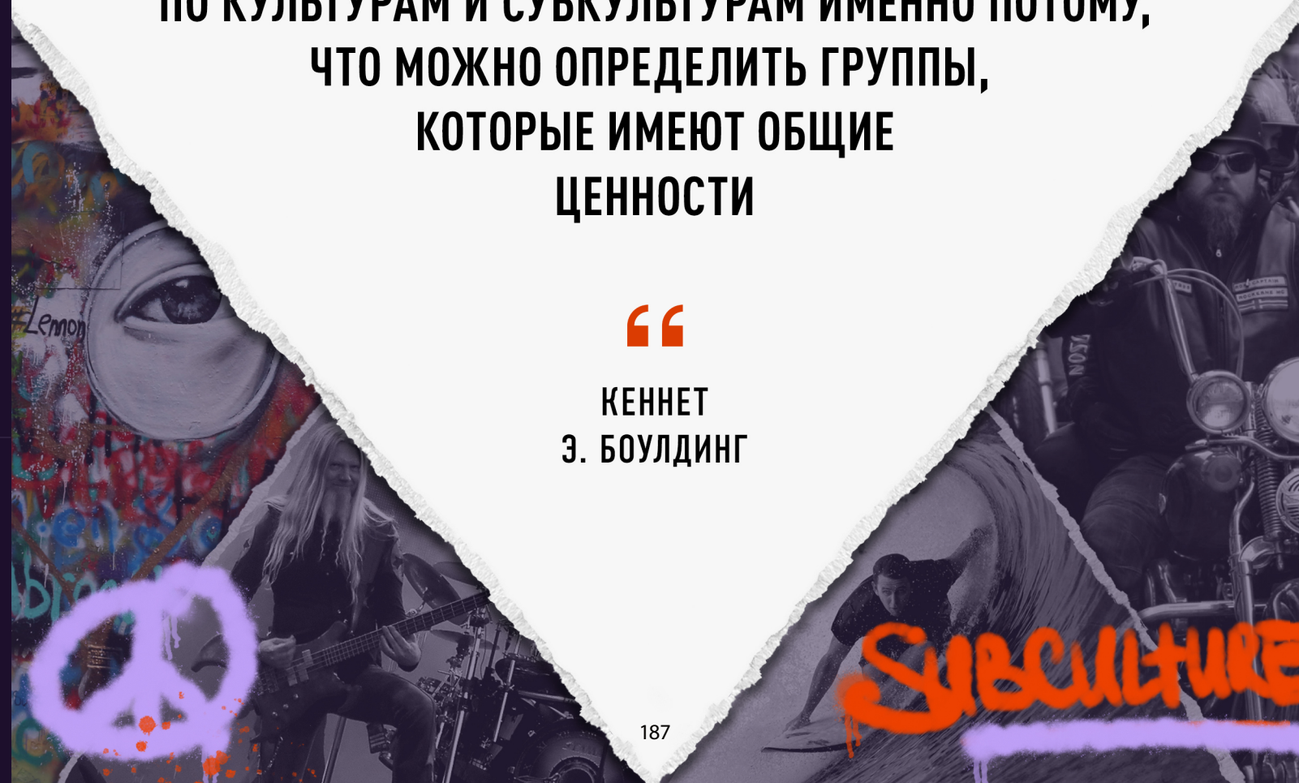
АВИ НАРДИА

Мастер боевых искусств, основатель оборонительного боевого искусства КАРАР. В течение 24 лет Нардиа, будучи офицером запаса (в звании майора), был официальным инструктором по рукопашному бою, офицером безопасности и служил в Специальном контртеррористическом подразделении. Нардиа также обучал по всему миру полицейских и вооруженные силы, от полицейских патрулей и сотрудников исправительных учреждений до членов команд СОБР, групп быстрого реагирования, а также отрядов армии, морской пехоты, контртеррористических подразделений и сил специального назначения.

КАЖДАЯ КУЛЬТУРА ИЛИ СУБКУЛЬТУРА ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ НАБОРОМ ОБЩИХ ЦЕННОСТЕЙ, ТО ЕСТЬ ОБЩЕПРИНЯТЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ. БЕЗ ЯДРА ОБЩИХ ЦЕННОСТЕЙ КУЛЬТУРА НЕ МОЖЕТ СУЩЕСТВОВАТЬ, И МЫ КЛАССИФИЦИРУЕМ ОБЩЕСТВО ПО КУЛЬТУРАМ И СУБКУЛЬТУРАМ ИМЕННО ПОТОМУ, ЧТО МОЖНО ОПРЕДЕЛИТЬ ГРУППЫ, КОТОРЫЕ ИМЕЮТ ОБЩИЕ ЦЕННОСТИ

“

КЕННЕТ
Э. БОУЛДИНГ



Современный мир предлагает человеку вариативный набор захватывающих, выгодных, успешных, удобных и даже просто красивых стилей жизни: от «преступного богатства» до «блистательного образа жизни» вольного путешественника, от тернистого пути бизнесмена до экстремального укротителя сил стихии. Люди часто находят то, что ищут, в обществе в равной степени притязательных и деятельных единомышленников, в особой среде, которая называется **«СУБКУЛЬТУРА»**.

Сегодняшние тенденции демонстрируют то, что субкультуры плотно вошли в повседневность современного человека и стали чем-то неотъемлемым, даже обыкновенным. Семья, работа, сделки, переговоры — это одно, но, скажем, прыжки с парашютом или поездки на верном байке в компании таких же любителей мотоциклов и этого образа жизни не менее важны. Положение вещей таково, что сегодня практически все, так или иначе, имеют причастность к какой-то субкультуре. Хотя, вследствие естественности этого занятия «для души», оно не всегда именуется субкультурой. **По факту, человек может находиться даже не в одной, а нескольких субкультурах — и ничего об этом не знать.** Не иметь представления ни о том, к чему это может привести, ни о том, каковы сценарии, цели и задачи этой среды. И порой даже самая привлекательная задумка и загадочно сформулированная идея (например, как у хиппи — достичь нирваны) на деле остается чем-то запредельным для понимания (ибо что такое «нирвана» и как понять, что это состояние достигнуто?). В идее не существует ни пояснений, ни критериев, ни параметров.

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ, ЧЕЛОВЕКА ЭТО НЕ ОСТАНАВЛИВАЕТ. МНОГИЕ ОХОТНО СТРЕМЯТСЯ К ТОМУ, О ЧЕМ ФАКТИЧЕСКИ НИЧЕГО НЕ ЗНАЮТ.

ЧЕМ ЖЕ ТАК ПРИВЛЕКАТЕЛЬНЫ СУБКУЛЬТУРЫ?

Почему они столь притягательны как для исследователей, так и для профессионалов и бизнесменов? И, что не менее важно, как происходит закалка и воспитание человека субкультурой? Как субкультура «затачивает» человека, прививая ему определенные взгляды, навыки и умения?

РЕЗОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «НАРИСУЙТЕ СУБКУЛЬТУРУ»

По факту, это удивительная среда, в которой люди самостоятельно (!), автономно, без внешнего на то побуждения, без гетерономной контрольно-регулирующей функции, объединяются вокруг некой идеи и со всей душой, исходя из собственных стремлений, занимаются любимым делом. Если рассматривать субкультуру как некую среду, она и вправду удивительна. В этой среде нет отбора, люди свободно, сами выбирают к какой субкультуре им принадлежать: хиппи, ролевики, неформалы, эмо, геймеры, граффитеры, металлисты, байкеры… этот перечень только растёт с каждым десятилетием.

ЧТО ЕСТЬ СУБКУЛЬТУРА? ЕДИНСТВА МНЕНИЙ ПО ЭТОМУ ВОПРОСУ НЕ СУЩЕСТВУЕТ. КАК МЫ ОТЛИЧАЕМ СУБКУЛЬТУРУ ОТ РЕЛИГИИ?

В академических кругах и литературе существует огромное количество вариаций определения этого термина. Однако не в количестве определений суть, а в качестве понимания и отображения сущности исследуемого понятия. Достаточно было бы одного определения. Но нет, почему-то его не хватает, отчего-то плюрализм коснулся и такого понятия как «субкультура», осмысляемого как социологами и философами, так и этнографами и психологами.

Эти и многие другие вопросы требуют новаторских подходов и беспристрастного диалога на понятном научном языке. С этой целью Международная междисциплинарная конференция «Нарисуй субкультуру» объединила ведущих экспертов, ученых, исследователей, практиков, журналистов, фотографов и мыслителей на шести дискуссионных онлайн-панелях.

1. ПРОБЛЕМЫ ВЫБОРА ПОДХОДА И ПЛАН ИССЛЕДОВАНИЯ СУБКУЛЬТУР

Одна из наиболее часто встречающихся проблем в научной области, когда речь идет о субкультурах — это выбор исследовательского подхода и разработка плана изучения субкультуры (от идеи до завершения исследования, от мифологического и религиозного до научного и философского мировоззрения). Первая общая проблема заключается в том, что для ученого недостаточно быть компетентным только в одном конкретном направлении для того, чтобы глубоко изучить субкультуры. Для исследования субкультур необходимо погрузиться в среду и иметь возможность находиться внутри изучаемой организации в течение определенного периода времени. Для того, чтобы это стало возможным, в первую очередь нужно знать, как попасть внутрь субкультуры. По мнению Dr. Олега Мальцева, Prof. Дугласа Келлнера, Prof. Росса Хэнфлера, простое наблюдение за этим явлением со стороны не дает исчерпывающих данных, напротив, необходимо погружение в эту субкультуру.

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

В монографии «Нарисуйте субкультуру» Dr. Олег Мальцев, среди прочего, заложил прочную основу для выбора подхода к исследованию субкультур и методологии проведения научного исследования. Ученый в монографии исходя из собственной практики продемонстрировал критическую необходимость междисциплинарного подхода в изучении субкультур:

> *«Когда я исследовал криминальные структуры, люди задавались вопросом, как мне это удается. Я объяснил, что для изучения таких структур недостаточно быть ученым, поскольку для этого требуется целый набор дополнительных навыков. Один из наиболее важных и недостающих аспектов в современной академической среде — это функциональная методология изучения философии определенной организации/региона. Когда я и мои коллеги изучали философию юга Италии, выяснилось, что ранее никто не исследовал ее столь детально. Каждый ученый, который сталкивался с вышеупомянутым вопросом, оставлял его в стороне. Следовательно, нам пришлось с нуля разработать методологию, которая описана в монографии «Философия Юга Италии» (Олег Мальцев и Виталий Лунев, 2020)».*

PROF. ВИТАЛИЙ ЛУНЕВ

В продолжении дискуссии Prof. Виталий Лунев отметил:

> *«В основном, в рамках психологических и социологических дискурсов субкультуры рассматриваются больше в исследовании девиантности. Мое понимание феномена субкультуры основано на понимании природы культурогенеза, механизмов и институтов социализации, аналитического подхода Л. Сонди, работ Олега Мальцева и концепции фантазма Ж. Лакана. Научно-исследовательская деятельность Экспедиционного корпуса (специальное подразделение «Института Памяти» под руководством О. Мальцева), по сути, открывает новые перспективы для междисциплинарных исследований субкультур. В этом состояла одна из целей наших экспедиций в Мексику, Италию, Германию и ряд других стран».*

PROF. ДУГЛАС КЕЛЛНЕР

Prof. Дуглас Келлнер также подчеркнул важность изучения субкультуры изнутри, с применением различных подходов, доступных сегодня для ученых:

> *«Один из способов — это выбор субкультуры, с которой человек уже знаком и к которой относится, как это описано в первой книге о субкультуре. Следует обратить внимание, что некоторые исследования субкультур укрепляют доминирующие социальные нормы, тогда как другие исследования оценивают группы, ниспровергающие доминирующие культурные нормы или противоречащие им. Таким образом, исследования субкультур являются спорной областью с множественными сложными политическими дискурсами и оценками. В целом, для изучения субкультуры необходимо определенного рода погружение в субкультуру, даже если она носит разрушительный и оппозиционный характер, поскольку как раз такая субкультура, скорее всего, может дать возможность входа только своим членам. Прежде чем начать обсуждение субкультуры «новых левых» 1960-х годов, я должен отметить, что не все разрушительные и оппозиционные субкультуры прогрессивны и полезны для общества. Существуют также правые оппозиционные субкультуры, такие как Ку-клукс-клан, неонацисты или группы, которые процветали при администрации Трампа, которые оккупировали столицу США; такие как «Гордые парни», «Верные клятве» и другие расистские, антисемитские и достойные осуждения группы, поэтому я не хочу романтизировать разрушительные и оппозиционные субкультуры и называть их революционными и освободительными, хотя некоторые из них могут быть таковыми».*

PROF. ВИТАЛИЙ ЛУНЕВ

Prof. Лунев добавил, что существует серьезная проблема исследования субкультур:

> *«Это вопрос соотношения позиций: целого и частного, принятого (понятного) и такого, что сложно поддается признанию. Опять же, это извечный вопрос дихотомии «свой-чужой». При том, что «охота на ведьм» как исключительное право нормологического подхода в последние десятилетия все больше нивелируется (как минимум публично), вопрос свободного функционирования индивида в суб-сообществе часто рассматривается как некоторая девиация».*

НАМ СЛЕДУЕТ ОТВЕТИТЬ НА ВОПРОС: КАКУЮ ЗАДАЧУ ДОЛЖНЫ СТАВИТЬ ПЕРЕД СОБОЙ УЧЕНЫЕ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СУБКУЛЬТУР?

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

В рамках этой темы Dr. Мальцев выделил актуальный аспект: вопрос о выборе подхода к исследованию субкультуры всегда вызывает много споров среди ученых, поскольку существуют разные мнения, порожденные точками зрения разных дисциплин.

> *«**Теории — не работают, они хороши только для исследований в кабинете, чтобы познакомиться с мнением разных людей**, — отметил он. — Несколько лет назад я начал изучать криминальную субкультуру ЮАР. Это стало неким «культовым местом» для антропологов, социологов, криминологов, криминалистов и многих других, — это очевидно из ряда работ, написанных о криминальной традиции Южной Африки. Прежде чем приступить к работе, мне нужно было изучить все, что было написано ранее. Во время подготовки к исследованию я познакомился с потрясающими учеными из разных уголков мира. Некоторые из этих ученых и писателей живут в самом сердце южноафриканской криминальной традиции — в Кейптауне, где они проводили полевые исследования и написали весьма известные в научном мире работы на эту тему.*
>
> *В ходе исследования я познакомился с представителем этой субкультуры. Во время одной из наших бесед я спросил, читал ли он книги ученых, написанные о них, и что он думает по этому поводу. Он ответил: «То, что написано в этих книгах, очень смешно: они понятия не имеют о том, о чем пишут». Дело в том, что люди, которые писали эти книги — социологи, антропологи, журналисты и др. — стали следствием обмана субкультуры. Мы должны ответить на вопрос: какую задачу следует поставить перед собой при исследовании субкультур? Оно должно быть направлено на понимание самого феномена — или в результате должна получится просто «книга на тему»? Если мы хотим глубоко понимать субкультуры, то нам придется изучать их досконально, применяя междисциплинарный подход. Говоря о погружении в определенную среду — это только половина дела, поскольку погружение не гарантирует получения необходимых научных данных. Также оно должно быть кратковременным, иначе это может стать опасным: после «глубинного погружения» может не быть возврата».*

PROF. РОСС ХЭНФЛЕР

Prof. Росс Хэнфлер поделился практикой собственного исследования субкультур и используемых им методов:

> *«Начиная с 1996 года в качестве участника-наблюдателя я изучал субкультуру **Straight edge (или стрейт-эдж, с англ. — «чёткая грань»)** в различных ее проявлениях. За это время я провел десятки подробных интервью, прослушал сотни записей, изучал тексты песен и посетил более 100 хардкор-шоу с участием стрейт-эдж-групп. Я провел опрос примерно 900 представителей стрейт-эдж и создал архив публикаций в социальных сетях. Таким образом, мой подход к исследованию субкультур — это многосторонний этнографический подход, включающий цифровую этнографию, с помощью которой я пытаюсь понять опыт и значения глазами самих участников. […] Учитывая разнообразие значений в любой субкультуре, необходимы методы исследования, которые фиксируют внутреннее (эмическое) понимание с точки зрения участников. В этом отношении для меня были крайне полезными этнографические наблюдения. Анализ интервью, наблюдений и текстовых данных позволяет осуществлять постоянную перекрестную проверку, поскольку я сравниваю то, что люди говорят, с тем, что они делают. Когда возможно его использовать, продольное исследование позволяет увидеть, как меняются субкультурные значения, особенно в зависимости от возраста участников. В будущем решающее значение будут иметь исследования социальных сетей, равно как и сравнительная работа по изучению различных мест».*

DR. СТИВ ДЖЕННАРО

Dr. Стив Дженнаро обратил внимание на некоторые препятствия, с которыми сталкиваются ученые при исследовании молодежных субкультур. Учитывая их, возможно и повысить осведомленность, и усовершенствовать научный подход:

> *«Возникает очевидная проблема, когда взрослые проводят исследования подрастающего поколения, поскольку взрослые исследователи являются аутсайдерами молодежной культуры. Это ограничивает нашу способность слышать то, что молодежь говорит нам. Как исследователи, мы должны преодолеть проблематическую ситуацию, при которой во внимание принимаются лишь доминирующие мнения, принадлежащие взрослым, и напрочь отсутствует подход к пониманию мнений детей. Чтобы услышать мнения молодых людей, на которое они имеют право, необходимы исследовательские методики, в которых основное внимание уделяется молодым людям как субъектам, а не как объектам. Это, конечно, прямо противоречит более чем столетнему опыту исследований молодых людей в таких дисциплинах, как подростковая психология. Традиционно исследования в этой области сосредоточены на детях, но не проводятся с детьми, что приводит к отсутствию субъективного взгляда молодых людей в самом исследовательском процессе. Следует также акцентировать, что исследование проводится «глазами взрослых», и большую роль здесь играет ностальгия по так*

называемому «обратному» пониманию жизни молодых людей. В результате подростковый возраст, юность и детство становятся различными социально сформированными категориями, где отношения власти, господства и неравенства постоянно вызывают вопросы. Этот процесс превращает молодежь в субкультуру, и именно поэтому требуется определенный правозащитный подход к исследованиям молодежных групп».

DR. МИХАИЛ МИНАКОВ

Dr. Михаил Минаков поделился другой точкой зрения относительно выбора подхода к исследованию субкультуры:

«В период 50-х годов «общество потребления» рассматривалось как широко распространенная практика и концепция, в 60-е годы человеческие и нечеловеческие коллективы заметно реагировали на них посредством новых практик и концепций, а сегодня субкультуры овеществлены, описаны и засвидетельствованы в их многочисленных изменениях во многих научных и журналистских исследованиях. Но в исследовании субкультуры можно попытаться использовать менее «пронизывающий» и гегемонистский подход к живой и множественной реальности. Здесь уже решать исследователям — насколько обширным в результате должно быть описание. Таким образом, в плане исследования должны быть учтены следующие вопросы:

- *Будет ли исследование касаться участников одной субкультуры или нескольких субкультур, или субкультуры и мейнстрима, или субкультуры, контркультуры и мейнстрима?*
- *Что остается в центре исследования, а что на периферии после превращения современной академической «иерархии объектов» в топологическое поле?*
- *Ваше исследование смотрит на реалии с точки зрения множества и разделения — или же оно создает и навязывает «полную картину»?»*

PROF. МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

Prof. Максим Лепский отметил:

«Со временем мы столкнулись с огромным разнообразием субкультур, с достаточно сложными критериями определения их характера — конструктивного или деструктивного. Позже появились ряд исследований субкультур, но в контексте социологии культуры, в которой они рассматривались как общности людей с меньшим масштабом, чем культура. Именно этот «водораздел» — культура, субкультура и контркультура — по-прежнему остается основным в изучении явления. За время работы факультета социологии и управления Запорожского национального университета с 2001 года, студенты под руководством преподавателей изучали у нас различные субкультуры — болельщиков и фанов, игровиков, любителей компьютерных игр, эмо, «правильного питания», «рок-музыки» и т.д. Чаще всего использовались методы включенного структурированного и полуструктурированного наблюдения, интервью, реже контент-анализ публикаций СМИ о субкультурах и интервью с представителями субкультур».

DR. ФИЛ КОЭН

По мнению Dr. Фила Коэна, субкультуры — это место для самоидентификации, поскольку они предают гласности, прославляют и обожествляют свои различия и часто преследуют:

«то, что Фрейд называл «нарциссизмом малых различий», в то время как их формы неповиновения остаются зависимыми от «материнских культур» как основного ориентира, даже если они провозглашают свою автономию от них».

ДЕРЕК РИДЖЕРС

Британский фотограф Дерек Риджерс рассказал о своей практике фотографирования субкультуры скинхедов:

«Когда я начал снимать британские молодежные субкультуры в 1976 году, для меня это была просто возможность сделать несколько фотографий. С таким же успехом моим объектом могла стать любая другая социальная группа, которая позволила бы мне себя фотографировать, например, это могли быть городские банкиры, строители, бездомные, танцоры Морриса, да кто угодно. Что касается моего подхода, то он был эффективным и безопасным для меня (хотя не всегда), при этом он также был довольно сдержанным, но всегда очень прямолинейным. Я всегда просто подходил к человеку и разговаривал с ним точно так же, как я разговаривал с другими. Когда скинхеды спрашивали меня, почему я хочу их сфотографировать, я просто отвечал, что хочу устроить выставку. Я всегда предоставлял им минимум информации, чтобы у них не возникало лишних сомнений, и чтобы они не начали изображать из себя то, что, по их мнению, я хотел увидеть. Некоторые из них спрашивали меня, работаю ли я на полицию или на СМИ. Я отвечал «нет» — и они всегда верили. Всякий раз, когда какой-то скинхед спрашивал меня о моих политических или социальных взглядах, я отвечал им честно, но кратко; я говорил ровно столько, сколько считал необходимым. Я всегда был дружелюбен со скинхедами, которых встречал, но я не хотел быть им другом. Я старался быть внимательным и держаться на расстоянии. Я считаю, что крайне важно, чтобы присутствие фотографа не влияло на ситуацию, но при этом ему необходимо быть прямолинейным и предельно ясно сообщать окружающим о своих намерениях. Бывают моменты, когда вы наблюдаете за всем со стороны, пытаясь быть невидимым, а в других случаях вам нужно подойти к объекту своей фотосъемки очень близко. Всегда нужно выбирать подходящую тактику для каждой отдельной ситуации».

2. РИСУНОК ФРИДРИХА ЛОРЕНСА, ТЕОРИЯ ПОСТРОЕНИЯ СУБКУЛЬТУР, ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ПРОТОТИПОЛОГИЗАЦИИ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ЯВЛЕНИЙ. МОЖЕМ ЛИ МЫ СЧИТАТЬ СУБКУЛЬТУРУ ЕДИНОЙ МАШИНОЙ, ФОРМИРУЮЩЕЙ ЛИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА?

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

На данной дискуссионной панели Dr. Олег Мальцев поделился своим взглядом на рисунок Prof. Фридриха Лоренса и привел примеры использования данной модели дерева при исследовании субкультур:

*«**Рисунок Фридриха Лоренса** — это один из практических и эффективных методов анализа этих организаций. Рассуждения на базе модели перевернутого дерева порождают огромное количество идей. Я считаю, что данная модель позволяет ученому начать свое исследование правильным образом, то есть получить объективный взгляд на изучаемую им проблематику. Другими словами, исследователь погружается в историю, идет к корням субкультуры, чтобы понять, откуда все началось и почему это эффективно работает сегодня. С моей точки зрения, модель дерева, представленная Prof. Лоренсом, является значительным вкладом в исследования субкультур и важным инструментом для ученых, особенно молодых, которые только начинают свой путь в изучении субкультур».*

ЭЛИЗАБЕТ ХААС ЭДЕРШАЙМ

Prof. Dr. Элизабет Хаас Эдершайм высказала свою точку зрения:

«Рисунок Фридриха Лоренса основан на концепции культуры, в которой она представляет собой скорее корни дерева, а не его ветви. В рамках этой идеи я хотела бы рассмотреть несколько примеров из профессиональной среды компаний. Нет человека, который стремился бы показать себя невежественным, некомпетентным, навязчивым или недружелюбным на рабочем месте. Люди боятся задавать вопросы, потому что думают, что они будут выглядеть невежественными. Они боятся признать свои слабости или попросить о помощи, потому что думают, что их посчитают некомпетентными. Они боятся предлагать что-либо, потому что не хотят показаться навязчивыми. Они боятся критиковать стабильность, потому что это может быть негативно воспринято другими. На мой взгляд, это происходит, потому что организации создавались для стабильных условий, однако сегодняшние реалии показывают, что ситуация изменчива. Чтобы достичь успеха, нам нужно добиться того, чтобы каждый стал частью организации, и единственный возможный способ сделать это — установить такую культуру, которая обеспечивает психологическую безопасность людей и придерживается идеи, что главное — не деньги, а люди. А для этого необходимо сбалансировать все факторы. […] Если культура будет являться неотъемлемой частью, от которой мы отталкиваемся, тогда мы сможем двигаться вперед. Однажды я задала Марвину Бауэру вопрос: «Что такое культура?» Он ответил: «Культура — это то, как мы ведем наши дела».

«ПЕРЕВЕРНУТОЕ ДЕРЕВО DR. ЛОРЕНСА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЯВЛЯЕТСЯ ЦЕЛЕСООБРАЗНЫМ, КОГДА РАССМАТРИВАЕТСЯ СУБКУЛЬТУРА МОТОСПОРТА», — НИК АЙНОЧ

НИК АЙНОЧ

По словам профессионального мотогонщика Ника Айноча, перевернутое дерево Dr. Лоренса действительно является целесообразным, когда рассматривается субкультура мотоспорта:

«В этой субкультуре довольно много первоначальных составляющих остались неизменными: транспортная функция, бережливость, простота и социальные группы. И все эти составляющие породили различные ответвления, которые шокировали бы даже тех, кто стоял у истоков мотоциклетного мира. Возвращаясь к создателю одного из мотоциклов Харлею Дэвидсону в 1903 год, полагаю, его бы шокировала та максимальная скорость езды, которая фиксируется на соревнованиях сегодня. Я попытался проанализировать субкультуру мотоциклистов с помощью перевернутого дерева Лоренса, и благодаря этому рисунку у меня появилось много идей и более четкое представление о разнообразных направлениях развития субкультуры».

МЭТТЬЮ УОРЛИ

По мнению Dr. Мэттью Уорли, теория Prof. Лоренса, безусловно, интересна и будет всегда применима среди всевозможных средств, направленных для понимания такого довольно объемного явления, как субкультура:

«По своей природе они являются неоднозначными и весьма часто неопределенными. Культуры органично формируются и меняются со временем, даже когда они становятся узнаваемы и определены собственными практиками, языком или представлениями. Неудивительно, что модель дерева Лоренса сразу напомнила мне о том, как Делёз и Гваттари использовали «корневище» как «образ мысли» для понимания множественности культурного и социального развития. Это, конечно, было противопоставлено иерархическим и хронологическим моделям, включая модель дерева, которая, отмечает Лоренс, долгое время представлялась как наглядное пособие для понимания социальных, политических, культурных и прочих структур. Но биологическая аналогия остается. Лоренс добавляет к этому мистический поворот, переворачивая дерево, чтобы раскрыть субкультуру. Вопрос о том, преодолевает ли это проблемы иерархии и хронологии, которые мотивировали Делёза и Гваттари, остается открытым. То, что субкультуры часто содержат свои собственные иерархические структуры, становится ясно, когда внимание обращается на то, как они функционируют и самореализуются в культурной форме или группах. Точно так же основополагающие мифы и конкурирующие хронологии предполагают, что потребность в повествовании влияет на культурное восприятие. И все же такие иерархии или хронологии остаются навсегда нестабильными и часто оспариваются, вызывая беспокойство по поводу того, остается ли модель Лоренса настолько надежной, чтобы с ней можно было эффективно работать. То, что у нее есть четкое начало и обозначенные настоящее и конец, порождает вопросы о том, как субкультуры возникают, а затем продолжают развиваться, видоизменяться и рассредотачиваться. На мой взгляд, неструктурированное и часто плохо определенное существование субкультур плохо поддается границам и неизменности, которые придают форму дереву (в любом направлении)».

АВИ НАРДИЯ

Ави Нардиа высказал свою точку зрения относительно разницы между культурой и субкультурой и о том, как, по его мнению, возникают субкультуры:

«Из множества событий выделяются те, которые создают концепцию одной культуры или субкультуры. Большинство людей принимают этот взгляд на мир и его доминирующую истину как составные части своей идентичности, но со временем эти доминирующие структу-

ры начинают терять свою силу в свете возникающих сомнений (в том, что они способны обеспечить понимание личной идентичности). Эти структуры заменяются более гибкими, которые пересматривают знания, прошлое и переоценивают существующие нормы. Такие структуры несут в себе новый вид социальной концепции и настаивают на том, что знание относительно социально и политически обусловлено, поскольку связано со структурами власти, и только наука является одним из возможных способов познания мира».

ГЭВИН УОТСОН

Гэвин Уотсон, писатель, фотограф, представитель субкультуры скинхедов поделился своей практикой:

«Мир, в котором скинхеды повлияли на почти каждого моего близкого друга, целый район, и, казалось даже, на всю страну, почти никогда не упоминался в СМИ. Если о скинхедах и писали, то в крайне негативном свете. Я думаю, что такое отношение — отрицать все, что трудно понять — было распространено на всех уровнях общества. Казалось, что скинхеды были повсюду: они покупали пластинки и одежду, слонялись парами, с женщинами или в бандах, от мала до велика. С моей точки зрения, этот культ проник во все части моего мира и даже внес определенный вклад в жизнь общества. Например, у меня был друг скинхед Крис, который стал очень богатым изобретателем, он изобрел хитроумное приспособление, чтобы немного облегчить жизнь людям с ограниченными физическими возможностями. И он сделал это, когда еще был скинхедом. Но в то время скинхедам не уделялось достаточного внимания в СМИ, хотя было и целое направление в музыке, и движение, которое было полностью посвящено этой идее, отраженной во внутреннем мире молодежи. Однако, мейнстрим полностью игнорировал скинхедов в надежде, что, если их проигнорировать, то мы все просто исчезнем, как хорошие маленькие дети. Но мы не исчезли! Движение стало влиятельным во всем мире».

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Dr. Олег Мальцев отметил, что выносить оценочные суждения о методе Prof. Лоренса неуместно. После изучения его модели становится очевидно, что этот вид графоаналитического метода очень полезен при изучении любых организаций, субкультур и явлений:

«что более интересно и загадочно, с моей точки зрения, и непостижимо для ученых в современном мире, так это прототипологический метод, когда явления не являются идентичными, но они равны. Этот метод был разработан в 1930-е годы академиком Григорием Поповым. Ученый, владеющий этим типом аналитического метода (метод прототипа) наряду с графической моделью, имеет гораздо больше возможностей и перспектив в подобного рода исследованиях, чем тот, кто полагается исключительно на графический (визуальный) метод. Когда мы исследуем субкультуры на основе прототипологического метода вместе с визуальной моделью Prof. Лоренса, мы приходим к следующему выводу. Если мы возьмем все известные субкультуры, их можно классифицировать на базе 10 прототипов:

- *Карлос Кастанеда;*
- *Дзен-буддизм;*
- *Роберт Монро;*
- *Дао;*
- *Хосе Сильва;*
- *Мексиканская среда;*
- *Африканская среда;*
- *Итальянская среда;*
- *Ирландская среда;*
- *Островная культура.*

Исследуя любую субкультуру, мы увидим ее корень в одной из этих 10 сред. И далее исследователю будет очень легко смотреть на субкультуру с помощью графического метода. Возьмем для примера субкультуру мотоспорта. Все мотоклубы делятся на несколько разновидностей относительно корня своих идей. Это либо мексиканские идеи, в том числе идеи Карлоса Кастанеды; или ирландская идея (Ирландской освободительной армии); или они будут иметь представление о жизни и смерти из дзен-буддизма; или идеи итальянского и европейского рыцарства. На самом деле, существует всего четыре разновидности клубов. Двигаясь дальше по дереву Фридриха Лоренса, мы видим, что корни и ветви могут переплетаться. Возможно, мы сталкиваемся с синтезом как в корне, то есть в происхождении идеи, так и с синтезом самой субкультуры. Простая математика показывает, что, умножая четыре на четыре разновидностей идей, мы получаем 16 вариантов синтеза. Я знаю только один мотоциклетный клуб, который построен на основе островной культуры, но сегодня очевидно, что он синтезировался с ирландской средой и включает в себя некоторые очень радикальные преступные сообщества на мотоциклах. В этом примере я показал вам, как механически из корня происходит синтез двух идей, которые породили три криминальных сообщества на мотоциклах, живущих в одном из островных государств».

ЭЛИЗАБЕТ ХААС ЭДЕРШАЙМ

Элизабет Хаас Эдершайм подняла несколько провокационных вопросов: «Формируют ли организации нас или мы формируем их? Если вы спросите себя, отражает ли ваша организация ваши ценности, то гордитесь ли вы тем, что принадлежите к этой субкультуре, скажем, в мире мотоциклов? Можете ли вы повлиять на их ценности? Можете ли вы быть примером относительно этих ценностей? Что вы собираетесь с ними делать? Когда вы думаете об организациях как о машинах, то вы можете размышлять об их ценностях. Например, вы можете прочитать новую книгу Джеффа Иммельта о том, почему он потерпел неудачу с «General Electric»:

он принял культуру, в которой mckinsey и Goldman Sachs ценились выше, чем люди. Вот что он пишет».

3. ИДЕЯ СМЕРТИ И РАЗНОВИДНОСТЬ ПОДХОДОВ СУБКУЛЬТУР К РЕАЛИЗАЦИИ ЭТОЙ ИДЕИ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ. ПУТЬ В СУБКУЛЬТУРЕ: ФАТАЛЬНЫЙ И УСПЕШНЫЙ

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

В основе любой субкультуры лежит идея смерти, при этом члены субкультуры могут даже этого не осознавать. Олег Мальцев вспоминает, что в молодости он разговаривал с авторитетным научным деятелем, который спросил его:

— «Как ты относишься к смерти?
— Почему вы спрашиваете?
— Потому что твое отношение к смерти определяет твое отношение к жизни».

> *«В 2020 году во время двух экспедиций в Северную и Южную Хорватию я начал работать сразу над несколькими книгами, посвященными тому, как субкультуры и города формируют личность человека. Первая книга — «Невидимый ангел», а вторая книга вышла в мае 2021 года под названием «Второе имя». Эти две книги описывают механизм формирования личности и индивидуальности человека в рамках субкультуры; когда субкультура является неким «напильником», который обтачивает личность и делает ее такой, какая она есть.»*

НИК АЙНОЧ

Ник Айноч также считает, что идея смерти существует в субкультурах и может быть по-разному реализована. Например, многие пришли учиться езде на мотоцикле после того, как поняли, что действительно могут умереть от COVID-19 — идея смерти была причиной того, что они захотели научиться ездить на мотоцикле. Кроме того, как бывший профессиональный мотогонщик, он отмечает:

> *«Идея смерти уже является частью мотоцикла, и я думаю, что каждый, кто приближается к нему, понимает это. Смерть — это естественное продолжение ошибок, которые мы совершаем в управлении мотоциклом. Смерть становится реальной идеей для того водителя, который не подготовлен или плохо обучен. За каждой предпосылкой для вождения скрывается риск серьезной травмы или даже смертельной. В Америке за последние пять лет в среднем погибло около 4900 мотоциклистов, так что большинству гонщиков известен этот риск. Осознание риска усиливает концентрацию. Позыв контролировать мощный и по своей природе неустойчивый байк, направлять его с точностью до миллиметра по выбранному пути заканчивается для гонщика неким наркотическим кайфом. Удовольствие от управления скоростью и самим мотоциклом с помощью дроссельной заслонки, тормозов и контрруления заставляет человека пристраститься к этому. Подобного не встретить во многих других видах спорта».*

САЙМОН МАКГРЕГОР-ВУД

Саймон макгрегор-Вуд, корреспондент документального фильма «Isle of Man TT: Опасное влечение», стал свидетелем одной из самых экстремальных субкультур и поделился своим взглядом на нее:

> *«Однажды я посмотрел в самое сердце мотоциклетной субкультуры, о существовании которой не знал ранее. Это было видео с людьми, которые мчались по дорогам в Великобритании, в частности, на 37-мильном участке шоссе на острове Мэн, в довольно небольшом древнем месте у моря между Англией и Ирландией. Каждый год там проводится серия гонок под названием Isle of Man TT. TT означает Tourist Trophy — «Туристический Трофей», и впервые эта гонка была проведена еще в 1907 году. TT часто называют самой опасной гонкой в мире. Эта экстремальная гонка существуют до сих пор, несмотря на то, что там умирает большое количество людей. И никто не застрахован от роковой ошибки. И именно это привлекает внимание фанатов, которые приезжают туда каждый год. То же самое и с гонщиками. Для многих «нормальные» гонки кажутся слишком обычными и легкими. Они ищут более сложный путь: там, где всегда присутствует опасность.*

> *«Где еще вы можете пережить подобное? — говорят они. — В каком еще виде спорта ошибка может стоить жизни? Это кайф». Здесь опасность практически доходит до пределов. У болельщиков, безусловно, это вызывает восхищение, которое придает гонщикам героизм. Никто не заставляет их это делать. Большинство гонщиков — увлеченные любители, и никто не разбогатеет, получив за победу призовой фонд в 25000 фунтов стерлингов. Этого недостаточно, чтобы бросить свою повседневную работу».*

ЭЛИЗАБЕТ ХААС ЭДЕРШАЙМ

Элизабет Эдершайм рассмотрела идею смерти с точки зрения того, почему организации существуют все более короткий период времени. Причина заключается в том, что эти культуры не учитывают происходящие изменения в людях и в их потребностях. «

> *Посмотрите на организации, которым это удается. Например, Microsoft, которая жила в мире прошлого, пока не обратила внимание на людей и не изменила свою «культуру», чтобы соответствовать завтрашнему дню. Является ли компания машиной? Как она была созда-*

на? Было ли это осознанием того, что люди могли бы сделать, и разрешением им «стать частью Microsoft»? Была ли это машина — или среда, в которой люди могли что-то создавать и стать частью этой машины? Это достаточно неоднозначно. Если посмотреть на Ultimate Guitar, одну из моих любимых компаний, где каждый может получить доступ к музыкальным инструментам по доступной цене, то основатель этой компании обратил внимание на то, что работники недовольны своей работой. По сути, однажды он сказал: «Мы все вместе идем на завтрак». И там он выслушал своих людей, после чего они стали частью этой машины. Danfoss — компания, которая полностью изменилась, позволив людям внутри определять характеристики этой машины на свое усмотрение, в постоянно меняющейся манере. Может ли культура создать смерть? Культура — это машина? Только если мы позволим ей это».

РОСС ХЭНФЛЕР

Росс Хэнфлер описал субкультуру стрейт-эдж (Straight Edge), сообщество, которое получает удовольствие от жизни без наркотиков и продолжает общаться с новыми поколениями молодых людей по всему миру:

«Многие приверженцы стрейт-эдж живут до пятидесяти и шестидесяти лет, показывая, что участникам субкультуры не обязательно уходить со “сцены” с возрастом. Несколько факторов, которые могут более или менее присутствовать в других субкультурах, способствуют сохранению стрейт-эдж как смысловой системы. В то время как многие, возможно, даже большинство молодых приверженцев в конечном итоге уходят от такой идентичности, пройдя достаточный путь в рамках субкультуры, чтобы иметь возможность делиться знаниями, опытом и ресурсами с новыми участниками. Пока эти взаимодействия не лишены конфликта, узы, выкованные между членами субкультуры на локальных, глобальных и виртуальных сценах, поддерживают субкультурные смыслы. Старшие участники субкультуры стрейт-эдж владеют звукозаписывающими студиями, книжными площадками, ведут группы в социальных сетях и в некоторых случаях продолжают играть в музыкальных группах. Все это вносит свой вклад в культурную инфраструктуру стрейт-эджа как смысловой системы».

ДУГЛАС КЕЛЛНЕР

Согласно словам Дугласа Келлнера:

«… Субкультуры, которые были разрушающими и оппозиционными, могут быть поглощены основной культурой, хотя мне нравится верить, что те из нас, кто участвовал в контркультуре 1960-х и сумел выжить, продолжают развиваться, жить и придерживаться прогрессивных ценностей, продолжают выступать против войны, милитаризма и репрессий во всех их проявлениях, защищая гражданские свободы для всех и ценности прогрессивного демократического общества и государственного устройства».

САНДЖАЙ СОКХУ

Санджай Сокху рассматривает разницу между «нормальными» людьми и приверженцами субкультуры в мире боевых искусств:

«Большинство современных людей живут жизнью, полной мер предосторожности, боясь неожиданных событий или что кто-то или что-то потревожит их эго. Новые участники, которые приходят к нам в тренажерный зал, хотят уйти от этого образа жизни. Как сформулировал Нассим Талеб: «Обратить беспорядок во благо».

«Большинство современных людей живут жизнью, полной мер предосторожности, боясь неожиданных событий, которые потревожат их эго».

Конечный продукт соревновательных боевых искусств является ярким примером беспорядка. Сражаться с натренированным противником, с кем-то, кто хочет победить вас, сделать удушающий захват или бросить вас на пол — это то, чего большинство людей стараются избежать в своей жизни. Но именно эта ситуация «жизни или смерти» может заставить человека почувствовать себя живым. Прилив адреналина, вызванный противостоянием противнику, трудно ощутить при обычном образе жизни. Существует множество историй о бойцах, которые получают травмы во время боя, но замечают их только после его окончания».

МАРИЯ КУЛИК

«Проблема групповой идентификации личности тоже связана с субкультурой и требует особого внимания, поскольку границы доминирующей культуры и субкультуры динамичны и многомерны».

ЭДУАРД БОЙКО

«Для подростка субкультура представляет собой выполнение функции выбора и поиска своих норм поведения и общения для освоения новых социокультурных ролей».

4. ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ АТРИБУТИКИ И СИМВОЛОВ СУБКУЛЬТУР. ЯВЛЕНИЕ «СУБКУЛЬТУРА В СУБКУЛЬТУРЕ» И ОСОБЕННОСТИ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ. СИНТЕЗ ИДЕЙ В СУБКУЛЬТУРЕ, ПРИЧИНЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ СУБКУЛЬТУР, НЕВИДИМЫЕ ВНУТРЕННИЕ МЕХАНИЗМЫ, ПОДДЕРЖАНИЯ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ

ДЖЕРОМ КРЕЙС

В рамках дискуссии данной панели Джером Крейс поделился результатами своего исследования символических атрибутов субкультур:

*«Следует отметить, что структурализм по-прежнему прочно укоренен в дисциплине социологии; даже ее нынешние пост-варианты являются отважными попытками сделать иерархию более разнообразной, а не разрушить ее. Я многократно обсуждал этот аспект относительно того, почему и как дисциплинарная иерархия сохраняется, несмотря на объявление о прекращении ее существования. Хотя в прошлом я был приверженцем структуралистской практики социальных наук, сегодня я в основном занимаюсь этнографией и счастлив быть «культурологом урбанизма», определенного специалистом Майклом Яном Борером как тот, «**…кто изучает символические отношения между людьми и местами и то, как люди наделяют эти места смыслом и ценностью, чтобы понять смысл своего мира».***

*Самая широкая структура моего подхода называется символическим интеракционизмом, который был создан Джорджем Гербертом Мидом и Чарльзом Хортоном Кули, связан с прагматизмом Джона Дьюи, и его также поддержал Герберт Блумер. Поскольку **символические интеракционисты**, такие как я, утверждают, что общество построено из знаков и символов, изучение атрибутов и символов субкультур — это то, чем мы зарабатываем на жизнь. Символический интеракционизм — важная часть взаимосвязи феноменологических, этнометодологических, социальных, конструкционистских концепций и теорий коммуникации. Комбинируя эти подходы, мы утверждаем, что люди действуют в соответствии с явлениями, основываясь на их интерпретации и значениях, которые передаются*

им через широкий спектр естественных и условных знаков и символов. Мы можем утверждать, что выражения (суб)культур и наши ответы на них, основанные на наших интерпретациях, создают наши социальные реальности. Однако фиксация внешнего вида символа или знака с помощью любого метода сбора данных не означает, что вы точно знаете, правильно ли его интерпретируете».

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Олег Мальцев представил результаты своего исследования символической составляющей в рамках идей Жана Бодрийяра. Рассматривая символическую систему на междисциплинарной основе с разных точек зрения — психологической, социологической, философской, экономической и даже с точки зрения европейского мистицизма, он пришел к выводу, что:

«… Символ является источником повторных побуждений человека, которые ретрансформируются в устремления. Другими словами, символьная составляющая — это нечто наподобие Вечного двигателя: машина, которая обеспечивает бесперебойную работу системы.

Например, если взять субкультуру, именно символьная составляющая обеспечивает ровную, бесперебойную работу всех механизмов субкультуры, и самое главное — ее двигателей. То есть, функция символа — это то, что обеспечивает постоянную перезагрузку системы и позволяет сохранить ее невредимой. По сути, это некие предохранители субкультуры. Соответственно, ***в мире нет систем, способных продолжать свое существование без символической составляющей****. Когда меня спрашивают, в чем проблема, связанная с исследованием символов, я думаю, что проблема, в первую очередь, в длинном пути понимания ответа на вопрос «зачем исследовать символы», и во-вторую — в комплексном понимании работы символической системы как вечного двигателя. […] Я исследовал множество различных субкультур, в том числе криминальных. Когда вы исследуете так много субкультур, то ваша скорость понимания символической системы возрастает; если ранее мне требовались мучительные месяцы, то теперь мне требуется несколько дней, чтобы понять всю символическую систему любой субкультуры. Исследование, которое следует за этим этапом, больше не связано с накоплением информации, оно становится процессом проверки гипотезы».*

ИРИНА ЛОПАТЮК

Ирина Лопатюк отметила, что субкультуры обладают как общими, так и своими уникальными чертами. Типичными являются обязательные атрибуты, вещи, которые визуально подтверждают принадлежность к субкультуре. С другой стороны, у каждого представителя также есть свои атрибуты, выражающие какую-то идею с его точки зрения.

«Центральный символ субкультуры в наибольшей степени отражает принадлежность человека к определенной среде, его вовлеченность в идеи и определенную философию, — отметила И. Лопатюк. — Другое дело, как человек это воспринимает, понимает и объясняет. Поэтому при исследовании и анализе символической составляющей субкультуры обязательно следует учитывать разницу между потенциалом исходного значения символа, его источником (что именно необходимо прототипологизировать, какие орнаменты, лозунги, знаки или символы заимствованы), а также следует учитывать индивидуальное объяснение или точку зрения непосредственно представителя субкультуры. Обычно первое знакомство с символикой — это физический облик человека. В качестве наглядного примера предлагается рассматривать байкерскую субкультуру как одну из наиболее широко представленных. Байкера обычно видят в куртке; можно обратить внимание, есть ли клубные цвета или какие-либо атрибуты, которые не знакомы или неясны. Первое, что обычно бросается в глаза — это нашивки. В США нашивки или полосы на куртках являются идентифицирующими элементами. Есть армейские нашивки, военные нашивки или те, которые получает новичок при вступлении в клуб. Европейцы использовали американский подход в качестве прототипа, а значит, у байкеров в Европе тоже есть свои «нашивки». Я хочу сосредоточить внимание на том факте, что всегда есть прототип — «источник» того, что мы видим, глядя на представителя субкультуры».

БЕРНАРДО АТТИАС

Бернардо Аттиас отметил, что научная работа будет более обстоятельной, когда методы адаптируются к конкретному критическому взаимодействию с явлением, а не тогда, когда ученый начинает с теоретического подхода, а затем «применяет» этот подход к явлению:

«В целом, я думаю, ученые должны выбирать методы, которые лучше всего подходят объекту исследования. Я занимаюсь коммуникативными исследованиями; с точки зрения методологии, мои основные подходы уходят корнями в риторические исследования, культурологические исследования и исследования производительности. Некоторые из моих собственных работ о субкультурах сосредоточены на том, ***как субкультуры посредством стиля проявляют идеологии, которые одновременно бросают вызов доминирующим системам и подтверждают их****. Меня также интересует, как субкультуры используют доступное им "сырье" в форме культурного заимствования, иногда из других субкультур. В то время как существует тенденция изучать модель культурного присвоения с бинарной точки зрения: рассматривая присвоение либо как признание, либо как коммерциализацию и тривиализацию культуры, которую оно присваивает, —*

я пытаюсь разработать подход к такому присвоению, как культурный диалог. Этот диалог ведется не между «аутентичными» культурами как таковыми, а скорее в пространствах между воображаемыми культурами, которые определяются не через ссылку на культурную сущность, а через свою репрезентацию. В таком исполнении решающую роль играют динамика и методы курирования — еще один термин, с которым я работал в связи с диджей-культурой (она крайне специфическим образом развивалась в определенных музыкальных стилях). Поэтому в своей работе я пытаюсь понять некоторые диджей-субкультуры как культуру курирования».

DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Олег Мальцев впервые в области исследования субкультур представил исчерпывающую структуру иерархии субкультур. Его выводы показывают, что иерархия субкультуры возникает благодаря двум силам: вертикальным и горизонтальным. Так называемый “компас субкультуры” состоит из некоего среднеуравновешенного центра и четырех стрелок:

- Стрелка вверх: радикализация.
- Стрелка вниз: искажение представления.
- Стрелка вправо: несогласие.
- Стрелка влево: апелляция к прошлому.

Dr. Мальцев поясняет:

«Когда мы погружаемся в определенную субкультуру, точка нашего контакта с этой субкультурой находится в одной из этих пяти точек: в центре, слева, справа, вверху или внизу. Когда ученый начинает изучать субкультуру, он смотрит на нее с определенной точки. После того, как он завершил свое исследование, оказывается, что он выполнил всего лишь 1/5 часть исследования. Ему может показаться, что так выглядит вся субкультура, так что он не проводит дальнейших исследований.

Если человек не продолжает свое исследование — а обычно он поступает именно так,— то его исследование становится дезинформацией; полным искажения реального положения дел. Так обычно работают журналисты. Например, журналист берет интервью у представителя субкультуры по одному из этих пяти пунктов и представляет его так, как будто это фактический образ всей субкультуры. Если вы не видите радикального звена субкультуры, это не значит, что его не существует; его необходимо искать, пока не найдете. Если не пройти все пять пунктов (стрелок) внутри субкультуры, работу нельзя считать завершенной. Не следует начинать писать работу, пока не будут рассмотрены все точки зрения на субкультуру, потому что именно пять взглядов формируют комплексную философию».

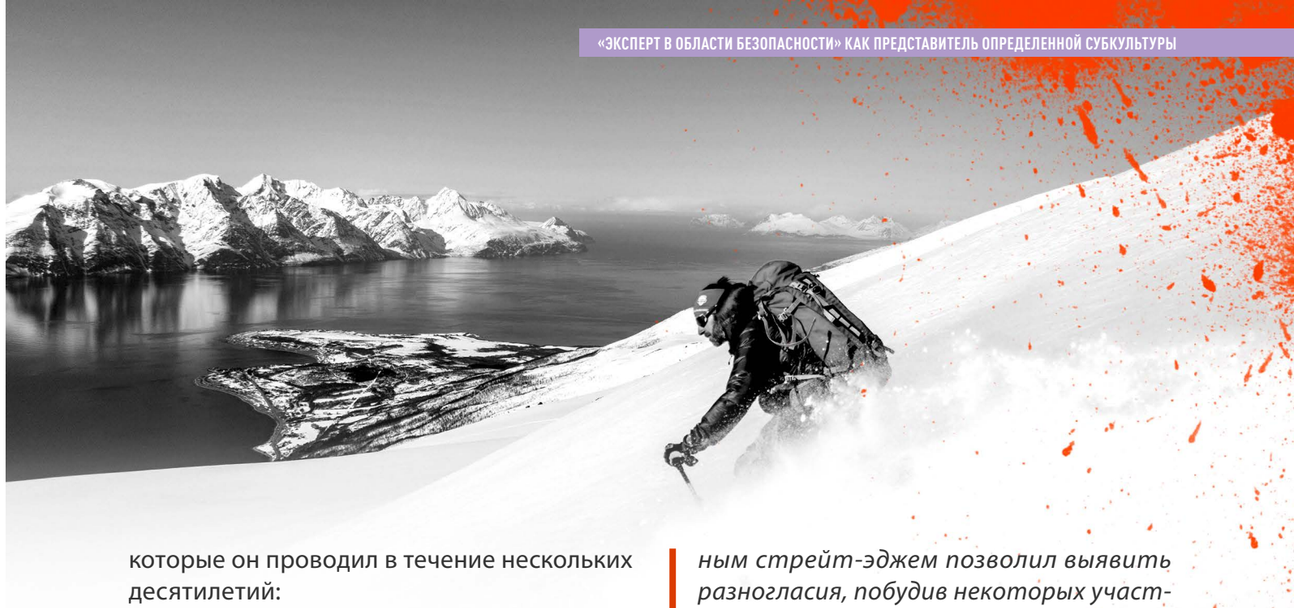
ДЕРЕК РИДЖЕРС

Дерек Риджерс как фотограф простым языком объяснил образ новых романтиков и скинхедов в то время, когда он их снимал:

«Новые романтики одевались почти так же, как скинхеды, которых я видел в конце 60-х. Подтяжки, большие ботинки, брюки Sta-Perst или Levi’s, рубашки Ben Sherman или Fred Perry и, конечно же, очень короткие волосы. По дороге в Саутенд многие из них стремились обратить меня в свою веру и рассказать мне о своих политических и социальных взглядах».

РОСС ХЭНФЛЕР

Росс Хэнфлер поделился своими наблюдениями, основанными на исследованиях,



которые он проводил в течение нескольких десятилетий:

«В начале 90-х стрейт-эдж-группы в свою музыку все чаще включали политику (Peterson 2007). Эта тенденция продолжалась до середины десятилетия, когда три группы с Victory Records с тяжелым металлическим звучанием — Strife, Snapcase и Earth Crisis — стали чрезвычайно популярными. Earth Crisis, в частности, приобрели статус легенд, пропагандируя бескомпромиссное послание приверженности веганству и освобождению животных; они носили банданы, камуфляжные брюки и майки спортивных команд. К концу 2010-х более половины придерживались вегетарианской или веганской диеты. Однако, когда Earth Crisis оживил политическое сознание, возник разрыв между «позитивным» и так называемым «воинствующим» стрейт-эджем. Первые придерживались принципа невмешательства, а вторые скорее шли на конфронтацию. Воинствующий стрейт-эдж, несомненно, имел сверхмужественный тон, привлекая множество сильных «крутых парней», которые напоминали стереотипного атлетического спортсмена, часто презираемого ранними панками. «Бригады», состоящие в основном из мужчин, выражающих свою преданность друг другу с помощью татуировок и других общих символов, стали известны своим устрашающим присутствием на концертах и иногда даже насилием. Этот грубый раскол между позитивным и воинственным стрейт-эджем позволил выявить разногласия, побудив некоторых участников отказаться от идентификации с ними, если не от образа жизни — в то же время привлекая других людей своим сверхмужественным образом».

АВИ НАРДИА

Ави Нардиа более широко рассматривает культуру и субкультуру; по его мнению, общая позиция заключается в том, что культура представляет собой более широкую основу по отношению к другим концепциям в рамках данной темы:

«культуру можно определить как совокупность образа жизни общества. Члены общества учатся и разделяют общую культуру. Однако понятие культуры очень сложное. Слово «культура» используется в социологической и повседневной лексике по-разному. Во всех отношениях культура явно или неявно противоположна природе. Все, что люди производят или делают, является культурой, и все, что существует или возникает без вмешательства человека, является частью мира природы. Ральф Линтон определяет культуру так: «Культура общества — это образ жизни его членов; сборник идей и привычек, которым учат, которыми делятся и передают из поколения в поколение».

5. ОТ МИФОЛОГЕМ — К ИДЕЯМ КАК БАЗОВЫМ ЭЛЕМЕНТАМ ФОРМИРОВАНИЯ СУБКУЛЬТУР. ОСОБЕННОСТИ ПОДХОДА К ИССЛЕДОВАНИЮ МИФОЛОГЕМ, ЛЕЖАЩИХ В ОСНОВЕ ФИЛОСОФИИ ИССЛЕДОВАНИЯ СУБКУЛЬТУР. МОЖЕМ ЛИ МЫ УТВЕРЖДАТЬ, ЧТО СТРУКТУРА ИЕРАРХИИ ВСЕХ СУБКУЛЬТУР ИДЕНТИЧНА?

Олег Мальцев и Максим Лепский считают, что в основе философии субкультур лежит мифологема.

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

Dr. Мальцев объяснил, что каждая субкультура основана на сильной идее, и что чаще всего в основе этой философии лежит мифологема:

> *«В основе любой субкультуры лежит сильная идея; субкультура строится либо вокруг этой идеи, либо является резюме некой мифологемы, сердца её философии. Субкультурные исследования всегда должны включать в себя конкретную задачу, имеющую практический результат. В противном случае нет смысла исследовать субкультуру. И чтобы выполнить эту задачу, прежде всего нужно понять их философию».*

МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

Dr. Лепский: «Легенды формируют и свое поле смыслов, и свой «субкультурный» язык, отражающий конкретное знание в субкультуре или субкультурную гиперреальность с ее симуляциями и вымыслами. Мифологическое осмысление, претендующее на статус «философствования» как совокупности идей и легенд в субкультуре («легенда о возникновении субкультуры», «легенда о героях и их становлении», «легенда о волшебном лекарстве») и сопутствующие символы (субкультурная одежда, внешний вид, татуировки, знаки, ритуалы взаимодействия) — все это составляет «ядро субкультуры».

АВИ НАРДИЯ:

«В последние десятилетия изучение памяти и изучение мифов приобрели известность в социальных и гуманитарных науках. Изучение мифов позволяет понять, каким образом определенные представления и идеи становятся правдой. Субкультуры строятся не только вокруг общих страстей и интересов — будь то музыка или политика,— но также и общих историй, воображения и воспоминаний. Реальность, в которой мы живем, передается через язык, через различные рассказываемые истории. Центральная роль повествования в организации, поддержании и передаче знаний о нас и мире подчеркивается в нескольких местах Джеромом Брунером, когда он говорит, что «мы организуем наш опыт и наши воспоминания о человеческих событиях в основном в форме повествований — историй, преданий, мифов…»

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

За 28 лет исследований и работы с субкультурами Dr. Мальцев пришел к выводу, что иерархии всех субкультур идентичны. Это было одно из самых значимых научных открытий, которые сделал ученый:

> *«Иерархия субкультуры естественна, а не искусственна, и именно это делает ее интересной.* ***Никто не назначает кого-либо на определенную должность в субкультуре — вас воспринимают тем, кого вы из себя фактически представляете.*** *Иерархия строится на авторитете людей в субкультуре. Если у кого-то нет авторитета, то у него нет власти внутри этой структуры. Таким образом, в этих организациях очень важно понимать, с кем вы разговариваете. Невозможно определить социальный статус человека в обществе, глядя на статус внутри субкультуры, потому что они радикально отличаются. Это два разных мира; можно быть всем в субкультуре и никем — в обществе в целом, и наоборот».*

6. СУБКУЛЬТУРЫ И РЕЛИГИИ: РАЗЛИЧИЯ. КАКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ ФОРМИРУЮТ КАЖДЫЙ ИЗ ИНСТИТУТОВ? ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИИ: ОТ БОЖЕСТВЕННОГО ПРЕВОСХОДСТВА К УНИВЕРСАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ, ОСНОВАННОГО НА ТЕХНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ.

В академическом сообществе существует множество взглядов и интерпретаций такого понятия, как субкультура. Социологи, историки, психологи, антропологи и философы, равно как и специалисты по маркетингу и бизнес-консультанты, изучали субкультуры, так как в XXI веке они становятся все более распространенным явлением. Какие параметры отличают субкультуру от религии?

ЛЮДМИЛА ФИЛИППОВИЧ

Prof. Людмила Филиппович подняла важный аспект, связанный с методологией исследования. Ведь до данной конференции научное сообщество не сталкивалось с конкретной функциональной методологией исследования субкультур. Prof. Филиппович и Dr. Мальцев Олег говорили о важности инструментов, позволяющих безошибочно различать субкультуры и религии.

> *«Я считаю, что нелегко провести четкое различие, поскольку каждая субкультура, даже самая светская, может приобрести характеристики религии, что означает, что они могут поклоняться определенному богу, верить в сверхъестественную природу явлений и т.д. Сакрализация скудно-светских, земных вещей придает им вселенские качества. В определенный момент все религии были субкультурами», — отметила Prof. Филипович.*

> **«ОТЛИЧИТЕЛЬНОЙ ЧЕРТОЙ СУБКУЛЬТУРЫ ЯВЛЯЕТСЯ ЕЕ САМООРГАНИЗАЦИЯ».**
> **— DR. ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ**

ОЛЕГ МАЛЬЦЕВ

В ходе исследования субкультур Dr. Мальцев разработал десять параметров, позволяющих отличать субкультуру от других понятий и образований (например, от религиозного движения). Набор параметров служит для проверки разумности выводов (например, о том, соответствует ли анализируемое явление категории субкультуры) с помощью прототипологического, сравнительного, исторического и описательного анализа и других эмпирических методов исследования. Каждому объекту, его разновидности и типу, присуща характерная внутренняя система отличительных признаков. На конференции впервые была выделена система критериев, присущих субкультурам, и представлена как методологическая база исследования (см. Доклад Олега Мальцева). Dr. Мальцев говорит:

> *«Отличительной чертой субкультуры является ее самоорганизация. Церковь организовывает людей, но субкультура — самоорганизуется. Субкультура возникает благодаря механизмам синергии. Кроме того, можно сказать, что любая субкультура оценивается по степени эффективности жизни ее членов, а не по приверженности к той или иной идее. Субкультура — это явление, которое существует независимо от нас, нравится нам это или нет. Некоторые ученые говорят, что образ жизни — это параметр, определяющий часть субкультуры; я не согласен с этим утверждением, потому что некоторые приверженцы субкультур не отличаются своим образом жизни*

и тем, как они выглядят в глазах других. Человек, занимающийся бизнесом, может быть членом определенной субкультуры, но просто глядя на него, невозможно определить, к какой субкультуре он принадлежит. Субкультуры формируют мировоззрение человека, религия же пытается навязать его. Религия не заинтересована в том, чтобы позволить человеку самому решать, во что ему верить, когда ему исполнится, скажем, 18 лет. Религия предлагает непоколебимые догмы. Напротив, в субкультуре есть правила, которые разрабатываются людьми в их сообществах. Субкультуры вынуждены вырабатывать эти правила в режиме самоорганизации; их правила не догматичны и не являются истиной в последней инстанции. Фактически, в современном мире субкультуры выполняют центральную образовательную функцию».

DR. ЛЮСЬЕН УЛАХБИБ, DR. МАРКО АНДРЕАККИО ВЫСКАЗАЛ КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОВРЕМЕННЫЕ РЕЛИГИИ:

«Сегодня фундаментальные термины всего религиозного дискурса отрезаны от своего первоначального богословско-политического контекста, подпитывая дихотомию, которую мы как наследники современности научились принимать и больше не ставим под сомнение якобы «субъективную» или «частную» веру (которая все чаще задыхается). Несмотря на деспотические исключения, старая религия отличается от модернизма тем, что в принципе представляет страх как открытый вопрос, знакомя нас с божественной тайной как фундаментальной альтернативой торжеству абсурда, скрывающемуся за каждым уголком лабиринта прогрессивных усилий модернизма. Там, где наша индустрия страха истощила и превратила культуру в «субкультурный» мусор, религия обнажает себя из-под гомогенизирующей оболочки субкультуры, чтобы подтвердить свои истинные цвета, оттенки страха, способствующего развитию цивилизации через нравственное культивирование».

МАССИМО ИНТРОВИНЬЕ

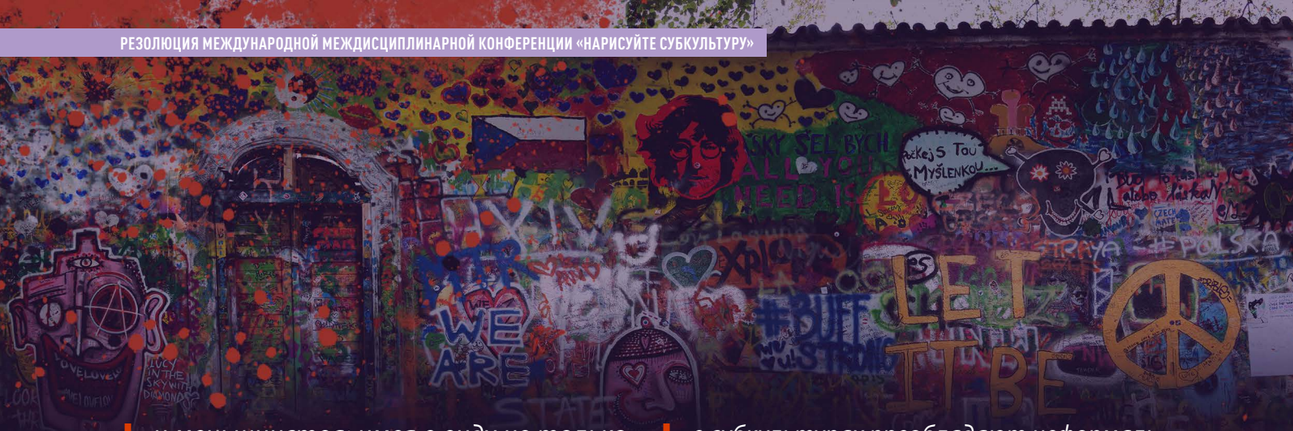
Dr. Массимо Интровинье поделился своим взглядом на то, что такое субкультура, а также отметил, что существует проблема в определении того, что есть религия:

«Недавно я вступил в дебаты с людьми, которые утверждали, что, возможно, нам больше не следует использовать слово «религия», поскольку мы не знаем, что это слово означает. На данный момент, я думаю, мы не можем отказаться от слова «религия» в основном по юридическим причинам, потому что существуют законы и международные конвенции, которые разными способами религии защищают».

ДЖЕРОМ КРЕЙС

Заслуженный профессор социологии Джером Крейс заметил:

«Субкультуры обычно рассматривались как возникающие из доминирующей культурной гегемонии или противостоящие ей. Это подчинение часто также упоминалось в терминах большинства



и меньшинства; имея в виду не только относительную демографию, но и социально-экономическую и, следовательно, политическую власть. Другим распространенным подходом к социальной реальности множества субкультур было научное создание других взаимосвязанных дихотомий, таких как социальная дезорганизация и социальная организация, с доминирующей культурой, конечно, носящей ценный ярлык «организации». Только позже ученые с помощью подробных этнографических микросоциумных описаний сообщили нам, что субкультуры были формами социальной организации, а не просто мизантропами. Я должен добавить влияние постмодернистской критики приписывания относительной ценности различным социальным реальностям. Родственный термин, который также был полностью запрещен в академических кругах, но не в обществе — это термин «девиантность» и другие его предвзятые итерации в виде "дурной / дискредитированной общественной жизни"».

МАКСИМ ЛЕПСКИЙ

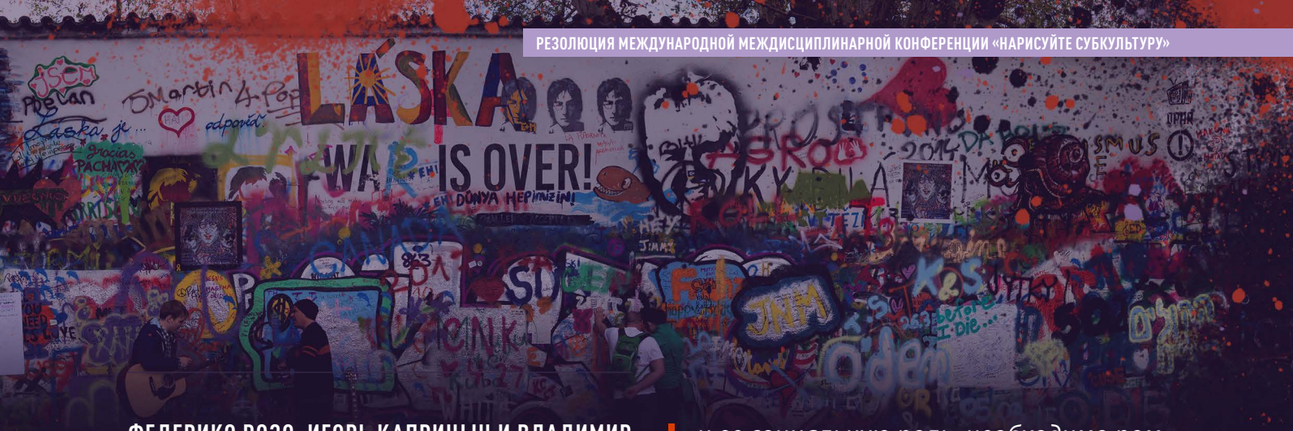
Профессор Максим Лепский упомянул:

«Субкультуры существенно отличаются от других общностей людей, например таких, как организация или институциональные объединения, меньшей устойчивостью и сформированной иерархией (здесь скорее представлена иерархизированная сеть), формально закрепленными санкциями и нормами. Одновременно в субкультурах преобладают неформальные нормы и санкции, которые значительно ближе к обычаям, чем к традициям и праву. Во-вторых, субкультуры отличаются от случайных групп и движений, таких как толпа, поскольку объединены общими побуждениями и интересами, а также тем, что можно назвать «ядром субкультуры».

ПОЛ РОАДС

Американский художник Пол Роадс считает, что:

категория «культура», даже если она применима к религии, — «бесполезна. В разных частях общества, таких как армия, академия, низший и средний класс, существуют фантазии, увлечения, движения и взгляды, а также существуют постоянные и фундаментальные проблемы и вопросы, с которыми сталкивается человечество. Мы выстраиваем основные институты, такие как церкви и политические системы. Такое учреждение, как Церковь, по сути своей отличается от "модного увлечения" тем, что его корни лежат в самых основных аспектах взаимодействия человека с реальным. Фантазии, увлечения и движения берут свое начало в спонтанном возбуждении, неудовлетворении и амбициях. Даже если их эстетика и взгляды проникают в другие сферы общества, такое влияние никогда не будет чем-то большим, нежели разновидностью более крупных влияний, которые уже действуют».



ФЕДЕРИКО РОЗО, ИГОРЬ КАПРИЦЫН И ВЛАДИМИР СКВОРЕЦ ПОДЕЛИЛИСЬ СВОИМИ ОБЩИМИ ВЗГЛЯДАМИ НА ЭТУ ТЕМУ. ФЕДЕРИКО РОЗО СКАЗАЛ:

«Нормы субкультуры могут отличаться от норм общества, к которому они принадлежат, и в то же время они могут не противоречить им. Следовательно, они не обязательно имеют отрицательное значение. Субкультура никогда полностью не отделяется от глобального общества, в котором она находится и где она составляет определенную подсистему, поскольку характеризуется набором ценностей, связанных с более широкой системой, от которой они отличаются лишь частично. Концепция субкультуры априори не содержит отрицательных ценностей, а содержит чувство принадлежности, характерное для большинства профессиональных групп».

ИГОРЬ КАПРИЦЫН

Доктор философских наук Игорь Каприцын:

«Субкультура — это неотъемлемый системообразующий атрибут культуры, который становится особенно актуальным в периоды глобализации. Этимологически «субкультура» определяет свое подчинение общечеловеческой культуре, которая, в свою очередь, действует как центр искусственности (предметов, порядков, отношений), обслуживающий потребности человека в неоднозначной для него естественной среде». Dr. Скворец Владимир: «Изучая феномен субкультуры и ее социальную роль, необходимо помнить, что субкультуры относятся к культуре как части к целому, что является основой для выделения в них как общих, так и отличительных черт, свойств и функций. Рассматривая культуру как совокупность материальных и духовных ценностей, созданных человечеством, культурологи обычно выделяют главную проблему культуры: воспроизводство самого человека, его знаний, умений, материальных и духовных ценностей.

«ЗНАЧЕНИЕ СУБКУЛЬТУРЫ ВСЕГДА ЯВЛЯЕТСЯ ПРЕДМЕТОМ СПОРОВ, А СТИЛЬ — ЭТО ОБЛАСТЬ, В КОТОРОЙ ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТАЛКИВАЮТСЯ С НАИБОЛЕЕ ДРАМАТИЧЕСКОЙ СИЛОЙ. ПОЭТОМУ БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ МОЕЙ РАБОТЫ СОДЕРЖИТ ОПИСАНИЕ ПРОЦЕССА, ПОСРЕДСТВОМ КОТОРОГО ОБЪЕКТЫ В СУБКУЛЬТУРЕ БЫЛИ СОЗДАНЫ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ОЗНАЧАТЬ «СТИЛЬ» — И ОНИ ЕГО ОЗНАЧАЮТ.

КАК И В РОМАНАХ ЖЕНЕ, ЭТОТ ПРОЦЕСС НАЧИНАЕТСЯ С ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЕСТЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА, ХОТЯ В ЭТОМ СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЕ МОЖЕТ ПОКАЗАТЬСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕЗНАЧИТЕЛЬНЫМ: СОЗДАНИЕ ПРИЧЁСКИ, ПРИОБРЕТЕНИЕ САМОКАТА, ПЛАСТИНКИ ИЛИ КОСТЮМА ОПРЕДЕЛЕННОГО ТИПА. НО ЭТО ЗАКАНЧИВАЕТСЯ ПОСТРОЕНИЕМ СТИЛЯ, ЖЕСТОМ НЕПОВИНОВЕНИЯ ИЛИ ПРЕЗРЕНИЯ, УЛЫБКОЙ И НАСМЕШКОЙ».

— ДИК ХЭБДИДЖ

Оргкомитет Международной междисциплинарной конференции «Нарисуй Субкультуру» благодарит всех спикеров и участников конференции.

ОРГАНИЗАТОРЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «НАРИСУЙТЕ СУБКУЛЬТУРУ»

ЕВРОПЕЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ (EASU)

Европейская академия наук Украины — это европейская академия, объединяющая интеллектуальную элиту со всего мира. Одна из основных целей — проводить междисциплинарные исследования; EASU регулярно проводит международные конференции по наиболее актуальным вопросам для поиска решений проблем, которые не могут быть решены даже на государственном уровне. Европейская академия наук стремится возродить и укрепить престиж и силу науки во всем мире.

www.euasu.org

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР

Это научная структура составляющая неотъемлемую часть Социологической Ассоциации Украины.

- Руководитель центр — академик УАН, Ph D. **Олег Викторович Мальцев**.
- Научный руководитель центра — академик УАН, проф. **Максим Анатольевич Лепский**.

Этот центр создан при поддержки наших Европейских и Американских партнеров из: Соединенных штатов Америки, Канады, Италии, Германии, Бельгии, Дании. Сотрудники центра являются членами Украинской Ассоциации Социологов и/или Международных социологических ассоциаций. На этой площадки собран экспертный состав криминологов Украины, Европейских стран и США.

www.criminology-center.org

АКАДЕМИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УСЛУГ «APSI»

ЭТО профессиональное сообщество независимых экспертов из Испании, Италии, Германии, США и Украины. Задача Академии — разработать практические методы решения проблем, которые необходимы бизнес-структурам и частным лицам в XXI веке:

- Экспертная оценка потенциала проектов;
- Формирование команд для реализации проектов;
- Консультирование ключевых игроков на разных стадиях реализации проектов.

В экспертный отдел входят специалисты из таких областей, как стратегический консалтинг, финансы, менеджмент, профессиональный отбор, глубинная психология, философия, социология религий, юриспруденция, криминология, криминалистика, журналистика, безопасность и личная безопасность.

http://www.academy-apsi.com

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЩЕСТВО

Историко-литературное общество создано Институтом памяти и Экспедиционным корпусом. Общество объединяет ученых и членов корпуса, занимается прикладной наукой и прикладной исследовательской деятельностью. Возрождено и начало функционировать в Одесском региональном отделении Украинской академии наук 15 октября 2019 года. Прообразом Историко-литературного общества является Гейдельбергское историко-литературное сообщество, которое дорожит всеми традициями истинной науки и отличается своей приверженностью практическим аспектам.

www.odhislit.com

МЕДИАПАРТНЕРЫ

«THE WESTERN MORNING NEWS»

The Western Morning News is a daily regional newspaper founded in 1860, and covering the West Country including Devon, Cornwall, Isles of Scilly and parts of Somerset and Dorset in the South West of England. The Western Morning News was founded by William Saunders and Edward Spender, father of Sir Wilfrid Spender, on 3 January 1860. It has been published continuously since the first edition, including throughout the 1926 General Strike and the Plymouth Blitz. At the moment it is an online publication.

www.westernmorning.news

ENCYCLOPEDIA OF WORLD SUBCULTURES

The «Encyclopedia of World Subcultures» is an official mass media. It is a unique popular-scientific project, which was established in partnership with the «Great Ukrainian Encyclopedia» (an official publication of the National Academy of Sciences in Ukraine). Project mission is a multivector analysis of world subcultures. Every phenomenon, organization and personality is going to be considered from the viewpoint of followers, scientists and mass media. To get acquainted with the project please choose the language and follow the link below.

https://en.subcultures.wiki/

THE JOURNAL OF INTERNATIONAL SECURITY AFFAIRS

The Journal of International Security Affairs is the flagship publication of the Jewish Institute for National Security Affairs (JINSA). JINSA is a non-profit, non-partisan educational organization based in Washington, D. C. It is dedicated to explaining the need for a prudent national security policy for the United States, addressing the security requirements of both the United States and the State of Israel, and strengthening the strategic cooperation relationship between these two great democracies.

www.security-affairs.com/about

«CULTURA HISTORICA»

Cultura Historica is a web portal on historical culture, theory of history and historiography. Its aim is to offer a wide and well-linked range of pdf-format texts written by leading scholars in these fields, in an attractive format. We also incorporate a substantial number of links, commentaries on historical films and novels and other didactic resources. This project saw the light in April 2009. That has been possible for the collaboration by a considerable number of colleagues from the International Commission on History and Theory of Historiography, the University of Barcelona and other universities throughout the world.

www.culturahistorica.org

«AFRICA»

«Africa» is the most innovative Italian magazine dedicated to African continent. Africa magazine publishes reportages and news of actuality, culture, society, sports, economy, travel, art, solidarity… signed by some of the best reporters on the international scene.

Africa magazine realizes exhibitions of great visual and emotional impact, in col- laboration with the best reporter and the most important photographic agencies (Getty, AFP, Panos, Cosmos, Luz, Parallelozero), hosted by municipalities, cultural associations, libraries, galleries…Africa magazine promote and organize conferences, seminars and workshops with analysts, researchers, political, entrepreneurs and reporters. Africa magazine is media partner of exhibitions and cultural events of great appeal throughout Italy.

www.africarivista.it

INTERDISCIPLINARY NETWORK FOR THE STUDY OF SUBCULTURES, POPULAR MUSIC AND SOCIAL CHANGE

The Network aims to bring together recent studies, insights and methodological approaches in this rich, interdisciplinary

field as Subcultures. The Network's main aims are to promote and facilitate research, encourage interdisciplinary and multidisciplinary approaches to the study of subcultures, initiate and sustain a dialogue between scholars, provide support for peer-review, etc.

www.reading.ac.uk

NEWSLETTER ON THE RESULTS OF SCHOLARLY

Scientific and popular journal: Newsletter on the results of scholarly work in sociology, criminology, philosophy and political science is a German scientific-popular-science journal. The journal's main subject is criminology; scientific disciplines: psychology, philosophy, criminology, sociology, political science. The newsletter focuses on studying phenomena such as crime, organized crime, corruption, money laundering, criminal psychology, criminology as a research discipline, philosophical aspects of crime investigation, political analysis of the influence of crime and its activity on society, public and state structures. The journal aspires to maintain the highest ethical standards of publication and scientific proficiency through peer review and strict policies.

www.sci-result.de/journal

DOGMA. JOURNAL OF PHILOSOPHY AND HUMAN SCIENCES

Dogma is a multidisciplinary quarterly journal founded by the French philosopher Angèle Kremer-Marietti (1927–2013) and was edited by Dr. Angele and Dr. Thierry Simonelli. Several years ago, Dogma was entrusted to Dr. Lucien Samir Oulahbib, the chief editor of the journal today. Dogma editions cover different topics from political philosophy to arts. It encourages different perspectives on relevant issues and fuels your critical and constructive reflections.

www.dogma.lu

LITERARY-SCIENTIFIC NEWSLETTER

Literary-Scientific Newsletter is the first all-Ukrainian literary-scientific and socio-political journal initially was published in print from 1898 to 1932. The journal was founded at the initiative of Ukrainian and Soviet historian, public and political figure

Mikhail Grushevsky. The "Literary-Scientific Newsletter" published the works of the best Ukrainian writers and scientists and was printed by a scientific society named after Taras Shevchenko. This publication was the first one to publish Ivan Franco's "Ways-Roads", Nikolai Voronoy's "Choral potion" and Lesia Ukrainka's "Predawn Lights". It also published Ukrainian translations of Edgar Allan Poe's, Friedrich Schiller's, and William Shakespeare's works.

In 2019 "Literary-Scientific Newsletter" was reactivated by courtesy of academician Ph. D. Oleg Maltsev (head of the Odessa regional branch of the Ukrainian Academy of Sciences) and Kim Kanevsky (distinguished journalist of Ukraine)

www.lnvistnik.com.ua/ru

"GRANITE OF SCIENCE"

The "Granite of Science" is a popular-scientific portal that publishes relevant and reliable knowledge about the state of Ukrainian and world science. The "Granite of Science" has become a tool for managing social requirements for science in Ukraine. The journal accepted the responsibility to demand from the scientists to be in line with the glorious past of Ukrainian science and the daring future world tendencies to bring the research of state institutions to the orbit of an advanced enlightened community.

www.un-sci.com

"BAUDRILLARD NOW"

Baudrillard Now is an interdisciplinary journal that aims to popularize the works of Jean Baudrillard and analyze today's world through the prism of his ideas and theories. The journal is also intended to provide a forum for work at the crossroads of Baudrillard's philosophy, sociology, radical anthropology and postmodern theory.

www.baudrillard-scijournal.com

EXPEDITION JOURNAL

The Expedition journal was conceived as a corporate journal for professional scientists. Here are the shades of the Latin word "expedire": to unravel, to establish, to equip, to implement —

everything a scientist does. The journal was created for all engaged in scientific practice and academic research. “Expedition” presents an objective account of history to give an opportunity for all to view this world from a different plane with different perspectives, to reveal the way mechanisms of power are triggered on a certain territory and in the world, and the way some figures subjugated others in the course of the history. Also, the “Expedition” journal studies how historical architectural buildings are used to manipulate changes in the environment and affect human consciousness. Whereby, an individual makes important life decisions guided by unreliable sources of information. “Expedition” journal is the result of the Expeditionary Corps’ work over the past 6 years since its establishment.

www.expedition-journal.de

WORLD OF MARTIALARTS

This international publication is established in Germany by a group of specialists in the field of martial arts from different countries around the world (USA, Russia, Germany, Italy, Spain, France and South Africa). The magazine includes eight rubrics according to which world martial arts problems are covered on stream. The magazine provides verified information only, in compliance with EU legislation. Implementation of these regulations is strictly controlled by the editorial board of the magazine. Publication staff consists of 50 highly experienced journalists from around the world.

www.worldofmartialarts.pro

NÄCHSTE STUFE

Nächste Stufe. Erweiterte Ansicht auf die Wissenschaft (“Next Level. Advanced View of Science”) is an online version of German popular-science journal «Nächste Stufe», which was founded in 2012 and originally was only in print. It was founded by Prof. Dr. Cord Arendes (Heidelberg University), Prof. Dr. med. Maximilian Schwartz (University of Munich) and Prof. Dr. Lucas Schmidt-Mende.

The objective of the journal is to assemble striking and non-conservative scientific ideas from every corner of the world and enhance literacy and completeness of readers’ viewpoints in areas such as history, medicine, sociology, psychology, cybernetics, and information technology.

www.naechstestufe.com

THE SOCIETY IS A SUCCESSOR OF THE SOCIETY FOR LAW AND STATE KNOWLEDGE

The Society is a successor of the Society for Law and State Knowledge of Odessa by Novorossiysk University founded in 1913. Its predecessor was the Richelieu Lyceum Law Society founded after the judicial reform of 1864. The members of the above societies were scientists, lawyers, judges, prosecutors and honorary figures of the city. The main goal of the society is to popularize legal sciences, humanities and conduct scientific research at the intersection of humanities.

www.facebook.com/humanscisociety

BIGGUNS PHOTOS CONCERN

BigGuns Photos Concern was founded in June of 2018. The key concept of the Concern is to present the view of the camera as a logical model which explains how to achieve results in life and to use it as a tool for insights. The main factor of photography is the strength of its impact on a person.

www.facebook.com/BigGunsPhotos

SOCIETY UNITES PSYCHOLOGISTS, PSYCHIATRISTS, MEDICAL SPECIALISTS AND PHILOSOPHERS

Society unites psychologists, psychiatrists, medical specialists and philosophers. The main tasks of the society are to help young scientists and to celebrate the merits of those researchers who have made significant contributions to science. The revival of this society took place on October 29, 2019. The president of the society is the head of the Theurung Association, candidate of psychological sciences Alexander Sagaidak.

www.facebook.com/Психолого-философское общество

DESTREZA ACHINECH

The school of historical fencing, «DESTREZA ACHINECH» differs from other fencing schools by the fact that it applies the science of Destreza without any distortion. This school is the keeper of the ancient Chivalric Spanish tradition and cooperates

with several research institutes such as the Research Research Institute of World Martial Art Traditions and Criminalistic Research of Weapon Handling, and The Memory Institute.

www.destreza.one

DIGITAL WORLD

Digital World (DW) is a popular-science core publication — your guide in the world of contemporary IT. Innovation and scientific solutions for some become keys to progress, for others it is a dangerous tool for fulfilling self-interested and ethically compromised goals. DW analyzes and investigates both facets of the digital world, which has become an alternative reality for humankind over the past 15 years.

www.dw.expert

THE EASTERN EUROPEAN UNIVERSITY NETWORK

The Eastern European University Network — Association of universities from five countries: Ukraine, Belarus, Moldova, Georgia and Poland. The aim of the network is to partner in research, teaching students and networking with universities. This goal should be accomplished by means of international grants and research projects, exchange of scientific and research services, the use of infrastructure, implementation of joint educational projects — such as the development of international training programs, exchange of students and scholars.

www.facebook.com/Eastern-European-University-Network

ГРАНИТ НАУКИ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
О УКРАИНСКОЙ И МИРОВОЙ НАУКЕ

www.un-sci.com

https://t.me/granitnauky

https://www.facebook.com/granit.nayki/

https://un-sci.com/ru/

+380 (50) 879 78 57

+3712608007

Riga, Garozas 3 — 1

Номер в регистре: 0007404830

ISSN 2661-572X (Online)

ISSN 2661-5711 (Print)